

А.Н. БЛОХИНЦЕВ

И ЖИЗНИ
СЛЕД
ОСТАВИЛИ
СВОЕИ...

А.Н. БЛОХИНЦЕВ

И ЖИЗНИ
СЛЕД
ОСТАВИЛИ
СВОЕЙ...

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Рецензенты: *А. Д. Соймонов*, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Пушкинского дома; *С. Л. Сытин*, доцент Ульяновского государственного педагогического института.

Блохинцев А. Н.

Б70 И жизни след оставили своей...: [Очерки]. — 2-е изд. — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд-ние), 1985. — 224 с., ил.

Книга краеведа А. Н. Блохинцева знакомит читателей с выдающимися земляками — людьми, чья жизнь стала примером подлинного патриотизма, любви к родине, беззаветного служения народу.

0505040000
Б 153(75)—85

63.3/2P35/
9/с 14/

© Приволжское книжное издательство, 1980
© Приволжское книжное издательство, 1985

ПРИВЕРЖЕНЦЫ ВОЛЬНОСТИ

Киндяковка... Так совсем недавно называли, да порой и сейчас продолжают именовать южную часть Ульяновска. С чем это связано?

Дело в том, что в черту Железнодорожного района и в черту города ныне входит бывшая деревня Винновка — «Киндяковка тож», как ранее выражались. Эта деревня когда-то принадлежала Киндяковым и носила два наименования: одно — по фамилии владельцев, другое — по названию Винного врага, или оврага, близ которого когда-то, в начале XVIII столетия, существовало винокуренное производство.

Киндяковы принадлежали к старой фамилии служилых дворян, известной с XVI века. Так, в дошедшем до нас старинном документе за 1584 год встречается имя «Горянки Васильева сына Киндякова», имевшего поместный оклад в 100 четвертей¹, то есть в 150 десятин земли. Под 1605 годом значится «Ларка Дмитриев сын Киндяков» с поместным окладом 80 четвертей, или 120 десятин². В 1631 году фигурирует уже «Семен Силин сын Киндяков» с поместным окладом в 225 десятин земли³.

Есть основания полагать, что первым владельцем деревни Киндяковки — Винновки был «Исай Григорьев сын Киндяков», который, видимо, в конце XVII века основал деревню и построил на ее южном краю, на высоком плато, большой двухэтажный каменный дом. О принадлежности постройки именно к XVII веку свидетельствовал большемерный кирпич (30×15×7 см), который в более позднее время строители не употребляли.

Дом Киндяковых посещали, будучи молодыми, Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев⁴, а позднее — братья Языковы, Бестужевы, Ермоловы и другие передовые представители симбирского общества. В нем бывал известный русский писатель И. А. Гончаров.

Здесь у него возникла идея романа «Обрыв», а некоторые из обитателей имения стали прототипами героев этого романа.

В 60-х годах усадьба Киндяковых была перенесена на новое место — севернее Винновки, а старый дом и службы вокруг него постепенно приходили в упадок. Впоследствии заброшенный и обветшалый дом был разобран, и его остатками укреплялась плотина винновского пруда⁵.

В 1912 году, в столетний юбилей И. А. Гончарова, на месте старого дома Киндяковых был открыт памятник-беседка в честь посещения писателем этого места⁶.

Начиная с Исаи, родословная Киндяковых выглядит следующим образом: Исай, его сын Иван, сын Ивана Афанасий и сын Афанасия Василий. Последний имел трех сыновей и пять дочерей: это Петр, Лев, Павел, Олимпиада, Юлия, Надежда, Александра и Анастасия⁷.

В 1794 году, в период генерального межевания земель, Василий Афанасьевич Киндяков владел в Винновке полутора тысячами десятин земли. В этой деревне он имел сто двадцать пять душ крестьян; кроме того, у него имелись земли и крестьяне в других селениях Симбирского уезда⁸.

В 1811 году В. А. Киндяков выселил из Винновки шесть крестьянских дворов и основал в семи верстах от своей усадьбы новую деревню, назвав ее Белым Ключом⁹. Сюда же он переселил тридцать душ крестьян из села Криуши.

С деревней Винновкой обычно связывают имя Фирса Иванова — предводителя одного из отрядов крестьянской армии Пугачева¹⁰. На самом деле Фирс Иванов, действиями своего отряда угрожавший Симбирску, был родом из села Сурали (оно же Ильинское) Саратовского уезда и к Винновке отношения не имел¹¹.

Вероятно, Василий Афанасьевич Киндяков, вышедший в начале 1767 года в отставку в чине поручика артиллерии¹², был просвещенным помещиком. В 1789 году он оказался одним из шести в Симбирской губернии

подписчиков на «Древнюю Российскую Вивлиофику» — издание известного просветителя Н. И. Новикова — и одним из ста тридцати подписчиков на это издание в России¹³.

В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII века на его земле, в юго-восточной части Винновской роши, было построено здание масонского храма под названием «Киндяковская беседка» (его руины сохранялись до конца 20-х годов нашего столетия). В действительности это было фундаментальное каменное сооружение высотой до шестнадцати метров, с четырьмя портиками, увенчанное деревянной скульптурой Иоанна Крестителя — покровителя масонов. Следовательно, В. А. Киндяков был членом первой в Симбирске масонской ложи, основанной П. П. Тургеневым в 1784 году; это еще раз подчеркивает его принадлежность к просвещенной части симбирских дворян.

Каждый из сыновей Василия Афанасьевича был по своему интересен. Все трое служили в войсках, а Петр и Павел оказались участниками тайного противоправительственного кружка офицеров и чиновников в Смоленской губернии, часть членов которого находилась в Смоленске, а другая — в Дорогобуже, Вязьме и других местах губернии.

Расцвет деятельности этого кружка относится к 1797 году. В его состав входили отставной подполковник А. М. Каховский, его брат по матери подполковник и будущий проконсул Кавказа А. П. Ермолов, полковники П. С. Дехтерев и П. В. Киндяков, отставной поручик П. В. Киндяков и другие. В деятельности кружка принимал участие и Г. А. Каховский, отец будущего декабриста¹⁴.

В начале 1798 года начались гонения на членов кружка. По доносу был арестован командир Санкт-Петербургского драгунского полка, расквартированного в Дорогобуже, П. С. Дехтерев. После этого командование полком принял Петр Васильевич Киндяков. Но прошло немного времени, и в Петербурге был получен донос и на Киндякова.

В июне 1798 года в Смоленск был послан для расследования генерал Линденер¹⁵. Он обнаружил подпольный политический кружок в составе тридцати человек. Видную роль в этом кружке играл П. В. Киндяков. О нем в донесении Линденера говорилось,

что, проживая в селе Котлино (близ Дорогобужа) у своей тетки, тамошней помещицы, Петр Киндяков устраивал у себя на квартире собрания офицеров; что брат его, отставной офицер, ходит в якобинском платье, весь в черном, а прочие офицеры, собираясь у полкового командира в шлафроках и халатах, «с вольностью возлежат на канапе».

Об этих собраниях в квартире Киндякова Линденер писал: «Вольные, или паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления... таковые суждения произносимы были при полковых офицерах. Чтение публичное в своей квартире запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескье, «натуральную философию» Гольбаха и прочие таковые книги, развращающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление и вольности. И все оне чтение и истолкование было при офицерах... Он (Киндяков) явно в образец другим сделал объявление желания своего ехать во Францию»¹⁶.

Чтобы яснее представить круг интересов П. В. Киндякова, характер читавшихся у него книг, саму атмосферу дома и настроенность собиравшейся в нем компании, напомним, что Гельвеций был выдающимся представителем французского материализма и атеизма XVIII века и одним из идеологов Великой французской революции. Основное произведение Гельвеция — «Об уме» — Дени Дидро назвал «здоровенным ударом дубиной по предрассудкам всех родов». Оно относится к числу «блестящих и талантливых произведений философии и атеизма XVIII века» и высоко оценено В. И. Лениным¹⁷. Эта книга была осуждена во Франции на сожжение за подрыв «основ христианской веры». Зато в борьбе с религиозным мракобесием сегодня французские коммунисты используют произведения Гельвеция, а реакционные философы, наоборот, пытаются опровергать его идеи, высказанные более двухсот лет тому назад. Другой читавшийся у Киндякова автор — Гольбах — также был крупнейшим представителем французского материализма и атеизма. Его произведения и содержащиеся в них идеи до сих пор являются мишенью для нападок и «опровержений» со стороны прислужников Ватикана¹⁸.

Можно себе представить, насколько взрывоопасны

были книги Гельвеция и Гольбаха двести лет тому назад.

Родственные и земляческие связи участников кружка позволяют предположить, что они не могли не знать А. Н. Радищева и его «Путешествия из Петербурга в Москву»¹⁹.

Чтение запрещенных книг и вольнодумные беседы являлись в известной мере лишь фоном, но не самоцелью участников смоленского кружка. «... Деятельность их была направлена «к перемене правления», причем идея цареубийства прямо обсуждалась на заседаниях кружка... Читали вслух трагедию Вольтера «Смерть Цезаря» и шумно выражали свое одобрение автору, когда зачитывалась сцена убийства, завершавшаяся словами: «Цезарь был тиран; да погибнет и память его!» «Вот так бы и нашего!» — воскликнул при этом однажды Каховский»²⁰.

Перечисляя ряд фамилий кружковцев, Линденер доносил в Петербург: «Все сии штаб- и обер-офицеры соединились, однако ж, в единомыслии с полковником Киндяковым и были им руководимы...»²¹.

В поле зрения следствия попал и Павел Васильевич Киндяков, который служил в Петербурге, но, выйдя в отставку, «по пути в Симбирск» заехал к своему брату Петру. По поручению последнего Павел Киндяков совершал частые поездки по воинским частям, расположенным в Смоленской губернии. Следователи сделали ему замечание, что его «свидание» с братом затянулось на полгода, однако цели его поездок не выяснили. А вскоре стало известно, что Павел Киндяков в доме своей тетки в имении Котлино сжег все компрометирующие кружковцев бумаги, чем и поставил следствие в тупик²².

Интерес представляет собой и тетка братьев Киндяковых, которая неоднократно упоминается в документах следствия. Это симбирская помещица Мария Ивановна Аргамакова, бывшая владелица села Анненково Стенное Симбирского уезда. В свое время она вышла замуж за Ф. А. Грибоедова и стала впоследствии бабушкой автора «Горя от ума» — А. С. Грибоедова. Она же приходилась двоюродной теткой А. Н. Радищеву, автору знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». После смерти своего мужа Аргамакова поселилась в его смоленском имении в селе Котлино, в пят-

надцати верстах от Дорогобужа. Затем она вторично вышла замуж — за полковника Розенберга, но вскоре спять овдовела и свои заботы обратила на племянников, братьев Киндяковых²³.

Сохранившиеся следственные материалы и отрывки из переписки между теткой и племянниками говорят о том, что Мария Ивановна благоволила к братьям Киндяковым, была хорошо осведомлена об их настроениях и замыслах. Она сочувствовала и в определенной мере помогала им, предоставляя свой дом для собраний кружка и хранения недозволённых материалов.

Средний из братьев — Лев Васильевич Киндяков — отставной майор артиллерии, живший в Петербурге, намечался Павлом I к ссылке в Сибирь по другим мотивам. Только приятельские связи и благоприятные обстоятельства помогли ему срочно покинуть Петербург и тем самым избежать суровой кары²⁴. Находясь в Винновке, он знал о деятельности своих братьев. Его перепиской интересовались «блюстителю порядка», но к следствию за недостаточностью улик он не привлекался.

В конце 1798 года следствие закончилось. Кружок был разгромлен, члены его арестованы; некоторые из них заключены в тюрьмы, другие отправлены в ссылки. Петр Киндяков был отстранен от командования полком, арестован и сослан на вечное поселение в Сибирь, в далекий Олекминск. Павел Киндяков также был арестован и сослан на вечное поселение — в Тобольск²⁵. Но спустя немного времени, в марте 1801 года, Павел I был убит, а все репрессированные при его жизни люди «помилованы» и возвращены из тюрем и ссылок.

Вернулись из Сибири к себе в Винновку и братья Киндяковы²⁶.

Петр и Павел Киндяковы были первыми из симбирян активными участниками развивавшегося с конца XVIII века противоправительственного движения. «Смоленских «якобинцев»... можно назвать предшественниками декабристов. Самым фактом своего существования смоленская организация подтверждает то положение, что декабризм не был выражением чужих теорий и идеологии, импортированных в Россию после походов 1813 — 1815 гг. Декабристское движение явилось логическим продолжением и развитием общественного движения в России конца XVIII и начала XIX века»²⁷.

Возвратившись из ссылки, Петр и Павел первое время жили в Винновке и в Симбирске. В декабре 1809 года генерал-майор Петр Киндяков с семейством присутствовал при торжественном открытии Симбирской гимназии²⁸.

В 1815 году Петр Киндяков приобрел деревню Кашинку Симбирского уезда, которую потом продал своему зятю А. Н. Раевскому, женатому на младшей из его дочерей — Екатерине²⁹ (у Петра Васильевича было три дочери: Мария, Елизавета и Екатерина).

Впоследствии Петр Киндяков обосновался в Москве, где приобрел в самом фешенебельном квартале столицы большой дом, принадлежавший ранее князьям Голицыным³⁰. Дом Киндяковых некоторое время являлся одним из центров собраний светской молодежи Москвы. В. И. Бухарина, в замужестве Анненкова, в своих французских записках, вспоминая московскую осень 1830 года, отмечала:

«Мало-помалу эпидемия³¹ кончилась, и возобновилось обычное времяпровождение московского общества. Два гостеприимных дома взяли на себя миссию оживлять Москву и собирать лучший цвет общества — это были дом Пашковых и дом Киндяковых...

Я находила большое удовольствие в этих собраниях и свела близкое знакомство с двумя молодыми девушками, каждая из которых украшала собой свой дом...

В доме Киндяковых — очень любимая мною младшая дочь Екатерина, изящная и крайне восторженная. Она любила одного человека (Ивана Путяту), но его мать запретила ему жениться, и тогда она вышла замуж за поверенного своей любви — Александра Раевского, прожила с «Демоном Пушкина» очень недолго и умерла, родив ему дочь, на которую отец перенес всю привязанность...»³².

Это тот самый Раевский, отец которого — генерал Н. Н. Раевский — в решительный момент одного из боёв 1812 года, взяв за руки своих юных сыновей Александра и Николая, пошел с ними на врага, воодушевляя этим своих солдат на ратный подвиг.

Александр Раевский — родной брат Марии Николаевны Волконской, одной из лучших русских женщин, жены декабриста, добровольно последовавшей за сво-

им мужем в Сибирь на каторгу³³. Екатерина Киндякова-Раевская писала Волконской в Сибирь теплые письма, получая оттуда ответные послания. Вот отрывок из письма Екатерины Петровны к Марии Николаевне от 25 августа 1837 года: «В Авчурине, дорогая Мари, я имела счастье получить Ваш портрет и портреты Ваших детей, которые ждала с таким нетерпением. Ваш портрет меня огорчил, лицо носит печать страданий, и я не могла без замиранья сердца смотреть на скорбное выражение Ваших черт. Я расплакалась, и только вид Ваших детей немного меня успокоил... До конца сентября у меня будет время скопировать оба портрета...»³⁴.

В этом письме шла речь о портретах Волконских, выполненных декабристом Н. Бестужевым и присланных М. Н. Волконской из Сибири. Их собиралась собственноручно копировать Екатерина³⁵.

В Госархиве Ульяновской области хранятся письма Екатерины Петровны Киндяковой к своему кузену А. Л. Киндякову, написанные по-французски. По ним удалось установить двух других сестер Екатерины и их мужей. И что самое главное, — все это привело к пушкинскому окружению, к тем людям, с которыми общался великий поэт.

Старшая из сестер — Мария — вышла замуж за Сергея Дмитриевича Полторацкого, человека весьма примечательного. Это близкий друг Пушкина, библиограф и библиофил, первый пропагандист пушкинских произведений во Франции, сотрудник прогрессивного парижского журнала «Ревью Энциклопедик». Еще не будучи лично знакомым с поэтом, Полторацкий в 1822 году опубликовал в этом журнале заметку об оде «Вольность» — «полной одушевления, поэзии и возвышенных идей», как он писал, и о стихотворении «Деревня», в котором, по его словам, «поэт скорбит о печальных последствиях рабства и варварства». В результате публикации этой заметки Полторацкий в начале 1823 года был уволен со службы и выслан под надзор полиции в свое имение Авчурино, находившееся близ Калуги³⁶.

На протяжении десяти лет сотрудничества в «Ревью Энциклопедик» Полторацкий опубликовал на его страницах более ста корреспонденций из России. Среди них — статьи и заметки о крепостном праве, о декабристах, многочисленные рецензии на произведения Державина, Крылова, Жуковского, Баратынского, Веневи-

тинова и других. Более того, Полторацкий финансировал близкий ему по духу парижский журнал, переводя ежегодно его издателю от восьми до пятнадцати тысяч франков³⁷.

Впоследствии Полторацкий становится сотрудником Герцена и Огарева и первым из русских, давших свой отзыв на первый выпуск «Полярной звезды». Он систематически посылал в Лондон Герцену «запрещенные в России издания и списки неизданных стихотворений Пушкина»³⁸.

Полторацкий ревностно собирал и изучал все произведения Пушкина — в том числе его бесцензурные стихи и эпиграммы — и был для своего времени лучшим знатоком и толкователем творчества поэта, оберегавшим пушкинское поэтическое наследие от различных искажений.

С Пушкиным его связывало и то, что он был двоюродным братом двух женщин, небезразличных поэту. Первая — Анна Алексеевна Оленина; в нее был влюблен Пушкин, ей посвятил стихи:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...

Вторая — Анна Петровна Керн, с которой также связано увлечение поэта и создание одного из его шедевров:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

А. П. Керн выросла в доме Олениных, и именно там Пушкин в 1819 году увидел ее впервые.

Таким образом, через С. Д. Полторацкого Киндяковы состояли в родстве с Олениными и с Керн. По условиям жизни того времени такая степень родства была достаточно близкой.

Дом президента Академии художеств А. Н. Оленина был центром научной и художественной жизни столицы; здесь собирался цвет общества, бывали декабристы. И естественно, что Сергей Дмитриевич и Мария Петровна Полторацкие, проживая в Петербурге, являлись постоянными посетителями домов Олениных и генерала Е. Ф. Керн — мужа Анны Петровны; а она в свои приезды в Москву не могла не бывать в доме Киндяковых.

Пушкин очень тепло относился к Полторацкому. Зная о библиографических увлечениях друга, поэт подарил ему редкий комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769—1773 годы. Также подарены им Сергею Дмитриевичу только что вышедшие издания «Цыган» и «Полтавы». Друзья часто встречались. Так, 19 февраля 1827 года Пушкин, Полторацкий и известный польский поэт Мицкевич присутствовали на вечере у Н. А. Полевого³⁹.

Об искренней привязанности поэта к Полторацкому говорит очень короткая, но выразительная записка Пушкина: «25 марта 1829 г. в Москве. Ты совершенно забыл меня, мой милый. А. П.»⁴⁰.

В Ульяновском художественном музее хранится литографированный портрет С. Д. Полторацкого парижской работы и акварель Марии Киндяковой-Полторацкой с изображением интерьера гостиной, датированная «1856 г., С.-Петербург» (инв. № 1269).

М. П. Киндякова-Полторацкая была художницей и систематически занималась живописью. О таких ее занятиях Екатерина Киндякова писала: «Я думаю, что при вас Мари начала портрет Николая Пашкова. Она его еще не закончила, и он продолжает приходить к нам два или три раза в неделю, чтобы позировать. Я принялась за портрет Полины. Она приходит позировать в один и тот же день, и у нас настоящая художественная мастерская. Если вы хотите знать, что стало с портретом, который писали вы, я вам скажу, что Мари взялась его закончить, но так как я ненавижу позировать, он подвигается очень медленно, и до сего времени он совсем не похож»⁴¹.

Средняя из дочерей П. В. Киндякова, Елизавета Петровна, вскоре по приезде из Симбирска в Москву приобрела симпатии московского общества и завоевала репутацию одной из первых красавиц города. Совсем молодой она вышла замуж за князя Лобанова-Ростовского. Брак сложился неудачно, и в 1828 году она вторично выходит замуж — за Александра Васильевича Пашкова, участника Отечественной войны 1812 года. В свои двадцать четыре года Пашков был уже полковником лейб-гвардии гусарского полка. Впоследствии он получил звание генерал-майора. Но главное — это тоже человек пушкинского круга, встречавшийся с поэтом⁴².

Наибольшую популярность Елизавета Петровна приобрела в московских литературных кругах. В числе симпатизировавших ей были: поэт и близкий друг Пушкина П. А. Вяземский; писатель, переводчик, член Академии наук и один из знакомых Пушкина А. С. Норов; друг Пушкина, брат декабриста А. И. Тургенев; поэтесса Е. П. Ростопчина и другие.

Лиза Пашкова являлась душой общества, встречи с ней были для многих потребностью. П. Вяземский в стихотворении «Запретная Роза», посвященном Е. П. Пашковой, писал:

Прелестный цвет, душистый, ненаглядный,
Московских роз царица и краса!..

Пушкин в письме к Вяземскому спрашивал: «Что наши? Что запретная Роза?..»⁴³

В переписке П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и А. С. Норова часто упоминается наша землячка. Например, 11 января 1832 года Тургенев писал Вяземскому: «Поцелуй ручку или что можешь милой Елизавете Петровне Пашковой». Через неделю Вяземский отвечал: «...к сожалению моему, почти вовсе не вижу Елизаветы Петровны»⁴⁴.

4 сентября 1832 года Вяземский писал другу из Петербурга: «В Москве все идет по-старому; Пашковы и Киндяковы монополюют. Получаю иногда письма от Лизы Пашковой и Норова; все о тебе расспрашивают...»⁴⁵

В декабре 1833 года Тургенев сообщает Вяземскому из Италии: «Дай знать Пашковой и Бартеневой, что получил здесь весеннее их письмо... что благодарю их от всего сердца и буду отвечать...»⁴⁶

Завсегдатаем в домах Пашковых и Киндяковых была московская красавица и поэтесса Екатерина Александровна Тимашева, двоюродная тетка сестер Киндяковых. Ее салон посещали Пушкин, Вяземский, Баратынский, Языков⁴⁷.

Поэтические опыты Е. А. Тимашевой, как и она сама, встречались Киндяковыми более чем сдержанно. Об этом свидетельствует письмо Екатерины Киндяковой к своему кузену А. Л. Киндякову от 12 июня 1832 года. Вот часть этого письма:

«Вы меня называете женщиной-поэтом. Знаете ли Вы, что это значит почти оскорбить меня, и если в пят-

надцать лет я забавлялась писанием нескольких стихов, я уверяю Вас, что в девятнадцать я не нахожу ничего более смешного, чем прослыть остроумной женщиной. Я прошу Вас поверить, что уже довольно долгое время мне не приходило в голову сложить хотя бы одно стихотворение. И мне кажется, что только великое превосходство таланта может заставить женщину писать и особенно — печататься.

Можно, конечно, иногда сделать попытку, но признайтесь, что только двадцать лет, возвышенное воображение, очаровательное лицо, великолепные черные глаза и огромная любезность могут заставить простить Додо Сушковой прекрасные стихи, которые она сочиняет с удивительной легкостью и, конечно, гораздо лучше, чем тетушка Тимашева.

И Вы тоже, Вы не любите эту бедную тетюшку. Она между тем убеждена, я думаю, в обратном; это еще одна из ее иллюзий, которую она утратит, как и все другие. Признаюсь, я ее тоже не люблю, но в настоящее время она вызывает жалость.

Она, всегда окруженная обожателями, она, целиком предававшаяся этому, становится более рассудительной, изображает в силу необходимости добродетель, реже выезжает в свет и больше занимается своими детьми. Но, по правде говоря, я убеждена, что ее пристрастие к уединению продлится только до тех пор, пока она чувствует себя покинутой... Довольно гадко с моей стороны говорить плохо о бедной тетушке, которая занята лишь тем, что обожает нас и льстит нам все эти три месяца...»⁴⁸.

Таким образом, русская литература была не только знакома, но и сродни Киндяковым. А сами они являлись частицей той среды, которая питала и оживляла московское общество первой половины XIX века.

В феврале 1834 года известный московский почт-директор А. Я. Булгаков — близкий к литературным кругам человек и постоянный гость Киндяковых — рассказывал в письме к дочери: «Только что вернулся с бала у Киндяковых, который был прекрасен...» В другом его письме говорится: «Вчера была бездна народу у Киндяковых...»⁴⁹ Эти письма свидетельствуют о том, что и в 1834-м дом Киндяковых оставался одним из центров светской жизни Москвы, каким он был, по словам В. И. Бухариной, в 1830 году.

Конечно, в этой «бездне народа» было немало великосветской шелухи и дряни, но встречались и интересные, содержательные люди; среди них — уже упоминавшиеся П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, А. С. Норов. Часто бывала у Киндяковых Прасковья Арсеньевна Бартенева — фрейлина, одна из лучших певиц первой половины XIX века, — та самая Полина Бартенева, которая ограждала от унижений в придворном кругу М. И. Глинку и которая пропагандировала его сочинения⁵⁰.

В марте 1834 года у Киндяковых побывал старый сослуживец Петра Васильевича, бывший участник смоленского кружка, сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова Алексей Петрович Ермолов. Николай I боялся и ненавидел его за близость к декабристам⁵¹.

Относительно записок В. И. Бухариной, в которых шла речь о домах Пашковых и Киндяковых, И. Андроников писал: «Я привожу эти обширные выписки из записок Бухариной-Анненковой потому, что это Москва 1830—1832 годов и общество, в котором появляются не только Вяземский и Александр Тургенев, но и Пушкин и Лермонтов»⁵².

* * *

Представляет интерес и семья Льва Васильевича Киндякова. В отличие от братьев Петра и Павла, переселившихся в Москву, отставной майор артиллерии Лев Киндяков остался в Симбирске и иногда выезжал в столицы. А весной 1837 года он с женой Анной Владиславовной и дочерью Аделаидой выехал на лечение в Пятигорск. Там в это время находились В. Г. Белинский, Н. М. Сатин и М. Ю. Лермонтов⁵³. Сатин — товарищ Лермонтова по университетскому пансиону — некоторое время жил в Симбирске, куда был выслан из Москвы под надзор за «пение пасквильных песен». В Симбирске Сатин не мог не знать Льва Киндякова, и, вероятно, именно он познакомил Лермонтова с семьей Киндяковых в Пятигорске.

В результате этого знакомства, по одному из предположений, Аделаида стала прототипом княжны Мери, а ее мать — прототипом княгини Лиговской в романе «Герой нашего времени».

Первый биограф поэта П. А. Висковатый писал: «...видели прототип княгини и княжны Лиговских в госпоже Киндяковой с дочерью из Симбирска, лечившихся в Пятигорске»⁵⁴.

Автор романа словами доктора Вернера так обрисовал обеих героинь:

«Во-первых, княгиня — женщина 45 лет... у нее прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве, и тут на покое растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна, как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь бог знает от чего; я велел обеим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в разводной ванне. Княгиня, кажется, не привыкла повелевать: она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру...»⁵⁵.

Неважно, что Киндякова-мать, она же Лиговская, растолстела не в Москве, а в Симбирске. В остальном все реально и возможно.

Есть еще одно интересное предположение.

«...В сороковых годах, во время посещения И. А. Гончаровым Киндяковки, владельцами ее были Лев Васильевич и Анна Владиславовна Киндяковы...»⁵⁶ Общеизвестно, что идея романа «Обрыв» возникла у Гончарова именно в Киндяковке, и там же он набросал план этого романа. Существует несколько версий о том, кто именно послужил прототипами героев этого романа.

По материалам, которые удалось обнаружить, прототипами бабушки, Веры и Марфиньки могли быть Анна Владиславовна Киндякова и две ее внучки от умершей дочери Натальи Львовны Киндяковой, в замужестве Ренкевич, Александра и Наталья.

В самом начале 90-х годов прошлого века некто Н. Лендер побывал в Винновке — Киндяковке и по довольно еще свежим следам писал: «...«бабушка» — А. В. Киндякова скончалась еще в 1857 году...»⁵⁷ Свои записи Н. Лендер делал по сведениям, сообщенным ему Софьей Александровной, дочерью Александра Львовича Киндякова. А в Госархиве Ульяновской области

сохранился документ, в котором говорится, что 29 апреля 1855 года Лев Васильевич, Анна Владиславовна, их дочь Аделаида и сын Александр «учинили запись» о разделе имущества. В этой «записи» указаны дети умершей Натальи Львовны, и среди них — Александра и Наталья, опекуном которых назначался Александр Львович Киндяков⁵⁸. Девочки жили у своей бабушки А. В. Киндяковой.

Не утверждая, что прототипами героинь Гончарова были именно эти лица, мы приводим данную версию как одну из вполне возможных.

* * *

Итак, Киндяковы представляют для нас несомненный интерес: во-первых, как передовые люди своего времени, носители освободительных идей и предтечи декабристов; во-вторых, как люди, вращавшиеся в литературных кругах Москвы и Симбирска, люди из окружения Пушкина; и, наконец, как возможные прототипы героев крупнейших произведений русской литературы.

«И, ПЛЕТИ РАБСТВА НЕНАВИДЯ...»

Из симбирян, живших в конце XVIII — начале XIX века, наибольший интерес для нас представляет семья Тургеневых. Она была одной из немногих высокообразованных дворянских семей, в которых, по словам академика М. В. Нечкиной, «семена философского вольнодумства и политических сомнений были посеяны еще до появления на свет будущих декабристов, в силу связей этих семей с «великой весной» последнего десятилетия XVIII века»⁵⁹.

Глава семьи, Иван Петрович Тургенев (1752—1807), рано бросил военную службу и принимал активное участие в «Типографической компании» известного просветителя Н. И. Новикова. Бывая за границей, Тургенев вывез оттуда «семена... вольнодумства» и твердое убеждение о необходимости просвещения и образования.

Периодически приезжая в родовое имение Тургеневых⁶⁰ Симбирской губернии, он основал в 1784 году первую в Симбирске масонскую ложу «Златой венец»; он же вывез молодого тогда Н. М. Карамзина из Симбирска в Москву, где вовлек его в издательскую деятельность Н. И. Новикова⁶¹.

В 1792 году по делу Н. И. Новикова И. П. Тургенев был арестован, а затем выслан в Симбирск, где находился с семьей до конца декабря 1796 года. После этого возвращен в Москву и назначен директором Московского университета.

Семья Тургеневых дала России четырех братьев, трое из которых были, каждый по-своему, выдающимися и замечательными людьми своего времени.

Все четыре брата Тургеневых получили прекрасное домашнее воспитание под руководством вывезенного И. П. Тургеневым из Швейцарии Георга Тоблера, человека просвещенного и гуманного, родственника швейцарского писателя Лафотера. Все четверо окончили Московский университетский пансион, а по окончании его учились (кроме Андрея) в Геттингенском университете.

Г. Тоблер долгое время жил в семье Тургеневых, в том числе пять лет — в Симбирске. Он сумел привить своим питомцам твердые понятия о чести, о долге перед родиной, ненависть к крепостничеству и любовь к просвещению⁶².

Старший из братьев, Андрей Иванович, родился в 1781 году. В Симбирске он провел часть своих детских и юношеских лет. Прожив очень недолгую жизнь, он умер в 1803 году.

Более ста лет идейное и духовное наследство Андрея Тургенева оставалось под спудом архивных залежей, пока советские ученые не обнаружили его рукописи, дневники и прочие материалы, из которых перед нами предстал образ благородного молодого человека — пламенного патриота, поэта, исследователя и критика русской литературы.

Наиболее яркой чертой Андрея, как и его братьев, была безграничная любовь к отечеству и патриотический пафос. Он обладал богатой одаренностью, поэтическим талантом и горячей любовью к литературе. Получив хорошее домашнее воспитание, а затем и образование в Московском университетском пансионе, он стоял на голову выше своих товарищей, был независим в суждениях, смело вступал в споры с людьми старших возрастов и умело отстаивал свои взгляды и мнения. Все это определило его положение лидера среди сверстников⁶³.

Организовав из ближайших друзей «Дружеское литературное общество», Андрей видел главную цель этого общества в том, чтобы «возжигать сердца наши священным патриотизмом...»⁶⁴

К началу XIX столетия Тургенев решительно встал на антимонархические позиции. 11 ноября 1799 года он записал в своем дневнике: «Царь народа русского! Сколько горьких слез, сколько крови на душе твоей!»⁶⁵

В свои восемнадцать лет Андрей совершенно ясно осознавал не только социальную несправедливость дес-

потизма, но и неизбежность его крушения. Вот строки из того же дневника: «Россия, Россия, дражайшее мое отечество, слезами кровавыми оплакиваю тебя; тринадцать миллионов по тебе рыдают! Но пусть они рыдают и терзаются! От этого улаждаются два человека, их утучняет кровавый пот их; их утучняют горькие слезы их; они улаждаются; на что им заботиться! Но если этот бесчисленный угнетенный народ, над которым вы так дерзко, так бесстыдно, так бесчеловечно ругаетесь, если он будет действовать так, как мыслит и чувствует, вы, ты и бесчеловечная, сладострастная жена твоя, вы будете первыми жертвами!»⁶⁶

Так он обращался к Павлу I и его жене, предрекая гибель монархии в России. Нельзя не отдать должного политической смелости и дерзости Андрея. Как он близок к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву»! По всему видно, что молодой человек не только читал крамольное произведение и усвоил его суть, но и полностью разделял его основные положения.

На одном из заседаний «Дружеского литературного общества» в речи, текст которой сохранился до нашего времени, Андрей, обращаясь к отечеству, говорил: «Цари хотят, чтоб перед ними пресмыкались во прахе рабы; пусть же ползают пред ними льстецы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои!.. Мы будем жить для твоего блага»⁶⁷. Это уже не только запись для себя, это — действие, пропаганда, пусть в узком кругу друзей, но пропаганда идей бунтарских!

В другой своей речи, произнесенной в том же «Дружеском литературном обществе», он выступил с резким осуждением «карамзинского» направления в литературе. Вред этого направления, по мнению Тургенева, заключался прежде всего в отказе от гражданственной тематики и в отсутствии национальной самобытности творчества: «...пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее...»⁶⁸. А что значит «писать важнее», по мнению Андрея Тургенева? Это значит вскрывать социальные противоречия, освещать актуальные вопросы русской действительности.

Еще в симбирский период жизни Андрей стал горячим поклонником театра и оставался им до конца своих дней. Сохранилось его стихотворение, относящееся к лету 1796 года.

Расставание с Симбирским театром⁶⁹

На целый месяц я теперь с тобой расстался,
Так в расставании с тобой мой дух терзался,
Что накануне я отъезда моего
Грустил, не спал, не ел и не пил ничего.
Познай, как я к тебе, познай, как был привязан.

Это писал пятнадцатилетний юноша. А через четыре года он уже не только поклонник театра, но и его критик. В декабре 1800 года Тургенев записал в дневнике: «...его (театр) испортил Сумароков, заставляя говорить Олегов, Святополков и прочих героев русских изнеженным языком расиновых галло-греческих героев»⁷⁰.

В речи «О русской литературе» Андрей Тургенев подверг резкой критике драматургов Хераскова и других за отсутствие в их произведениях русской самобытности и за их подражание французской драматургии. Он ставил вопрос о необходимости иметь свой оригинальный, подлинно русский театр, отражающий жизнь народа и его историю⁷¹.

Но, пожалуй, самое замечательное состоит в том, что А. Тургенев предсказал появление Пушкина. Нет, он не назвал, да и не мог назвать его имени. Он предсказал его не как конкретного человека, а как неизбежное явление в русской литературе. Сумев глубоко осмыслить диалектику ее развития, Тургенев предвидел «коренное обновление литературы в результате появления могучего творческого таланта, который, опираясь на достигнутое, совершит переворот в литературе». Андрей считал, что такой переворот может совершить «второй Ломоносов, а не Карамзин», то есть поэт, «напитанный русской оригинальностью, одаренный творческим даром»⁷².

Примечательно, что в то время, когда Тургенев излагал эти мысли, в колыбели уже лежал почти годовалый смуглый и кудрявый ребенок, удивительному дару которого суждено было стать величайшим достоянием русской нации.

Несомненно, что, если б не преждевременная смерть Андрея, Россия получила бы в его лице крупного общественного и литературного деятеля и, кто знает, может быть, даже продолжателя дела А. Н. Радищева.

Андрей Тургенев был одним из носителей и выразителей преддекабристских идей и взглядов, в которых со всей решительностью осуждались деспотизм и крепост-

ничество. Но, как мы видели, в то время, когда у него лишь вызревали крамольные мысли, братья Киндяковы уже расплачивались за подобные взгляды своею свободой.

* * *

«Симбирск, Симбирск! Горы твои и величественная Волга не изгладятся из моей памяти. Брат, брат! Скоро ль

Мы на Волгу кинем
Радостный веселый взгляд?
Скоро ль мы друзей обнимем?...»

Так писал 10 января 1803 года один из студентов Геттингенского университета. Тридцать пять лет спустя этот же человек напишет уже из Парижа: «Я часто, почти ежедневно, и не раз в день и в лунные ночи, ходил на Венец любоваться Волгою...»⁷³

Не правда ли, примечательно: и в Германии и во Франции, несмотря на большую разницу в пространстве и во времени, автора этих строк не покидали мысли о Симбирске, о Волге! Этим человеком был Александр Иванович Тургенев, второй из братьев Тургеневых. В первом письме он обращается к старшему брату Андрею, во втором — к своему другу, известному поэту В. А. Жуковскому.

А. И. Тургенев родился в Симбирске 27 марта 1784 года⁷⁴. Здесь он провел часть детских и юношеских лет; сюда неоднократно приезжал в свои зрелые годы. Тургенев был дружен с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским. Именно он отвез маленького Пушкина в Царское-сельский лицей, и он же проводил поэта в последний путь после роковой дуэли.

Это тот самый Тургенев, которого знала вся просвещенная Европа. Он был знаком (а с некоторыми — и в приятельских отношениях) со всеми европейскими знаменитостями. Среди них — Бальзак и Гете, Скотт и Гюго, Мериме и Стендаль, Жорж Санд и Мюссе, Герцен и Кювье, Белинский и Гоголь, Кипренский и К. Брюллов и многие другие.

Он был одним из интереснейших и образованнейших людей своего времени.

Занимая высокий служебный пост, он позволял себе

не соглашаться с официальными точками зрения. За свою оппозиционность к русскому правительству и его политике в мае 1824 года Александр Тургенев был отпущен Александром I от должности директора Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

Один из членов литературного общества «Арзамас», Тургенев был неразрывно связан с «золотым веком» русской литературы. В жестких цензурных условиях николаевской реакции Тургенев служил для России настоящим «окном в Европу». Русский до мозга костей, он был в то же время деятельным участником общественно-научной и литературной жизни Западной Европы и отображал ее в пушкинском «Современнике»⁷⁵.

А. И. Тургенев стал одним из основоположников русского исторического источниковедения. Используя свои обширные связи и знакомства за границей, он собрал и издал в двух томах «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек». Это были выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов (в первом томе — документы за период с 1075 по 1584 год, во втором — с 1584 по 1719 год).

Большое количество документов, собранных Тургеневым, не вошло в это издание, и часть их была представлена Карамзину, когда тот работал над «Историей государства Российского»⁷⁶. Другая часть передана для готовившегося к изданию «Симбирского сборника». Братья Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев в предисловии к нему писали: «Знаменитый собиратель заграничных памятников нашей истории доставил нам многие любопытные акты из своего собрания»⁷⁷.

Тургенев неоднократно приезжал в Симбирск и посещал дома просвещенных дворян, многие из которых были с ним в родственных отношениях. В свой последний приезд, в 1836 году, он провел в Симбирске два месяца в хлопотах по продаже своего родового имения в селе Тургенево. Не хотелось продавать, но пришлось, так как брату Николаю с семьей нужны были деньги⁷⁸.

В конце 1836 г. Тургенев находился в Петербурге. Он был в числе тех близких людей, которые окружали Пушкина все последние дни его жизни. Тургенев видел надвигающуюся трагическую развязку, но не в силах был предотвратить ее. С 25 ноября 1836 года по 26 января 1837 года в своем дневнике он двадцать восемь

раз делает записи о Пушкине и его семье; о его кончине. Как известно, А. И. Тургенев был непосредственным организатором и устройте-лем похорон убитого поэта⁷⁹. Смерть Пушкина он расценивал как народное горе; лермонтовские стихи «На смерть поэта» называл прекрасными и списки с них отсылал в Москву и в Париж брату Николаю⁸⁰.

Несколько позднее Тургенев знакомится с М. Ю. Лермонтовым. В сентябре — декабре 1839 года он не менее одиннадцати раз виделся с поэтом в салонах Карамзиных, Валуевых и других⁸¹.

Появившееся в декабре 1844 года стихотворение Н. Языкова «К ненашим» вызвало гнев Тургенева, и в резкой оценке его он полностью сошелся с Герценом. А когда вышли в свет не менее реакционные гоголевские «Избранные места из переписки с друзьями», Тургенев порвал отношения с Гоголем.

Герцен писал об А. И. Тургеневе: «...весело видеть, как он, несмотря на седую голову и лета, горячо интересуется всем человеческим, сколько жизни и деятельности! А потом приятно слушать его всесветные рассказы...»

Тургенев — европейская кумушка, человек в курсе всех сплетней разных земель и стран и все рассказывает, и все описывает, острит, хохочет, пишет письма, ездит спать на вечера и любезничать везде»⁸².

Вращаясь все время в кругу блестящих невест Москвы и Петербурга, Александр Тургенев, однако, остался холостяком. Вот что писала уже знакомая нам В. И. Бухарина об одной из попыток Тургенева найти себе подругу жизни: «Что касается меня, то я победила другое сердце, которое, казалось, принадлежало мне полностью, — это было сердце Александра Тургенева, приближавшегося в ту пору к пятидесяти годам. Он много рассказывал мне о мадам Рекамье, которую часто видел в Париже, и ставил ее мне в пример, уверял, что у меня есть решительно все, чтобы стать второй мадам Рекамье, чьим Шатобрианом желал бы стать он. Он предлагал мне руку, сердце и состояние и старался увлечь меня мыслью иметь в Париже самый приятный салон и соединять в нем людей избранных и знаменитостей всякого рода. Но я не дала себя соблазнить, я мечтала о более тихой, о более скромной судьбе»⁸³.

Время, о котором идет речь, — 1832 год, когда Бу-

хариной было девятнадцать, а Тургеневу — сорок восемь лет. В конце того же года В. И. Бухарина повенчалась с Н. Н. Анненковым, в ком нашла свою «скромную судьбу».

Несмотря на внешнее благодушие, А. И. Тургенев был глубоко принципиален. Брат декабриста, близкий друг Александра Пушкина, Петра Вяземского и Петра Чаадаева, он не раз смело и открыто выражал свою антипатию к высшим сановникам, демонстративно не подавая в обществе руки тем из них, кто подписал смертные приговоры брату и его товарищам-декабристам.

Осенью 1845 года в Москве, во время раздачи денег и продовольствия пересыльным каторжникам (он был большим филантропом, в хорошем смысле этого слова), Тургенев простудился, после чего занемог и 3 декабря умер. Его бумаги были опечатаны жандармами, а часть их отправлена в Петербург для специального досмотра⁸⁴.

* * *

Третьим из братьев Тургеневых был Николай Иванович. Он родился также в Симбирске, 12 октября 1789 года⁸⁵, в год Великой французской революции, а умер во Франции, близ Парижа, 10 ноября 1871 года⁸⁶, объяв, таким образом, своей жизнью бурную эпоху от Дантона, Марата и Робеспьера до парижских коммунаров.

Пламенный патриот, ярый противник крепостничества, «виднейший идеолог Союза благоденствия и Северного общества»⁸⁷, Николай Тургенев был заочно приговорен к смертной казни через отсечение головы, что позже было заменено вечной каторгой и лишением всех прав и состояния. Уехав за границу на лечение летом 1824 года, он после восстания декабристов не выполнил требования Николая I о возвращении в Россию, что и спасло его от жестокой расправы. Однако Николай I долго оказывал давление на британское правительство, добиваясь выдачи Н. Тургенева, пока в конце мая 1826 года не получил окончательного отказа⁸⁸.

Блестяще образованный, он был ученым-экономистом, автором известной работы «Опыт теории налогов».

Искренне ненавидя крепостное право, Н. Тургенев в 1818 году в свой приезд в Симбирск и родовое имение вопреки желанию матери, закоренелой крепостницы, перевел крепостных с барщины на оброк. Возвратившись в Петербург, он в декабре 1819 года закончил свою записку «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России», в которой писал: «Следует заметить, что никогда закон не водворял рабства в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны... приписанье к земле, мало-помалу, и совсем не по закону, а по праву сильного, обратилось в рабство. Если же сия часть истории нашего отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только оттого, что историю пишут не крестьяне, а помещики».

Записка была передана Александру I, но это осталось без результата⁸⁹.

Через полгода после этого, в мае 1820-го, Николай и Александр Тургеневы, П. Вяземский и двое других подали прошение на имя Александра I, «предлагая дать волю крестьянам, принадлежащим каждому из нас, и умоляя... позволить нам предложить другим последовать нашему примеру...»

Это прошение встретило резкую реакцию правительства, и попытка освобождения крестьян окончилась неудачей⁹⁰.

В 1821 году, после московского съезда «Союза благоденствия» Н. Тургенев опять побывал в своем родовом селе Тургенево. Более тысячи рублей он безвозмездно раздал крестьянам, и в первую очередь — сиротам и многодетным вдовам. В одном из строений он организовал больницу для крестьян, закупил лекарств и за двести рублей в год нанял лекаря из Симбирска.

Покидая тогда Симбирскую губернию, Тургенев заметил, что она «есть одна из замечательнейших по жестокости помещиков и по злоупотреблениям за счет крепостных»⁹¹.

Находясь в эмиграции, Тургенев не оставлял борьбы с царизмом и крепостничеством. В 1847 году он опубликовал на французском языке свою трехтомную книгу «Россия и русские». Взрывная сила этой работы была столь велика, что даже много лет спустя после отмены крепостного права, в 1915 году, появившийся русский перевод книги был почти полностью изъят и уничтожен царской цензурой⁹². Это и понятно, если

прочитать несколько следующих тургеневских строк: «Разве всякий человек не чувствует в глубине своего сердца, что рабство отвратительнейшее из зол? Там, где есть рабы, право на восстание всегда было и не может не быть несомненным. В данном случае можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что восстание не только право, но и священный долг»⁹³.

Данные строки писались хотя и не в России, но о русской действительности и в период жесточайшей реакции Николая I. Как это близко к знаменитому девизу: «К топору зовите Русь!».

Получив в 1857 году амнистию и право проживать в России «где пожелает, но кроме столиц, под надзором», Н. Тургенев приехал на родину. В это время им были переведены на оброк, а затем и отпущены на волю с предоставлением им безвозмездно одной трети всей земли крепостные его имения в Каширском уезде Тульской губернии⁹⁴.

В Симбирск в этот раз он не приезжал, так как родовое имение Тургенево и дом в Симбирске были давно проданы.

Длительное пребывание за границей оторвало Н. Тургенева от России и препятствовало пониманию ее жизни в новых условиях. Семейные же и личные интересы звали Тургенева обратно в Париж, куда он вскоре и возвратился⁹⁵.

Эволюция мышления привела Николая Тургенева к умеренному крылу декабризма. Живя в эмиграции, он перешел на позиции буржуазно-помещичьего либерализма, но при всем том оставался врагом царского режима.

* * *

Четвертый из братьев — Сергей Иванович — вскоре по окончании образования и непродолжительной службы на дипломатических должностях заболел и умер в Париже.

Дом Тургеновых в Симбирске был примечателен не только тем, что в нем родился будущий декабрист, но еще и тем, что являлся одним из очагов культуры и просвещения симбирского общества. Его посещали Аржевитиновы, Бекетовы, Ивашевы, Родионовы, Татари-

новы, Толстые, приходившиеся родственниками Тургеневым, и многие другие симбиряне. Естественно, что вопрос: где находился этот дом и сохранился ли он — имеет большое историческое значение. Длительное исследование выявило, что здание не сохранилось. Но найдено место, где оно располагалось. Дом стоял между нынешними зданием филармонии и главным входом в Центральный парк культуры и отдыха имени Я. М. Свердлова. Фасадом он был обращен на север. В большой пожар 1864 года дом сгорел и потом уже не восстанавливался⁹⁶.

«С УМЫСЛОМ НА ЦАРЕУБИЙСТВО»

В тридцати пяти километрах севернее Ульяновска, на берегу Волги, расположено старинное русское село Ундоры, известное тем, что в нем прошли детские и юношеские годы декабриста Василия Петровича Ивашева.

...В самом центре села находится «роща» — так сельчане называют ныне место бывшей усадьбы Толстых — Ивашевых.

Дорога, идущая с запада, спускается к дамбе. Справа от дамбы — большой пруд. Слева, за огромными ветлами, — возвышенность. На ее вершину ведет липовая аллея. Местность очень живописна.

В центре возвышенности находится обширная площадка. На зеленом травяном ковре четко видны белые полосы — следы фундамента бывшего дома Толстых — Ивашевых. Избыток извести не позволил траве закрыть эти полосы даже в течение полувека. Дом был большой, кирпичный, обращенный фасадом на юг. В центре фасада находился четырехколонный портик, увенчанный фронтоном. С обеих сторон к дому были пристроены флигеля полукруглой в плане формы.

Перед домом когда-то располагалась цветочная клумба, обьезжая которую у ступеней портика останавливались кареты.

Сразу за домом — крутой обрыв к долине речки, а за ней, на возвышенном плато, — продолжение села. Впереди справа, в глубокой впадине, — озеро. Слева — еще одно, поменьше. На фоне густой зелени садов и

разросшегося тальника эти два светлых озерца, отражающих лазурь неба, кажутся осколками зеркала, разбитого чьей-то сильной рукой. С возвышенности открывается великолепная панорама местности с далями, тающими в сиреневой дымке...

Село Ундоры возникло в XVII веке. В XVIII веке оно принадлежало роду Толстых. Последним представителем мужской линии этого рода был Александр Васильевич Толстой — первый симбирский гражданский губернатор (1796—1799 гг.)⁹⁷. Его единственная дочь Вера Александровна Толстая в январе 1797 года вышла замуж за полковника Петра Никифоровича Ивашева⁹⁸ и после смерти отца унаследовала это и другие его имения.

Петр Никифорович Ивашев родился в 1767 году и, будучи еще мальчиком, был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. Став юношей, он провел в этом полку два-три года на унтер-офицерских должностях.

В двадцать лет Ивашев был уже ротмистром в войсках прославленного полководца А. В. Суворова⁹⁹. В 1788 году он отличился при штурме Очакова, за что был награжден золотым боевым крестом и отмечен внеочередным присвоением звания секунд-майора. Через два года в знаменитом штурме Измаила Ивашев вновь проявил доблесть; на его груди заблестел второй крест, и ему было присвоено звание премьер-майора. Вскоре после этого он был назначен начальником штаба армии А. В. Суворова.

В двадцать восемь лет он был полковником, в тридцать один год — генерал-майором. Блистательная карьера, но... Ивашев вышел в отставку. Не мог он служить в армии, которая онемечивалась деспотической властью Павла I. Вновь в армию Петр Никифорович вернулся в 1810 году¹⁰⁰.

Во время Отечественной войны, с июля по октябрь 1812 года, Ивашев участвовал в боевых сражениях под Витебском, при Бородине, Тарутине и Малоярославце. Под его командой в этих же боях сражался будущий декабрист Сергей Муравьев-Апостол¹⁰¹.

В 1817 году Ивашев вторично вышел в отставку, возвратился в Симбирск и Ундоры, где полностью отдался хозяйственным делам и общественной деятельности. С помощью специалистов Казанского университета он впервые провел научное исследование ундоровских ми-

неральных источников, установил их целебные свойства и организовал в Ундорах водолечебницу.

П. Н. Ивашев явился одним из инициаторов создания памятника Н. М. Карамзину в Симбирске и был главой местного комитета по сооружению этого памятника. Он же был среди тех, кто стоял у истоков создания в Симбирске первой общественной библиотеки — имени Карамзина. Собственная обширная библиотека Ивашева впоследствии вошла в состав этого собрания, будучи пожертвованной его дочерьми.

Дома Ивашевых в Симбирске и в Ундорах были очагами культурной жизни и охотно посещались не только симбирянами, но и гостями из Москвы и Петербурга. В них бывали Тургеневы, Языковы, ветераны 1812 года Денис Давыдов, И. С. Аржвининов, Г. В. Бестужев, Ермоловы и Юрловы. Сюда же из Петербурга приезжали на правах родственников Завалишины и Тютчевы. Надежда Львовна Толстая — вторая жена генерала Завалишина и мачеха декабриста Д. И. Завалишина — приходилась двоюродной сестрой В. А. Ивашевой. Другая двоюродная сестра Веры Александровны, Екатерина Львовна Толстая, вышла замуж за Тютчева и была матерью поэта Ф. И. Тютчева¹⁰². Сам же Петр Никифорович Ивашев приходился двоюродным братом Ивану Петровичу Тургеневу. Матери того и другого — родные сестры Дарья и Анна Оксеновы¹⁰³. Таким образом, декабристы Василий Петрович Ивашев и Николай Иванович Тургенев приходились друг другу троюродными братьями. Так тесен был мир!

21 ноября 1838 года Петр Никифорович скончался в Ундорах в полном одиночестве, так как его сын Василий находился в сибирской ссылке, а дочери — в заграничной поездке¹⁰⁴.

Сохранилась любопытная подробность, касающаяся похорон умершего. Гроб с телом П. Н. Ивашева ундоровские крестьяне на руках принесли в Симбирск, в церковь бывшего Покровского монастыря, где должно было проходить отпевание; данная деталь говорит о большом уважении простых людей к старому суворовскому генералу и отцу декабриста, хорошо относившемуся к своим крепостным, человеку по натуре гуманному и честному. Но получилось так, что крестьян не допустили в церковь, и это вызвало их возмущение.

Похоронен П. Н. Ивашев на бывшем кладбище Покровского монастыря, рядом со своей женой В. А. Ивашевой, которая умерла в мае 1837 года. 26 ноября 1838 года газета «Симбирские губернские ведомости» опубликовала некролог¹⁰⁵.

...Когда-то под шелест листвы ундоровских лип звучала французская речь. Гувернер француз Данокур беседовал со своим подопечным Базилем — будущим декабристом Василием Ивашевым. А в 1817 году здесь появилась француженка Мари-Сесиль Ледантю с дочерью. Это была гувернантка — воспитательница Елизаветы, Екатерины и Александры Ивашевых. Впоследствии старшая из дочерей Ледантю — Сидония Вармо — вышла замуж за В. И. Григоровича и стала матерью известного русского писателя Дмитрия Васильевича Григоровича¹⁰⁶. Другая дочь — Камилла — добровольно уехала в Сибирь, чтобы стать женой декабриста Василия Ивашева.

Василий Петрович Ивашев родился 13 октября 1797 года¹⁰⁷ и до четырнадцати лет жил в Симбирске и в Ундорах. В 1812 году он был определен в Пажеский корпус, по выходе из которого в 1815 году зачислен корнетом в Кавалергардский полк. Находясь в рядах этого полка, Ивашев в 1819 году был принят в члены «Союза благоденствия».

В 1821 году Василий Ивашев стал адъютантом командующего 2-й армией Витгенштейна в Тульчине, на Украине¹⁰⁸.

На новом месте службы он скоро подружился с Пестелем и близко познакомился с Сергеем Муравьевым-Апостолом и другими членами декабристской организации. Одно время он жил на квартире у П. И. Пестеля, и на его глазах рождался знаменитый документ декабризма «Русская правда» — разработанный Пестелем проект революционного переустройства России. Ивашев вошел в руководящее ядро декабристской организации, был избран председателем одной из двух управ Южного общества¹⁰⁹ и находился в курсе всех решений как об установлении республиканского правления, так и о необходимости царевубийства¹¹⁰.

Служба не очень обременяла Ивашева, и он часто пользовался длительными отпусками. Так, уехав на кавказские воды на лечение летом 1821 года, он только в сентябре следующего года возвратился в Тульчин, по-

бывав и в Ундорах. Осенью 1823-го он уехал в Ундоры и лишь через год, после свадьбы своей сестры Елизаветы, вернулся обратно. А в феврале 1825 года Василий Ивашев снова покинул Тульчин, и, как оказалось, навсегда¹¹¹.

Обстоятельства сложились так, что примерно 16 или 17 декабря 1825 года в Симбирске, в Троицком соборе, в торжественной обстановке Ивашев в числе прочих военнослужащих дал присягу новому императору¹¹², о чем свидетельствовал начальник Симбирского гарнизона полковник Григоровский. Не успели еще в провинциальном Симбирске остыть страсти и стихнуть разговоры об этой процедуре, как 27 декабря того же года Николай I дал приказ об аресте Ивашева¹¹³. Этот приказ был направлен в Тульчин, в штаб Витгенштейна, и, не застав там декабриста, возвратился обратно в Петербург. Оттуда он вторично был направлен, но уже в Симбирск.

Тем временем Ивашев, узнав, что произошло 14 декабря в Петербурге, поспешил в Тульчин и выехал из Симбирска 14 января 1826 года. Через два-три дня после его отъезда в Симбирск прибыл царский приказ, снова не заставший адресата. Создавалось впечатление, что Ивашев был хорошо информирован о происходящем и намеренно скрывался от возмездия. Только 23 января, в Москве, он был арестован и сразу же отправлен в Петербург. Через три дня Ивашев уже сидел в одном из казематов Петропавловской крепости¹¹⁴.

Начались томительные дни, недели, месяцы: 3 февраля 1826 года Ивашев, вызванный на заседание следственного комитета, «оказал неискренность»: скрыл отдельные факты, а другие осветил неточно, объясняя это «забывчивостью». 25 февраля и 29 марта он был снова допрошен, а 22 апреля, не желая участвовать в очной ставке с Пестелем, письменно согласился с его показаниями¹¹⁵.

В своих показаниях Ивашев писал: «В обвинение себе скажу, что я согласился на все сделанные тогда предложения и что не менее виноват других, тут бывших членов, наравне с другими виноват, если и решено даже было то, чего теперь не помню...»¹¹⁶.

Ивашев подтвердил, что Пестель информировал его о решениях съезда — как о введении республиканского строя в стране, так и о необходимости царевубийства¹¹⁷.

За принадлежность к декабристской организации «со знанием цели» и «с умыслом на царевбийство» Ивашев был приговорен к двадцати годам каторжных работ, замененных потом пятнадцатью годами и вечным поселением в Сибири¹¹⁸. Отец декабриста с конца января 1826 года и до конца февраля 1827 года находился в Петербурге и через свои связи с сановниками пытался облегчить участь сына, но все его попытки оказались безуспешными. Год с лишним Василий Ивашев провел в казематах Петропавловской крепости и только в конце февраля 1827 года был отправлен в Сибирь¹¹⁹.

Отбыв десять лет каторги в Чите и в Петровском заводе, он летом 1836 года был переведен на поселение в Западную Сибирь, в город Туринск.

Василий Ивашев интересен и как интеллигент и высокообразованный человек своего времени. Принадлежавший к кругу петербургской «золотой молодежи», он не тратил бесцельно время на светские забавы. В показаниях следственному комитету Ивашев писал: «Я готовялся к военной службе, но занимался довольно и словесностью». Сестра декабриста, Е. П. Языкова, в письме к брату в марте 1830 года писала: «...ты знаешь, что ты был мой единственный учитель русской литературы...»¹²⁰

Широко одаренный от природы, Ивашев много занимался музыкой, живописью, поэзией и чтением литературы. Игре на фортепиано и композиции он учился у знаменитого Фильда, учениками которого были М. И. Глинка, А. Н. Верстовский, А. Л. Гурилев и другие. Фильд считал Ивашева одним из способных музыкантов.

Декабрист А. П. Барятинский в «Послании к Ивашеву» писал:

По пестрым клавишам, не ведая преграды,
Умеешь прокатить ты громкие рулады
И, наконец, аккорд тяжелый уронив,
В молчании следить, как замер твой мотив.
Твои фантазии и дум твоих волненье
Внимающих тебе приводят в восхищенье¹²¹.

О музыкальных увлечениях Ивашева с одобрением писала из Сибири его жена Камилла, подчеркивая, что она «любит слушать импровизации Базиля»¹²².

Декабрист А. Беляев, непосредственно наблюдавший жизнь Ивашева на каторге, писал: «...он был умен, хо-

рош собой, прекрасно образован и к тому же обладал редким музыкальным талантом»¹²³.

Подружившись в Петербурге со своим однополчанином Алексеем Олениным — сыном президента Академии художеств, Ивашев бывал в доме Олениных, одном из центров собраний столичной интеллигенции, где встречался с Грибоедовым, Кюхельбекером, Бестужевым-Рюминым и многими другими интересными людьми. Близость к этому дому способствовала его неофициальным занятиям живописью в Академии художеств (его увлечение живописью началось еще в Симбирске)¹²⁴. И теперь по сохранившимся рисункам Н. Бестужева и В. Ивашева «можно составить себе представление о том, как жили декабристы в Читинском остроге, в Петровской каторжной тюрьме и на поселении»¹²⁵.

Поэтические занятия Ивашева начались в Симбирске и в Ундорах, а затем продолжались до конца его жизни. Среди сочинений декабриста — посвящения Камилле Ледантю, его элегия «Рыбак», на слова которой он сам написал музыку, и не дошедшая до нас поэма «Стенька Разин», написанная в Сибири.

По поручению своего отца Ивашев начал в Туринске перевод с французского на русский биографии А. В. Суворова, написанной Антингом и дополненной П. Н. Ивашевым, и привлек к этому декабриста Басаргина. Но внезапная смерть не дала ему окончить работу. 28 декабря 1840 года Василий Ивашев скончался от кровоизлияния в мозг¹²⁶.

Годы каторги и ссылки сблизили Ивашева со многими декабристами, с которыми он ранее не был знаком или которых знал отдаленно. Среди них были Анненков с женой и детьми, Пущин, Басаргин, братья Беляевы, Бестужев, Розен, Якушкин и многие другие. Некоторые из них оставили в своих воспоминаниях заметки о высокой образованности и культуре Ивашева, о его музыкальности и художественном таланте, о чистоте и благородстве его души.

После смерти декабриста осталось трое сирот: Мария, Петр и Вера. Их опекала бабушка — мать Камиллы. Она по специальному разрешению Николая I прибыла в Туринск в феврале 1839 года, а в июле 1841 года выехала из Туринска в Ундоры¹²⁷. Впоследствии дети были взяты на воспитание сестрой Ивашева Екатериной Хованской. Долгое время они вынужденно по-

сили фамилию Васильевых и только в 1856 году получили право зваться по отцу — Ивашевыми.

Сестры декабриста очень тепло относились к брату и его семье, оказывали им всяческую, в том числе материальную, помощь. После смерти Веры Александровны и Петра Никифоровича Ивашевых их дочери Елизавета, Екатерина, Александра и Мария отдали принадлежавшее им по наследству родовое имение в селе Ундоры в опекуновское управление на девять лет своему родственнику Андрею Егоровичу Головинскому «с тем, чтобы он собрал из доходов с имения капитал в 180 тысяч рублей для малолетних детей несчастного Василия Петровича Ивашева»¹²⁸. Распорядителем этого капитала была старшая из сестер, Елизавета Петровна.

В Госархиве Ульяновской области хранится черновик ее духовного завещания, в котором говорится: «...не достигнув еще преклонных лет и не чувствуя совершенно болезненного состояния, в здравом уме и совершенной памяти, помня всегда о смерти, могущей меня постигнуть нечаянно, я за благо почла, если богу угодно будет прекратить смертью мое существование, то имеющийся у меня долг на сестрах моих родных по заемным письмам, данным мне сего 1839 года генваря в 27 день, сроком на три года, двора его императорского величества в звании камер-юнкера князя Хованского женою княгиней Екатериной Петровной — суммою в 75 тыс. рублей, гвардии штабс-капитана Ермолова женою Александрой Петровной — суммою в 50 тыс. и генерал-майора и кавалера Ивашева дочерью девицею Марией Петровной — суммою в 75 тыс., а всего на 200 тыс. рублей государственными ассигнациями, по которым право получения денег с двух сестер моих Александры и Марии я предоставляю старшей по мне сестре княгине Екатерине Хованской; при том, вместе со смертию моею уничтожаю и долг мой на ней лежащий и по сему от сего наследования совершенно отстраняю как мужа своего гиттен-фервальтера Петра Михайловича Языкова, так и всех детей моих, а за сим отнимаю у них право при жизни моей оное духовное завещание уничтожить.

Избрав на сей предмет своим душеприказчиком г. полковника и кавалера Андрея Егоровича Головинского, которому сие мое духовное завещание для хранения и вручила 1839 года февраля... дня...»¹²⁹

Обратим внимание на строчки: «...от сего наследования совершенно отстраняю как мужа своего... так и всех детей моих...» А как же муж и дети? Они вполне обеспечены и ни в чем не нуждаются. Только во имя брата и его семьи могло быть написано такое завещание.

Елизавета Петровна Ивашева-Языкова (1805—1848) была одной из замечательных женщин своего времени. Образованная во французском духе, горячо любившая своего брата-декабриста, она через него в письмах познакомилась с М. Н. Волконской, Н. Д. Фонвизиной и Е. П. Нарышкиной, находившимися в Сибири, и вела с ними переписку. В 1838 году она нелегально побывала у брата в Туринске, о чем поведала потом А. И. Герцену. Встречалась с И. С. Тургеневым и была близким другом М. Бакунина.

И. С. Тургенев в одном из своих писем из Петербурга в конце декабря 1842 года отмечал: «Был уже два раза у Л. П. Языковой, которую я, кажется, очень и очень люблю...»¹³⁰. В феврале того же года Михаил Бакунин в письме из Берлина домой рассказывал: «Вчера я получил письмо от Языковой, которая мне очень часто пишет... С Елизаветой Петровной Языковой я просто подружился: она чудная, редкая женщина»¹³¹.

А через несколько лет, в марте 1845 года, Бакунин писал брату: «Ты видишь, Павел, что я, несмотря на все запрещения правительства, нахожу средства писать вам; как же ты не догадался? Ведь путешествующих много. Ты бы мог найти случай через Елизавету Петровну»¹³². Неоднократно бывая за границей, Е. П. Языкова служила своеобразным почтальоном нелегальной переписки русских эмигрантов, и в частности Бакунина, с Россией. 17 июля 1845 года Михаил Бакунин писал из Парижа сестре Татьяне: «...два письма должны были быть переданы Вам или Елизаветой Петровной или Белинским...»¹³³.

Но не только письма, а и запрещенную литературу доставляла Языкова из Европы. Об этом свидетельствует в своих показаниях следственной комиссии Василий Андреевич Головинский, привлеченный к ответственности по делу петрашевцев и приговоренный к расстрелу, замененному потом солдатской службой в степях Оренбуржья. В ответ на вопрос комиссии: где он взял обнаруженные у него запрещенные книги? — Го-

ловинский писал: «...получил в подарок от покойной тетки моей Елизаветы Петровны Языковой по приезде ее из-за границы (в 1847 году) несколько книг (тут могли быть и запрещенные); и когда она уезжала в Москву, она оставила мне несколько книг (в сентябре 1848 года)...»¹³⁴.

Е. П. Языкову боготворил ее троюродный брат Г. М. Толстой, который, странствуя по Европе, был знаком с К. Марксом, вел с ним переписку, знал Ф. Энгельса и находился в дружеских отношениях с М. Бакуниным и другими прогрессивными деятелями. Все это говорит о среде, в которой находилась Елизавета Петровна, и об оппозиционности сестры декабриста к существовавшему тогда в России строю.

Языкова интересна и как деятель культуры. Известный собиратель русских народных песен П. В. Киреевский называет ее в числе восьми симбирян, от которых он получил «богатые материалы, положившие основу моему собранию...»¹³⁵. Елизавета Петровна записывала народные песни в Симбирске и в уездах губернии.

Симбирский дом Толстых — Ивашевых, как и дом в селе Ундоры, был одним из местных очагов культуры и просвещения. Он находился на углу нынешних улиц Дмитрия Ульянова и Пролетарской. По-видимому, этот дом был построен Кротковыми где-то на рубеже XVII—XVIII столетий; на плане города 1779 года показан дом № 16, принадлежащий отставному лейб-гвардии прапорщику Егору Кроткову¹³⁶. О древности постройки — первого, в частности, этажа — говорили мощные стены и своды и большемерный кирпич. Большое двухэтажное здание в плане имело форму буквы «П» и фасадом было обращено на восток, к Волге.

В 80-х годах XVIII столетия этот дом принадлежал уже Толстым. В 1815 году после смерти А. В. Толстого он перешел по наследству к Вере Александровне Ивашевой.

В 1844 году дочь В. А. Ивашевой Екатерина Петровна Хованская продала дом симбирской епархии¹³⁷, в собственности которой он находился до 1919 года. В большой симбирский пожар 1864 года дом сгорел, а затем был восстановлен, но насколько точно восстановлен — осталось неизвестным. В советские годы в доме располагались различные учреждения, частично он использовался как жилье. Здание не сохранилось.

«Я ЛЮБЛЮ ЕГО ПОЧТИ С ДЕТСТВА...»

С судьбами декабризма связана одна из замечательных страниц отечественной истории: подвиг женщины, которые пожелали разделить тяжкую участь своих мужей и нареченных и последовали за ними в далекую Сибирь.

Это событие получило широкий резонанс в стране и еще более привлекло внимание и симпатии широких слоев общественности к декабристам. Одним из первых сумел оценить его значение известный поэт П. А. Вяземский. В своем письме к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому 6 января 1827 года он писал: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории»¹³⁸.

Поэт Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» воспел подвиг любви, преданности и высокой гражданственности декабристок.

В столетнюю годовщину восстания декабристов ветеран революционной борьбы с самодержавием Вера Фигнер писала: «...духовная красота остается красотой и в отдаленности времени, и обаятельный образ женщины второй четверти прошлого столетия сияет и теперь в немеркнущем блеске прежних дней. Их лишения, утраты и нравственные страдания роднят их с нами, женщинами позднейших революционных поколений»¹³⁹. Так писала женщина-героиня, десятилетия жизни которой прошли в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Она знала цену борьбе и имела моральное право на оценку поступков других!

Среди женщин, последовавших за своими мужьями в Сибирь на каторгу, были две француженки — Полина Гебль и Камилла Ледантю.

Первая, невеста декабриста Анненкова, стала героиней романа Александра Дюма «Записки учителя фехтования». На долю второй пришлось лишь полторы страницы в «Былом и думах» А. И. Герцена. Только через девяносто пять лет, в 1925 году, подвиг Камиллы был документально освещен в книге ее внучки Ольги Булановой — «Роман декабриста». Между тем Камилла заслуживает большего внимания со стороны как современников, так и потомков.

М. Н. Волконская, Е. И. Трубецкая, А. Г. Муравьева и другие ехали в Сибирь за мужьями, будучи связаны семейными узами, детьми, совместно прожитой жизнью. И это понятно. Полина Гебль не была женой Анненкова, но еще до его ареста имела от него дочь. Камиллу Ледантю ничто не связывало с Василием Ивашевым, кроме чистой романтической любви, но она отправилась в Сибирь, вопреки желанию Николая I и не взирая на угрозы Бенкендорфа.

Камилла родилась в Петербурге в семье французских эмигрантов. Летом 1812 года, в возрасте четырех лет, ее привезли в Симбирск¹⁴⁰. Мать Камиллы, Мари-Сесиль Ледантю, пыталась по прибытии сюда организовать пансион, но попытка не удалась, и она стала гувернанткой в домах симбирских дворян. В 1817 году семья Ледантю перешла в дом Ивашевых, где провела последующие семь лет¹⁴¹.

Камилла росла и воспитывалась в Симбирске и в Ундорах вместе с сестрами декабриста. Здесь прошли ее детство и юность, здесь она полюбила Василия Ивашева. Любовь оказалась взаимной, а когда это стало достоянием окружающих, семье Ледантю пришлось покинуть дом Ивашевых, так как о браке блестящего и богатого офицера с нищей француженкой не могло быть и речи.

Но вот случилась беда. Ивашев арестован как член Южного общества декабристов и заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан на каторгу в Восточную Сибирь. Камилла в это время была гувернанткой в одном из богатых домов под Москвой. Она очень тяжело восприняла этот удар и заболела. Мать и сестры всерьез опасались за ее жизнь. В конце концов Ка-

милла объявила матери, что желает поехать в Сибирь. Но как это сделать? Как к этому отнесутся Ивашевы? Как отнесется правительство? Разрешит ли оно поездку, на которую нет никаких «уважительных» причин?

Все это свалилось на Мари-Сесиль Ледантю. Но делать было нечего, надо было спасти Камиллу хотя бы ценой ее сурового сибирского заточения.

Избрав удобный момент, с французской изысканностью мать Камиллы известила Ивашевых о намерении своей дочери разделить горькую участь их сына и в какой-то мере облегчить его жизнь. Она писала: «Я предлагаю Ивашевым приемную дочь с благородной чистой любящей душой. Я сумела бы даже от лучшего друга скрыть тайну дочери, если можно было бы заподозрить, что я добиваюсь положения или богатства. Но она хочет лишь разделить оковы, утереть его слезы, и, не краснея за дочерние чувства, я могла бы говорить о них нежнейшей из матерей, если бы знала о них раньше»¹⁴².

Ивашевы с одобрением отнеслись к намерениям Камиллы. Копия письма М. Ледантю вместе с сопроводительным письмом была направлена отцом декабриста коменданту Петровского острога Лепарскому с тем, чтобы тот известил Василия. Лепарский со слов Василия писал в Симбирск П. Н. Ивашеву: «Сын Ваш принял предложение Ваше касательно девицы Ледантю с тем чувством изумления и благодарности к ней, которое ее самоотвержение и привязанность должны были внушить... но по долгу совести своей он просит Вас предварить молодую девушку, чтобы она с размышлением представила себе и разлуку с нежной матерью, и слабость здоровья своего... как и то, что жизнь, ей здесь предстоящая, может по однообразности и грусти сделаться для нее еще тягостнее. Он просит ее видеть будущность свою в настоящих красках и потому надеется, что решение ее будет обдуманное...»¹⁴³.

Тем временем Камилла получила предложение «руки и сердца» от одного из подмосковных помещиков. Предложение было отвергнуто. В начале 1830 года Камилла встречается в Москве с родителями декабриста уже как его невеста. Теперь нужно было преодолеть еще одну преграду — добиться разрешения правительства на отъезд в Сибирь.

В своем прошении к императору Камилла писала: «Мое сердце полно верной на всю жизнь, глубокой, не-

поколебимой любовью к одному из несчастных, осужденных законом, — к сыну генерала Ивашева. Я люблю его почти с детства и, почувствовав со времени его несчастья, насколько его жизнь дорога для меня, дала обет разделить его горькую участь. Моя мать соглашается на брак мой с тем, кому я хочу облегчить страдания, и родители несчастного молодого человека, зная о состоянии его сердца, со своей стороны, не видят препятствий к исполнению моего желания»¹⁴⁴.

Старик Ивашев помог в хлопотах о разрешении на отъезд Камиллы. Когда Бенкендорф докладывал Николаю I о прошении К. Ледантю, тот заявил, что «он ее не держит, но она должна знать, что если жены, идущие из верности за своими мужьями, заслуживают некоторого снисхождения, то она не имеет на это ни малейшего права, сознательно вступая в брак с преступником». Она и Николай сдержали слово: она отправилась в Сибирь — он ничем не облегчил ее судьбу¹⁴⁵.

В словах Николая I давалась уже политическая характеристика намерения Камиллы, но и это не остановило ее. Наконец разрешение было получено, о чем В. А. Ивашева сообщила в Читу М. Н. Волконской. Та писала Камилле: «Правда, пристанищем у Вас будет лачуга, а жилищем тюрьма, но Вас будет радовать счастье, приносимое Вами, а затем Вы встретите человека, который всю жизнь свою посвятит Вам, чтобы доказать, что он умеет любить...»¹⁴⁶.

Весной 1831 года Камилла с матерью была в Симбирске у Ивашевых. Шла энергичная подготовка к ее съезду. Минули апрель, май и июнь. Камилла еще раз побывала в Ундорах, где прошли годы ее детства и юности, где она впервые почувствовала и осознала свою любовь к Базилию. Семь лет она не была здесь и потому смотрела на все окружающее с волнением, вспоминая минувшее, и с грустью, сознавая горькую необходимость разлуки с этими живописными и родными ей местами. Она старалась все запомнить, все запечатлеть в своей памяти, чтобы потом там, в Сибири, рассказать любимому. Простилась с домом, с парком, с озером — со всем, что здесь было.

В июле 1831 года в сопровождении ундоровских крестьян — мужа и жены Рябиконовых — Камилла отправилась в далекую и страшную Сибирь.

В первых числах сентября она прибыла в Петровский завод прямо к М. Н. Волконской. 16 сентября состоялось венчание. Посажеными отцом и матерью на этой свадьбе были С. Р. Лепарский — комендант острога — и М. Н. Волконская¹⁴⁷.

После свадьбы Камилла перешла в темный и тесный каземат мужа. Тюрьма стала ее жилищем. Впоследствии Ивашевы жили в небольшом домике на Дамской улице Петровского завода¹⁴⁸. Летом 1836 года они были переведены на поселение в Туринск. Там же находились на поселении декабристы Басаргин, Анненков, Пущин и другие. Но недолго пришлось пожить Камилле и Василию.

30 декабря 1839 года, после родов дочери Елизаветы, Камилла скончалась. Умерла и новорожденная.

Тяжело переживали эту утрату все окружающие. М. Н. Волконская отзывалась о Камилле: «Это было прелестное создание во всех отношениях...» А декабрист И. И. Пущин в письме к Е. П. Оболенскому 12 января 1840 года писал: «Ты с участием поделишь горе бедного Ивашева. 30 декабря он лишился доброй жены, ты можешь себе представить, как этот жестокий удар поразил нас всех, трудно привыкнуть к мысли, что ее уже нет с нами. Десять дней только она была больна, нервическая горячка прекратила существование этой милой женщины...»

...Осиротели мы все без нее, эта ранняя потеря тяготит сердце невольным ропотом»¹⁴⁹.

Да, потеря была слишком тяжела и невосполнима. Ровно через год там же, в Туринске, скончался и Василий Петрович Ивашев, не перенесший утраты своей верной подруги.

КРЕСТЬЯНКА ИЗ УНДОР

Есть категория людей, которых ранее называли «ангелами-хранителями». Это — люди, самоотверженно жертвующие собой, своими интересами и даже жизнью ради блага других.

Такой была ундоровская крестьянка Прасковья Дмитриевна Рябиконова — крепостная Ивашевых. Еще при жизни она заслужила всеобщее уважение своим подвигом бескорыстного служения семье декабриста Василия Петровича Ивашева.

В июле 1831 года, когда шла подготовка к отъезду Камиллы Ледантю в Сибирь, встал вопрос о ее сопровождающих. Долго старики Ивашевы — Вера Александровна и Петр Никифорович — перебирали все население села Ундоры в поисках подходящих кандидатур и наконец остановились на бездетной крестьянке Прасковье Дмитриевне Рябиконовой и ее муже — Федоре Сидоровиче. В их сопровождении и поехала Камилла в дальнюю дорогу в Иркутскую губернию, в Петровский завод, где ее будущий муж Василий Ивашев отбывал каторгу. Спокойная, собранная, тихая, всегда готовая оказать добрую услугу ближним, умеющая терпеливо переносить тяготы жизни и труда и не падающая духом, Прасковья Дмитриевна оказалась для семьи декабриста сущим «ангелом-хранителем». А когда эта семья стала расти год от года, то в помощь Прасковье из Ундор была послана ее сестра — вдова Мария Дмитриевна с дочерью Катериной¹⁵⁰.

Муж Прасковьи, Федор Сидорович Рябиков, ог-

ромного роста, силач, расторопный и способный, исполнял всю тяжелую работу по дому Ивашевых. Привезти дров из леса, распилить и расколоть их, натопить печи, принести воды, прочистить дымоход, заготовить продукты, наточить ножи — все это делалось его руками.

Но тоска по родному селу, непривычные сибирские места и отсутствие земли, на которой Федор сизмальства привык работать, сделали из спокойного и трезвого мужика пьяницу и буяна. Нативаясь, он избивал жену и «творил шум великий». Вот почему Федора и Прасковью пришлось отправить осенью 1836 года в Симбирск и в Ундоры¹⁵¹. Это случилось, когда семья декабриста находилась уже в Туринске на поселении.

Возвращение доверенных крестьян явилось для Ивашевых новостью необычайной. Расспросам и рассказам не было конца. Прасковья Дмитриевна поведала, что Василий Петрович собрался строить дом, но денег маловато.

Деньги скоро нашлись, и Прасковья уже одна направилась в Туринск, чтобы передать их декабристу. В течение 1837 года она трижды ездила из Симбирска в Туринск, перевоза нелегально, в иконе с выдвижной дощечкой, письма и деньги¹⁵². Причем деньги немалые — малых денег старики Ивашевы в Сибирь не посылали. С приемами заправского конспиратора в «боженьком месте» Прасковья доставляла посылки по назначению.

Федор просился обратно в Сибирь, но его не пускали. Помог случай. В ноябре 1838 года умер отец декабриста — П. Н. Ивашев, и его родственник Григорий Михайлович Толстой решил самолично уведомить декабриста о тяжелой утрате. В провожатые ему и его приятелю Топорнину и напросился Федор. Но в Туринске в этот раз ему пришлось побыть всего сутки. Он вернулся обратно в Симбирск с теми, кого сопровождал, а жена его продолжала жить у Ивашевых в Сибири.

Прасковья Дмитриевна вынянчила детей декабриста, а потом, уже в Петербурге, она жила в семье его старшей дочери Марии Васильевны Трубниковой, нянчила и ее детей, в числе которых была будущий автор «Романа декабриста» Ольга Буланова, рассказавшая о подвиге своей няни.

Прасковья Дмитриевна и ее сестра Мария заслужили уважение не только Ивашевых, но и других сосланных декабристов и членов их семей. Так, жена декабриста Юшневского в письмах к Ивашевым слала свои приветы и поклоны Прасковье и Марии¹⁵³.

В Петербурге в последние годы своей жизни Прасковья Дмитриевна жила на покое как полноправный член семьи Трубниковых, и нередко собирались люди, чтобы из первых уст услышать рассказ о том, как жила семья декабриста на каторге и на поселении. Это была живая хроника сибирской жизни Ивашевых и других декабристов. Бесхитrostные повествования Прасковьи завораживали даже людей бывалых, которые часами слушали рассказы бывшей крестьянки и дивились стойкости декабристов и самоотверженности этой женщины из народа.

Конечно, Прасковья Дмитриевна знала, почему ее «барин» Василий Ивашев оказался в Сибири. Знала она и о запретах на помощь «государственным преступникам» и тем не менее делала все для облегчения участи декабриста, искренне сострадав ему и его семье. Это был один из многих тысяч негласных фактов сочувствия и солидарности народа с выступлением декабристов против крепостничества и деспотизма.

Известно, что по делу декабристов было привлечено к следствию пятьсот семьдесят девять человек¹⁵⁴. Но оказалось, что на протяжении тридцати лет — с 1826 по 1856 год — под тайным надзором царской жандармерии находились не только декабристы, их родственники и друзья, но и их вольнонаемные и крепостные, оказывавшие им ту или иную помощь. Выходит, что жандармское око зорко следило за поступками нескольких тысяч русских людей¹⁵⁵.

Не исключена возможность, что под «бдительным оком» была и крестьянка из села Ундоры.

БАБУШКА И ВНУЧКИ

Имя Екатерины Ивановны Трубецкой общеизвестно. Жена декабриста С. П. Трубецкого, она первая последовала за своим мужем в Сибирь на каторгу, тем самым бросив вызов Николаю I и поставив под сомнение в глазах общества правомерность его жестоких карательных мер по отношению к декабристам. Двадцать восемь лет она провела в Сибири и умерла там в сентябре 1854 года. Ее самоотверженность воспета в России Н. А. Некрасовым, во Франции — Альфредом де Виньи и в Польше — Юлианом Словацким.

В свое время один из почтенных и знающих ленинградцев, просматривая мой очерк о Камилле Ледантю и встретив там слова о том, что среди русских женщин, последовавших в Сибирь за декабристами, были две француженки — Полина Гебль и Камилла Ледантю, — заметил, что была и третья француженка — Е. Трубецкая, урожденная Лаваль.

Несколько позже, листая страницы многотомной «Истории XIX века», я встретил строчки, в которых известный французский историк, он же почетный член Симбирской ученой архивной комиссии Альфред Рамбо писал: «Жена Трубецкого, француженка, урожденная де Лаваль, провожала его до Нерчинска»¹⁵⁶.

Здесь автор неточен. Е. И. Трубецкая не провожала мужа до Нерчинска, а уехала вслед за ним навсегда. Далее: Лаваль — действительно французская фамилия, и в то же время Трубецкая была по матери русской.

Обратимся к Симбирску середины XVIII века. В то время здесь проживали семьи мещан Твердышевых и Мясниковых, обладавших огромными богатствами. Единственная сестра братьев Твердышевых — Татьяна Борисовна — вышла замуж за Ивана Федоровича Мясникова (он же Пустынников)¹⁵⁷. Большой каменный дом Мясникова в Симбирске стоял на месте, где ныне находится танковое училище. Изображение этого дома есть на гравюре старого Симбирска, выполненной по рисунку М. Махаева в 1770 году¹⁵⁸.

У Татьяны и Ивана Мясниковых было четыре дочери. Младшая из них, Екатерина Ивановна (1746—1833), как и ее сестры, оказалась наследницей очень большого богатства.

Летом 1767 года в Симбирск приехала Екатерина II. Она остановилась в доме Мясникова. Омраченная убогим видом города, неоднократно страдавшего от периодически повторявшихся пожаров, императрица в то же время была удивлена тем, что в таком захудалом месте зреет столь богатая невеста, будущее которой, как ей казалось, не обеспечено должным выбором жениха. Самодержица сочла, что «несправедливость сия поправки требует».

В огромной и блестящей свите Екатерины II в Симбирске был скромный статс-секретарь Григорий Васильевич Козицкий (1727—1775). Выходец из обедневших дворян, он после окончания Киевской духовной академии был отправлен в Лейпцигский университет. Окончив там курс наук, Козицкий возвратился в Россию, состоял переводчиком при Академии наук, а потом стал статс-секретарем императрицы¹⁵⁹. Одновременно Козицкий был фактическим руководителем сложившегося в Петербурге объединения переводчиков — так называемого «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг».

В 1767 году в его переводе вышли три книги статей Дидро и Даламбера из их «Энциклопедии». Кроме того, Козицкий редактировал еженедельный журнал «Всякая всячина», выходивший с участием императрицы¹⁶⁰, что для редактора было делом сложным и деликатным. Несмотря на то что Екатерина «хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски, она в слове из трех букв делала четыре ошибки»¹⁶¹. Вместо «еще» она писала «исчо». Можно себе представить, сколько

усилий требовала правка рукописей этой царственной литераторши.

Итак, «несправедливость», отмеченная императрицей, была устранена, «поправка» сделана: Козицкий женился на Екатерине Ивановне Мясниковой. «В приданое за женой получил... четвертую часть наследственных имений — около 19 000 крестьян и медные заводы, соделавшие дом его весьма знатным. Из Симбирских имений досталось ему Карсунского уезда село Папуза»¹⁶².

У Козицких было две дочери. Старшая из них, Александра Григорьевна, долго не находила подходящего жениха. Только в 1799 году она встретила понравившегося ей французского эмигранта Жана Франсуа Лаваль (1761—1846). Но ее мать, Екатерина Ивановна Козицкая, и слышать не хотела о таком женихе для своей дочери. Это дошло до императора Павла I, который потребовал от старшей Козицкой объяснения причин ее отказа в согласии на брак дочери. Козицкая объяснила, что Лаваль «не нашей веры, неизвестно откуда взялся и имеет небольшой чин». Тогда Павел I наложил на это резолюцию: «Он христианин, я его знаю, для Козицкой чин весьма достаточный, а потому обвенчать»¹⁶³. И свадьба спешно состоялась, так как приближался пост.

Несколько позже Жан Франсуа Лаваль за порядочную сумму денег получил от беглого короля Людовика XVIII титул графа¹⁶⁴. Так огромное приданое своей жены он увенчал высоким титулом.

Типичный француз, начитанный, остроумный и общительный, Лаваль интересовался науками и литературой, являлся членом Главного училищного совета, что не помешало ему быть гонителем просвещения и союзником Рунича и Магницкого¹⁶⁵.

По проекту знаменитого архитектора Тома де Томона на Английской набережной Петербурга, рядом со зданием Сената, Лаваль построил роскошный особняк, скульптуры и мрамор для которых привезли из Рима¹⁶⁶. Это был один из богатейших домов Петербурга, где собиралось светское общество на блестящие балы. Одним из участников этих балов был А. С. Пушкин. Весной 1818 года он прочитал в доме Лаваль свою знаменитую оду «Вольность». Пушкин был знаком со всеми членами семейства Лавалей, и ныне этот дом является одним из мемориальных пушкинских мест Ленинграда¹⁶⁷.

Александра Григорьевна Лаваль-Козицкая (1772—1850), не в пример своей матери, простой и неученой симбирянке, была хорошо воспитана и достаточно образованна. Заботясь об обрусении своего мужа, она звала его Ванечкой, а для других — Иваном Степановичем. Поэтому четыре их дочери — Екатерина, Зинаида, Софья и Александра — получили отчества «Ивановны». Первая из них вышла замуж за князя Трубецкого, вторая — за австрийского посла графа Лебцельтерна, третья — за графа Борха, а четвертая — за графа Коссаковского.

Тетка своей бабушки-симбирянки Екатерина Ивановна Трубецкая своим подвигом увлекла за собой лучших женщин-декабристок. Отдавая дань высокого уважения благородным побуждениям и действиям этих женщин, известная революционерка Вера Николаевна Фигнер, спустя сто лет говоря о Трубецкой, подчеркнула такую деталь, что Екатерина Ивановна во дворце своей матери «ходила по мраморным плитам императора Нерона, купленным старой графиней в Риме»¹⁶⁸. А задолго до этого М. Н. Волконская, также говоря о Трубецкой, заметила, что, приехав в Сибирь, княгиня первое время ютилась в хижине, где, ложась спать, головой упиралась в одну стену, а ногами — в другую¹⁶⁹. Все это говорит о том, чего стоил подвиг декабристки.

Примечательно, что, высоко оценивая как подвиг декабристов, так и самоотверженность их жен, В. И. Ленин в субботний вечер 22 января 1921 года, только что возвратившись из Горок, подписал протокол заседания Совнаркома, где одним из рассмотренных вопросов было назначение персональной пенсии повышенного размера дочери декабриста Трубецкого Зинаиде Сергеевне Свербеевой, родившейся и выросшей в Сибири¹⁷⁰.

Родная сестра Екатерины Трубецкой Александра Ивановна Коссаковская была одной из образованнейших русских женщин. Близко знакома со многими крупными деятелями культуры Западной Европы, она информировала их о положении в России, о ее культуре и состоянии общественного мнения. Коссаковская неоднократно бывала во Франции. В 1845 году в Париже она познакомилась, а потом и подружилась с выдающимся поэтом Альфредом де Виньи. Последний проявлял большой интерес к России, ее истории и культуре. Он высоко ценил поэзию А. С. Пушкина, знал многих

представителей русского общества. А. И. Коссаковская рассказала поэту историю своей сестры. Этот рассказ произвел большое впечатление на де Виньи. Несколько позже Альфред де Виньи написал один из шедевров французской поэзии — поэму «Ванда», в которой рассказал о России, о декабристах и о судьбе Екатерины Трубецкой¹⁷¹.

Сравнительно недавно в Вильнюсском Госархиве были обнаружены письма Альфреда де Виньи к А. И. Коссаковской¹⁷². Двенадцать писем выдающегося поэта Франции... на ста пятидесяти страницах! Это говорит о незаурядности Александры Ивановны Коссаковской, представлявшей интерес для поэта.

Другая сестра Екатерины Трубецкой — Зинаида Ивановна Лебцельтерн — была музыкально одаренным человеком и блестящей пианисткой. Своей игрой она украшала салоны Петербурга. Чтоб послушать ее исполнение, специально собирались гости, и в том числе А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев и другие.

Зинаида Лебцельтерн оставила записки, посвященные ее сестре Екатерине Трубецкой, которые в 1975 году были частично опубликованы в нашей печати. В записках, в частности, говорится о том, что муж Зинаиды Ивановны, граф Лебцельтерн, по требованию Николая I был отозван австрийским правительством с поста посла в Петербурге «за укрывательство государственного преступника» — декабриста С. П. Трубецкого¹⁷³, нашедшего приют в доме родственника.

Екатерина Ивановна Козицкая — симбирская мещанка, дочь «мужика», — тоже оставила след в общественной жизни того времени. В светских кругах Москвы и Петербурга старуха Козицкая была довольно популярной фигурой. «Умная и энергичная женщина, с характером твердым и решительным», она обладала большим тактом... не зная ни слова ни на одном иностранном языке; она держала себя с большим достоинством, и в самых чопорных кружках вела беседы с иностранными дипломатами при помощи своих внучек»¹⁷⁴.

Так, потянув лишь одну ниточку родственных связей симбирян Мясниковых — Твердышевых, мы встретились с лицами и событиями, имевшими общероссийское значение.

ДЕВЯТЫЙ ПО СПИСКУ

Когда заходит речь о декабристах-симбирянах, то обычно называются лишь Ивашев и Тургенев. На самом деле симбирская земля — ныне Ульяновская область — дала стране и истории не двух, а трех декабристов. Третьим, несправедливо забытым на своей родине, является Флегонт Миронович Башмаков.

Об Ивашеве и Тургеневе имеется достаточно много опубликованных материалов. Сведения же о Башмакове чрезвычайно скудны, и более того — имя его до последнего времени совершенно отсутствовало в краеведческой литературе¹⁷⁵.

Башмаков — потомок старинной фамилии обедневших симбирских дворян. Он родился в 1780 году¹⁷⁶. Его дед, Михаил Дмитриевич Башмаков, в 1783 году был владельцем небольшого имения в деревне Китовке Симбирского уезда, где предположительно и появился на свет будущий декабрист¹⁷⁷.

По обычаям того времени четырнадцатилетний Флегонт Башмаков, еще находясь в семье, был записан сержантом 2-го фузилерного полка, а в 1797 году он начал служить в артиллерии.

В 1799 году Башмаков был участником знаменитого итальянского похода под командованием А. В. Суворова и отличился в боях при Лоди, Нови, Мантуе и на р. Треббия¹⁷⁸. А затем — героический переход через Альпы, один из эпизодов которого запечатлен в известной картине В. Сурикова.

После этого он участвовал в турецкой и шведской кампаниях; в 1809 году в составе русских войск дошел

до крайней северной точки побережья Ботнического залива — города Торнео. Храбро сражался Башмаков во время Отечественной войны 1812 года, а по окончании ее до 1818 года оставался во Франции в составе оккупационного корпуса под командованием графа Воронцова¹⁷⁹.

Возвратившись в Россию, он живет в Петербурге, входит в передовые декабристские круги. Очень любопытным в этом отношении является показание следственному комитету по делу декабристов Матвея Муравьева-Апостола. При перечислении членов «Общества Зеленой книги» — другое название «Союза благоденствия», образованное по цвету переплета книги, содержащей устав декабристской организации, — он девятым по списку после Пестеля, Фонвизина, Тургенева и других указал Башмакова¹⁸⁰. Речь в показаниях М. Муравьева-Апостола шла о 1818 годе.

Но петербургский период жизни Башмакова и его общение с декабристами оказались короткими. По всей вероятности, это были шесть-восемь отпускных месяцев для офицера, длительное время находившегося за границей. Вскоре Ф. М. Башмаков получил назначение в 17-ю артиллерийскую бригаду на Кавказе¹⁸¹.

Как проходила там его служба? Какова была его роль, как декабриста, в Кавказском корпусе? Эти вопросы остаются пока без ответа.

В 1823 году, будучи полковником, Башмаков был разжалован в рядовые без лишения дворянства. Причиной такого крутого поворота в его судьбе стала якобы растрата им казенных сумм.

Но так ли действительно это было? Вопрос возникает потому, что известно немало случаев, когда отдельные офицеры царской армии тенденциозно ошельмовывались начальством и им приписывались поступки и действия, никогда ими не совершаемые. Достаточно вспомнить, например, братьев Киндяковых: они были сосланы Павлом I в Сибирь формально за растрату казенных сумм¹⁸², — а на самом деле, как мы видели, причиной наказания были обстоятельства совершенно иного характера.

Так или иначе, а бывший полковник, человек в зрелом возрасте, прошедший «огонь и воду» многочисленных сражений, много повидавший и знавший, был определен в рядовые Черниговского пехотного полка 2-й Юж-

ной армии под командованием Витгенштейна. Штаб этой армии располагался в Тульчине, и здесь же в должности адъютанта командующего служил В. П. Ивашев. Таким образом, симбиряне, соседи по имениям, оказались на некоторое время и сослуживцами.

На новом месте Башмаков поселился в квартире своего командира батальона — подполковника Сергея Муравьева-Апостола, возглавившего в декабре 1825 года восстание Черниговского полка, автора революционных прокламаций, призывавших к свержению самодержавия и к провозглашению республики. Как известно, Сергей Муравьев-Апостол впоследствии был казнен в числе пяти декабристов.

В показаниях следственному комитету Матвей Муравьев-Апостол писал: «Тут приехал из Василькова разжалованный Башмаков — брат нашел его в крайней бедности и пригласил его жить с ним»¹⁸³. Надо полагать, что основанием для приглашения подполковником рядового была не только «крайняя бедность» Башмакова. Скорее всего, сказались петербургская близость общения Флегонта Мироновича с Матвеем Муравьевым-Апостолом, о чем младший брат последнего Сергей не мог не знать, а также уважение братьев к Башмакову и их стремление облегчить участь близкого им человека. Несмотря на разжалование полковника, Муравьевы-Апостолы продолжали видеть в нем своего собрата и единомышленника.

В конце 1825 года события начали развиваться стремительно. В Таганроге неожиданно умер Александр I. Это заставило декабристов активизировать свою деятельность. Сложившаяся неразбериха с престолонаследием и путаница с принесением присяги новому императору, казалось бы, создавали удобную ситуацию для вооруженного выступления. Но поднятое 14 декабря на Сенатской площади Петербурга восстание потерпело неудачу.

Сразу же начались аресты и допросы в Петербурге, и было установлено, что петербургские «возмутители» имели тесную и непосредственную связь с южанами.

25 декабря 1825 года в Васильков, где располагался Черниговский полк, из Петербурга прибыли жандармский поручик Несмеянов и жандармский прапорщик Скоков с задачей арестовать Сергея Муравьева-Апостола¹⁸⁴. Жандармы в сопровождении командира Черни-

говского полка сделали налет на квартиру Сергея. Не застав его, они произвели обыск.

Одна из крупнейших исследовательниц декабризма академик М. В. Нечкина писала: «Там же был разжалованный в рядовые офицер-семеновец Башмаков. Бумаги, письма и книги Муравьева были забраны жандармами при обыске»¹⁸⁵. Автор большого исследования ошибочно назвала Башмакова «офицером-семеновцем». Он не был семеновцем, но оказался зачисленным в 7-ю роту Черниговского полка, где проходили службу бывшие солдаты Семеновского полка в Петербурге, переведенные из гвардии и из столицы за участие в «возмущении» полка в 1820 году.

29 декабря началось восстание Черниговского полка. Заинтересованный в расширении восстания, С. Муравьев-Апостол использовал Башмакова в качестве своего связного с командирами других полков, расквартированных в соседних селениях. По указанию руководителя восстания Башмаков скакал и днем и ночью, преодолевая сотни верст и развозя записки Муравьева-Апостола, сопровождая их своими просьбами поддержать начатое восстание. Так, он посетил Ахтырский и Александрийский, Кременчугский и Алексопольский полки¹⁸⁶. И не вина Башмакова и Муравьева-Апостола, что их настойчивые просьбы о помощи не дали должного результата.

3 января 1826 года восстание Черниговского полка было подавлено.

Как лицо, близкое к руководителю восстания, и как непосредственный участник последнего, Башмаков был арестован сразу же после подавления восстания. 26 февраля 1826 года он был доставлен в Петропавловскую крепость в Петербурге и закован в кандалы, которые были сняты лишь через два с половиной месяца¹⁸⁷. Уже сам факт столь длительного содержания арестованного в кандалах говорит о том, что в лице Башмакова Николай I — этот дирижер карательного «оркестра» — видел одного из серьезных своих врагов.

В материалах следственного комитета по делу декабристов о Башмакове записано: «Показания, на него сделанные членами Южного общества, состояли в том, что он принадлежал к шайке заговорщиков и знал о намерениях общества посягнуть на жизнь покойного государя и начать возмутительные действия. Но он при

допросе в Комиссии отрицал все сие, отвечал, что, живя у Сергея Муравьева-Апостола, видел, как к нему приходили бывшие семеновские солдаты и как он давал деньги, и что с 29 декабря 1825 г. по 6 января 1826 года находился в разных местах для того, чтобы уклониться от преступного возмущения (Черниговского полка), в котором не принимал никакого участия...

По докладу о сем государь император 17 июля высочайше повелел соизволить передать Башмакова военному суду при 1-й армии, для чего он отправлен к главнокомандующему»¹⁸⁸.

«...При допросе в Комиссии отрицал все сие...». А как же иначе Башмаков мог поступить? Умудренный жизненным опытом, зная повадки «верхов», он, естественно, не был искренним в своих показаниях. Ведь о поручениях Сергея Муравьева-Апостола, кроме самого руководителя восстания и Башмакова, знали очень немногие люди, свидетелей почти не было.

Версия, которая была выдвинута самим Башмаковым о его «неучастии» в «преступном возмущении», быстро прижилась и даже, вопреки глубоким исследованиям М. В. Нечкиной, принята некоторыми исследователями как действительный факт.

Так, Н. Эйдельман в своей статье «Доброе дело делать...» писал: «А солдат-полковник Башмаков и капитан Фурман, на которых рассчитывает Сергей Муравьев, не появляются в Василькове, неделю сидят за картами и вином в деревне в двадцати верстах от города»¹⁸⁹.

Мы уже видели, что это не так. Академик М. В. Нечкина приводит такой факт: «Показания Артамона Муравьева относительно пребывания Андреевича в Любаре содержат еще одну интересную деталь: он приехал к Артамону Муравьеву с запиской «от Башмакова», последнего же, как мы знаем, С. Муравьев послал в Ахтырский и Александрыйский полки из Трилес. Очевидно, в этот момент пути посланца Муравьева и посланца славян скрестились, они взаимно оповестили друг друга, и часть поручения, возложенного на Башмакова, взял на себя Андреевич, передав записку Сергея Муравьева Артамону Муравьеву»¹⁹⁰.

В своих показаниях Матвей Муравьев-Апостол писал: «Кузьмин, барон Соловьев, Шепилов и Сухинин, когда узнали, что велено брата арестовать, дали обеща-

ние Башмакову разжалованному пойти с полком, который был собран для присяги... и взять Киев»¹⁹¹.

Значит, рядовой Башмаков оставался в глазах окружающих его людей прежним заслуженным полковником, коль скоро ему давали обещания офицеры. Его авторитет вызывал общее признание и уважение.

Любопытно показание следственному комитету и другого видного декабриста — подпоручика М. Бестужева-Рюмина (казненного в числе пятерых). Он писал: «Башмаков обществу не принадлежал. Разве славяне приняли его без моего ведома, ибо мы, зная его чрезмерную нескромность и даже страсть вещи увеличивать, до самого возмущения все от него скрывали. Когда возмущение сделалось, меня с Муравьевым не было. Слышал я, что они Башмакову дали порученность уведомить Пыхачева о начатии явных действий общества. Исполнил ли сие Башмаков и где во все время движений наших находился — мне не известно, ибо я его не видел с самой той ночи, когда жандармы приехали в Васильков за Муравьевым»¹⁹².

В другом случае Бестужев-Рюмин следственному комитету писал, что солдата, который якобы изъявлял согласие застрелить императора и о котором говорил Башмаков, вообще не существовало, а «Башмаков же имеет страсть лгать»¹⁹³.

«Обществу не принадлежал», «чрезмерная нескромность и... страсть вещи увеличивать», «все от него скрывали» и даже «имеет страсть лгать» — как понимать все это?

Сопоставляя ранее изложенные факты с показаниями Бестужева-Рюмина, приходишь к выводу, что молодой, горячий по характеру и умный подпоручик создавал легенду «непричастности» Башмакова к Южному обществу декабристов. Кто знает, может быть, своими показаниями Бестужев-Рюмин и облегчил участь человека, который годился ему в отцы.

31 июля 1826 года Башмаков был отправлен в 1-ю армию¹⁹⁴. Дело о 987 восставших солдатах Черниговского полка разбиралось особой комиссией военного суда в Белой Церкви. Разжалованный полковник Башмаков был лишен дворянства и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение¹⁹⁵.

В Сибирь он был отправлен в 1827 году¹⁹⁶, а до того отбывал заключение. Сменив в Тобольской губернии

несколько мест жительства — конечно, отнюдь не по своей воле, — он в марте 1853 года был переведен в Тобольск. Через полгода ему было разрешено возвратиться во внутренние губернии России. Но из-за надломленного здоровья и преклонных лет, а также по причине полного отсутствия средств Башмаков не смог воспользоваться этим разрешением¹⁹⁷.

Ранее он жил на поселении в Ялutorовске. Известный декабрист И. Д. Якушкин в январе 1853 года писал своему сыну: «На днях мне случилось беседовать с Башмаковым, когда-то славным артиллерийским полковником; он начал свою службу Итальянским походом при Суворове... Он много ходит пешком и до сих пор ни летом, ни зимой не носит ни чулок, ни калош, а память сохранил изумительную. Про Треббину и Нови он говорит как про происшествия вчерашнего дня. Я любовался на него как на ходячий памятник славных времен России»¹⁹⁸.

Где бы ни находился Башмаков, он всегда был в кругу ссыльных декабристов. «Интересным и занимательным собеседником, мог часами рассказывать множество разных историй. Он был очень беден и жил главным образом на средства, выделяемые ему более состоятельными товарищами по изгнанию»¹⁹⁹.

21 сентября 1859 года Башмаков скончался и был похоронен в одном ряду с декабристами Кюхельбекером, Муравьевым и Вольфом на Завальном кладбище Тобольска. Его могила сохранилась до наших дней.

Через несколько месяцев после его смерти одна из петербургских газет писала о нем:

«Пощаженный врагами на поле битвы, он не устоял против некоторых обстоятельств, разрешившихся для него самым печальным образом: в 1823 году он был разжалован в рядовые... а через два года после известных печальных событий вместе с другими был сослан в Сибирь.

Тридцать лет тяжелой жизни вдали от родины сильно подействовали на крепкую натуру изгнанника, не знавшего прежде утомления и переносившего все трудности и неудобства походной жизни во многих странах и в различных климатах: от берегов Торнео до Альпийских гор и от столицы Франции до утесов Кавказа.

Последняя мечта его была — еще раз увидеть Кавказ и его горы, свидетелей прежней его боевой жизни,

и сложить свои старые кости около старых своих сослуживцев, товарищей по оружию. Но судьба решила иначе. Ему не на что было не только выехать на Кавказ, но даже с квартиры на соседнюю улицу. В последние три года... не видели на нем теплой одежды в 30, и даже 35 градусов Реомюра. Частенько, бывало, встречали... его в летнем плаще зимою на улице увязшего в снегу или упавшего от усталости и холода.

Закоренелый в борьбе с несчастьями, героически боролся он с суровой сибирской природой. До самой смерти он не упал духом. И так, вместо Кахетии или Мингрелии, ему суждено было лечь на тобольском кладбище, вместо товарищей по оружию иметь возле себя товарищей по несчастью...»²⁰⁰.

Тобольский художник М. С. Знаменский оставил прижизненный незаконченный акварельный портрет последнего из декабристов в Тобольске Башмакова, стоящего над свежей могилой В. Кюхельбекера²⁰¹. По этому портрету тот же художник позже сделал групповой акварельный портрет «Декабристы Свистунов и Башмаков»²⁰².

Так прошла большая и трудная жизнь декабриста-сибирянина Флегонта Мироновича Башмакова.

ВОЛЬНОСТЬ И СМЕРТЬ ТИРАНУ

Суровая расправа над декабристами породила в России волну негодования, бурный рост симпатий общественности к первым революционерам и попытки продолжить их дело. Непосредственно под влиянием восстания в конце 20-х годов возникли, противоправительственные кружки в Москве, Оренбурге и Владимире²⁰³.

В стенах Московского университета был создан студенческий кружок под названием «Общество братьев Критских». Для нас этот кружок интересен тем, что одним из организаторов и активных участников его был наш земляк Николай Федорович Лушников. Он родился в 1808 году в семье симбирского землемера и по окончании Симбирской гимназии поступил в Московский университет²⁰⁴, где приобщился к прогрессивной, революционно настроенной группе студентов.

Кружок начал действовать весной 1827 года. Он ставил своей целью «изыскать средства для преобразования государства и ввести конституционное правление»²⁰⁵. Но уже в августе того же года кружок был разгромлен. К следствию было привлечено более пятнадцати участников кружка, в том числе трое братьев Критских, Н. Лушников, П. Пальмин, А. Султанов, Д. Тюрин и другие²⁰⁶.

Самому старшему из них было двадцать четыре года, а самому младшему — семнадцать.

При аресте Лушникова 14 августа 1827 года в его кармане нашли записку с громким девизом: «Вольность

и смерть тирану». Лушников пропагандировал «истребление царской фамилии и утверждение нового конституционного строя»²⁰⁷, распространял запрещенную декабристскую литературу и вольнолюбивые стихотворения Пушкина. В его бумагах было обнаружено несколько списков оды «Вольность» и стихотворения «Деревня».

О настроениях кружковцев свидетельствовало и то, что многие из них знали наизусть не только стихотворения Пушкина и Рылеева, но и дерзкие, политически заостренные куплеты Полежаева:

Когда б вместо фонаря,
Который гаснет от погоды,
Повесить нового царя,
То просиял бы луч свободы²⁰⁸.

Лушников и сам написал несколько острополитических стихотворений, направленных против Николая I и его деспотизма. В одном из них он подчеркивал немецкое происхождение императора и чуждый стране и народу характер его правления:

Друзья, не русский нами правит,
Норманец нам подаст закон,
Он Русь святую так-бесславит,
Как обесславлен теперь он.
Да свергнет бог с него корону,
Пришлец он низкий — он немчин...

В другом стихотворении Лушников воспевал свои мечты о крушении монархии в России:

В жилище грозного тирана
Все запустело, все молчит:
Лишь вещий крик ночного врана
Ему песнь гибели звучит...
Упыется месть в крови злодея,
Мне-голос сердца говорит,—
И терем страшный, запустея,
Как башня, рухнув, загорит!²⁰⁹

Эти и другие подобные им стихотворения переписывались, размножались, ходили по рукам членов кружка и студентов университета, распространялись среди солдат Московского гарнизона, рассылались во Владимир, Казань, Калугу, Симбирск и другие города. Примечательно то, что стихотворения Лушникова находили во Владимирской губернии вплоть до 1831 года включительно, то есть значительно позже того времени, когда кружок братьев Критских уже перестал существовать,

а автор стихотворений расплачивался за участие в нем своей волей²¹⁰.

Лушников был автором нескольких прокламационистовок, которые также рассылались в различные города. В своей «Волжской листовке» он писал: «Подвизайтесь, сыны России, — пора уже возгнущаться игом самовластиа, которым угнетают вас иноплеменные пришельцы». По его мнению, «первые места в государстве занимают пришельцы»²¹¹, то есть немцы, и это действительно было так.

Горячее сочувствие к декабристам и глубокое уважение к ним Лушников выразил в стихотворении «Песнь русского»:

Казнь позорная свершилась
Над великими сынами,
И Россия подклонилась
Вместе с жалкими рабами
Под тяжелый скипетр
тираний²¹².

Чтобы разогнуть спины русского народа и уничтожить тирана, и объединилась группа студентов, смелых до дерзости, в «Общество братьев Критских». Поднять знамя декабристов, воскресить их идеи и идеалы, завоевать свободу народу и, если потребуется, пожертвовать жизнью в борьбе за это — таковы были помыслы членов кружка.

В «изыскании средств для преобразования государства» молодые люди рассчитывали опереться на помощь известного генерала А. П. Ермолова, а также привлекавшего по делу декабристов М. П. Баратаева и на отца декабриста — П. Н. Ивашева²¹³. Причем Баратаев и Ивашев были симбирянами: выбор этих кандидатур был сделан под влиянием Лушникова, видимо, горячо и наивно верившего в свои земляческие связи и в своих героев-земляков.

Но намерения и планы студентов не сбылись. По окончании следствия наступила тяжелая расплата. За свои дерзновенные помыслы и участие в кружке наш земляк заплатил двадцатью девятью годами свободы.

В конце 1827 года он был заключен в Свартгольмскую крепость (Финляндия), в апреле 1828 года переведен в Выборгский шлосс, через месяц — в Кексгольмскую крепость, а в июле 1829 года — в Нейшлотскую крепость. После почти пятилетнего заключения в ней,

в апреле 1834 года, его перевели в арестантские роты в Ревель (ныне Таллин) матросом во флот, а через пять лет, в 1839 году, — в Оренбург солдатом линейного батальона.

Через два года после этого Лушникову было разрешено поступить на службу по гражданскому ведомству, а когда в 1847 году он подал в отставку, ему был запрещен выезд из Оренбурга. Там он бедствовал еще девять лет. Только в 1856 году по общей амнистии в связи с воцарением нового императора Александра II, когда были прощены все декабристы, был помилован и их последователь Н. Ф. Лушников²¹⁴.

Надо полагать, что мировоззрение и политические симпатии Лушникова не определились вдруг, по его прибытии в Москву. Во время учебы в стенах университета они лишь оформились окончательно, получили свое завершение. А основа антимонархических взглядов, горячих симпатий к декабристам и сознание необходимости переустройства общества формировались у молодого человека в симбирский период его жизни.

Следовательно, в Симбирске была соответствующая атмосфера, в которой могли зарождаться подобные взгляды.

АРЕСТОВАН В СИМБИРСКЕ

Тема «Симбирск и декабристы» выявляется в различных планах и эпизодах истории. Мы видели предшественников декабристов, самих декабристов-симбирян, наконец — их последователя. Однако этим не исчерпываются связи Симбирска с декабристами.

Есть еще один участник движения декабристов, который, не будучи симбирянином, имел непосредственное отношение к Симбирску. Это Дмитрий Иринархович Завалишин — дальний родственник Ивашевых, лейтенант русского флота. Он родился в июне 1804 года, а умер последним из всех декабристов, в феврале 1892 года, на восемьдесят восьмом году жизни²¹⁵.

Его родство с Ивашевыми было довольно условным и состояло в том, что двоюродная сестра матери декабриста Веры Александровны Толстой, в замужестве Ивашевой, — Надежда Львовна Толстая — вышла замуж за генерала Завалишина после смерти его первой жены и стала мачехой Дмитрия Завалишина²¹⁶. Таким образом, последний условно приходился троюродным братом декабристу Василию Ивашеву. Но в то время и эта условность родственных связей принималась всерьез, поэтому отношения между семьями Ивашевых и Завалишиных были самыми сердечными: Завалишины из Петербурга наезжали в Симбирск и Ундоры, а Ивашевы — в столицу к Завалишиным.

4 января 1826 года Дмитрий Завалишин из Казани приехал в Симбирск к Ивашевым. А за день-два до его

приезда из Петербурга прибыл офицер, чтобы арестовать Дмитрия.

Василий Ивашев, находясь в это время в Симбирске, предпринял попытку спасти друга от грозившей ему опасности. С этой целью он встретил Дмитрия за городом, привез к себе, минуя заставу, и дал возможность уничтожить компрометирующие того бумаги. Но Завалишин не согласился на сделанное ему предложение о побеге и на другое утро явился добровольно к губернатору, где был арестован и немедленно отправлен в Петербург, в распоряжение следственного комитета²¹⁷.

В Петербурге Завалишин был заключен на главной гауптвахте, где содержался в небольшой комнате вместе с А. С. Грибоедовым²¹⁸, а с 4 апреля 1826 года за дерзкое поведение на допросах и серьезность предъявленных ему обвинений он был переведен в Алексеевский равелин, одно упоминание о котором наводило ужас на людей.

Завалишин, как один из главных обвиняемых, был приговорен к смертной казни, замененной позже вечной каторгой, срок которой впоследствии был сокращен до двадцати лет с вечным поселением в Сибири²¹⁹.

Кроме участия в Северном обществе декабристов Завалишин обвинялся в создании за границей и в России ордена «Восстановление» с целью якобы совершения «социальных революций», а также в использовании «в революционных целях» одного из фрегатов русского флота, на котором он в 1822—1824 годах участвовал в кругосветном путешествии²²⁰.

Завалишин интересен еще и тем, что с ним произошла беспрецедентная история. Не пожелав воспользоваться в 1856 году амнистией, он остался в Сибири, где вел активную общественно-литературную деятельность, обличая местные власти в совершенных ими преступлениях и злоупотреблениях служебным положением. В конце концов он так донял «власть предержащих», что они взмолились перед Петербургом с просьбой избавить их от Завалишина. Этим мольбам столица вняла, и в августе 1863 года Александр II отдал повеление о высылке декабриста из Сибири во внутренние губернии России для проживания там «под бдительным надзором». И случилось так, что жандармы Александра II повезли Завалишина по той же дороге, по которой почти сорок

лет назад его везли жандармы Николая I, — но уже в обратном направлении, из сибирской ссылки в ссылку европейскую²²¹.

* * *

С Симбирском связаны имена и ряда других декабристов.

Так, в апреле 1840 года проездом из Сибири на Кавказ в городе в течение двух недель гостили у своих сестер братья Александр и Петр Беляевы.

Вспоминая о своем пребывании в Симбирске, А. Беляев писал: «В Симбирске у сестер было много знакомых, которые, конечно, стали и нашими. Тут жил князь Юрий Сергеевич Хованский, сотоварищ юности нашей, которого мы еще знали в Петербурге... жена его была сестра нашего друга и товарища Василия Петровича Ивашева... Тут же мы видели и другую сестру его Языкову... Излишне говорить, с каким дружеским радушием мы были приняты всеми этими лицами...»²²².

Летом 1829 года через Симбирск проехал декабрист А. А. Бестужев (Марлинский).

В сентябре 1837 года в городе находились проездом из Сибири на Кавказ декабристы Лихарев, Лорер, Назимов, Нарышкин, Одоевский и Черкасов. Вся эта группа посетила дом Ивашевых и была принята хозяином дома П. Н. Ивашевым²²³.

В 1846 году в Симбирске некоторое время жил декабрист Н. Р. Цебриков, который ранее, в конце 1826 года, проезжал через этот город на Кавказ.

Несомненно, что все это постоянно поддерживало в общественном мнении Симбирска интерес и внимание как к самим декабристам, так и к их делу и к их несбывшимся надеждам. С другой стороны, симбиряне во всех случаях окружали декабристов радушием и участием, стараясь по мере возможности удовлетворить их потребности и нужды.

ВОИН И АКАДЕМИК

В апреле 1835 года А. С. Пушкин написал стихотворение «Полководец», посвященное фельдмаршалу русских войск Барклаю-де-Толли. Это стихотворение начиналось так:

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ними я брожу
И на знакомые их образы гляжу...

Так поэт писал о знаменитой Военной галерее 1812 года в Зимнем дворце в Петербурге (ныне — Эрмитаж). Среди 330 портретов крупных полководцев и известных военачальников в галерее представлен портрет и симбирянина — Петра Андреевича Кикина. Уже сам подобный факт не может не пробудить нашего интереса к имени этого человека.

Петр Андреевич Кикин — близкий родственник Ермоловых и Языковых. Он приходился двоюродным дядей поэту Н. М. Языкову и его братьям и сестрам по матери — Екатерине Александровне Языковой, урожденной Ермоловой²²⁴.

Кикин родился 27 декабря 1775 года в городе Алатыре Симбирской губернии. При крещении он был наречен Варфоломеем, но это имя, данное попом, никак не соответствовало светской жизни и было заменено на имя Петр²²⁵.

По правилам того времени, еще будучи ребенком, Петр Андреевич был записан на военную службу, в гвардейский Семеновский полк. Воспитание и образование он получил в Москве в одном из частных пансионов, затем — в университетском пансионе и в университете; по окончании университета поступил на действительную военную службу в Семеновский полк.

В обществе Кикин слыл галломаном, остряком, каламбуристом и модным светским человеком.

В Отечественной войне 1812 года он принял самое активное участие. Был в сражениях под Смоленском, под Красным и при Бородине. В одном из боев был ранен. Примечательно, что в расписании русских войск, участвовавших в Бородинской битве 24—26 августа 1812 года, Кикин, имея звание полковника, значился дежурным генералом штаба 1-й армии и указан первым после командующего армией Барклая-де-Толли.

Кикин представлен не только в Военной галерее 1812 года, но и на страницах романа «Война и мир». Лев Толстой в четвертом томе своего романа описал эпизод, когда М. И. Кутузов назначил сражение при Тарутине на 5 октября 1812 года, а состоялось оно лишь на другой день — 6 октября.

Получилось это так. 4 октября, в канун предполагавшегося сражения, Кутузов послал офицера к начальнику штаба русских войск — генералу А. П. Ермолову — с диспозицией завтрашнего боя. Но офицер никак не мог найти не только Ермолова, но и других главных командиров. Наконец после долгих поисков он узнал, что Ермолов находится у Кикина, где собрались и остальные генералы, чтобы «провести время». В девять часов вечера посланец Кутузова вручил Ермолову диспозицию боя. Однако времени для передислокации и подготовки войск к сражению уже не оставалось, и оно было отложено на день. Причиной же этого, таким образом, оказался Кикин, собравший у себя весь генералитет.

Кикин был близким другом знаменитого А. П. Ермолова, который очень тепло относился к Петру Андреевичу и называл его в своих письмах «благороднейшим существом», «редким братом», «существом чудеснейшим»²²⁶.

С войсками 1-й армии Кикин дошел до Парижа, где получил звание генерал-майора. По возвращении из

Франции он вышел в отставку. В январе 1816 года Кикин был назначен статс-секретарем по принятию прошений, и ему было присвоено звание действительного статского советника²²⁷.

Находясь в Петербурге, П. А. Кикин взял под свое покровительство племянников — Петра, Александра и Николая Языковых, обучавшихся в Петербургском Горном корпусе. Так, своим письмом от 26 августа 1816 года в комитет Горного корпуса он способствовал переводу братьев из полупансионеров на полный пансион²²⁸.

Через три года Кикин вновь писал в комитет Горного корпуса и просил: «...воспитывающегося в Горном кадетском корпусе родственника моего пансионера Николая Языкова из одного корпуса уволить, снабдив его надлежащим аттестатом»²²⁹. Это было связано с тем, что Николай Языков задумал тогда перейти на учебу в Институт путей сообщения.

Позже отношения молодого поэта и его дядюшки сложились так, что Николай Языков «с величайшей неохотой посещал в Петербурге Кикина», который всегда «с снисходительной усмешкой относился к поэтическим опытам молодого поэта»²³⁰. Дело в том, что Николай не очень ревностно относился к учебе в Горном корпусе, а затем и в Институте путей сообщения, вследствие этого успехами не блистал, что доставляло немало огорчений родственникам. Это давало Кикину достаточно поводов к тому, чтобы сомневаться в наличии высоких поэтических способностей Языкова.

Неприятнь Кикина к занятиям Николая Языкова поэзией не проходила. В апреле 1824 года Николай писал братьям в Симбирск: «П. А. Кикин говорил... что писать стихи бесполезно и поэтому советует мне бросить. Вздор! Я скорее брошу в жизни все, что можно бросить, чем стихи»²³¹.

Кикин не смог увидеть в своем племяннике будущего знаменитого русского поэта — может быть, потому, что был слишком близок к нему. Но какова сила привязанности молодого Языкова к поэзии!

П. А. Кикин известен и как деятель русского искусства. Он не был ни художником, ни музыкантом, ни литератором, но активно способствовал развитию отечественного искусства и оказал влияние на творческие судьбы многих русских художников.

В 1820 году совместно с И. А. Гагариным и А. И.

Дмитриевым-Мамоновым Кикин основал Общество поощрения художников и стал его председателем²³². Док-тор искусствоведения И. С. Зильберштейн писал: «Вплоть до 1826 года Кикин был фактическим руководителем Общества поощрения художников, и именно его инициативе оно обязано своими наиболее значительными предприятиями. Он сыграл большую роль в судьбе многих художников той эпохи, в том числе таких, как А. Г. Венецианов, Карл и Александр Брюлловы, Григорий и Никанор Чернецовы»²³³.

Кто знает, может быть, не будь Кикина, не появилась бы и такая замечательная картина К. Брюллова, как «Гибель Помпеи». Дело в том, что Брюллов, с отличием окончивший Академию художеств, крупно повздорил с ее президентом А. Н. Олениным и тем самым утратил право на поездку, за счет Академии, в Италию на усовершенствование. На помощь пришел Кикин. Отлично зная о больших дарованиях братьев Брюлловых, он в конце 1822 года отправил обоих в Италию на средства Общества поощрения художников²³⁴.

Кикин и потом не переставал следить за творческим ростом Карла и Александра, оберегая их от космополитства своими советами и наставлениями. Он желал видеть в Брюлловых достойных сынов своего отечества.

Возглавляя Общество поощрения художников, П. А. Кикин развернул огромную работу по организации выставок произведений искусства, конкурсов и лотерей, выпуску литографий с картин, приобретению и сбыту художественных произведений, оказанию материальной помощи нуждающимся художникам. Все это производило большое впечатление на общественность.

За обширную деятельность по развитию русского изобразительного искусства 16 сентября 1822 года Совет Академии художеств избрал Кикина почетным членом Академии²³⁵.

Н. А. Кикин был близко знаком с художником-декабристом Н. А. Бестужевым, высоко оценивал его дарование и следил за его творческим ростом. По предложению Кикина Бестужев в ноябре 1825 года был принят в члены Общества поощрения художников²³⁶, но восстание 14 декабря на Сенатской площади Петербурга и последовавшие за ним события помешали ему принять участие в работе Общества. Впоследствии Н. А. Бестужев стал летописцем каторги и ссылки декабристов,

создав большое количество живописных произведений на эти темы.

Кикин был знаком с А. С. Пушкиным, неоднократно встречался с ним и его женой Натальей Николаевной.

Петр Андреевич заслуженно пользовался высоким авторитетом знающего покровителя и ревностного защитника деятелей искусства. Благодаря своему доброму сердцу он был первым помощником и опорой всех, кто жил интересами искусства и работал в области архитектуры, живописи, гравюры и литографии. Он помогал и морально и материально.

Воцарение Николая I сопровождалось упадком во всех областях русской жизни. Его жестокая расправа с декабристами и усилившаяся в стране реакция удручающе действовали на Кикина, и в декабре 1826 года он ушел в отставку с поста статс-секретаря и удалился от руководства Обществом поощрения художников.

О том, что дядюшка собирается выйти в отставку, Николаю Языкову стало известно в ноябре 1826 года. В письме к брату Александру 28 ноября он писал: «Ты, помнится, мне писал, что Петр Андреевич выходит в отставку — что ж? Когда, почему и с каким чувством сердца?» А 30 января 1827 года, также в письме к Александру, Николай спрашивал: «Что делает Петр Андреевич неслужащим?»²³⁷.

Кикин ушел в хозяйственные дела по управлению имением, сделав немало для облегчения участи крепостных крестьян. Приезжал он и в Симбирск к Ермоловым и Языковым.

Умер Петр Андреевич 18 мая 1834 года и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге²³⁸.

Память П. А. Кикина в Симбирске долго почиталась. Его портрет, в числе портретов других славных симбирян, украшал стены Карамзинской общественной библиотеки, но погиб в пожаре 1864 года²³⁹.

Лучшие художники страны запечатлели облик П. А. Кикина. Так, в 1820 году К. Брюллов написал его портрет, находящийся ныне в Третьяковской галерее²⁴⁰. Несколько позже, в 1835 году, известный скульптор С. И. Гальберг выполнил в бронзе бюст П. А. Кикина, относящийся к числу лучших произведений мастера. Этот бюст также находится в Третьяковской галерее²⁴¹.

«БЕСЦЕННЫЙ ПЬЕР»

Декабризм как движение и как идеология нашел среди русских людей тысячи сочувствующих. Были они и в Симбирске.

Мы остановим внимание на личности Петра Васильевича Зиновьева, человека очень интересного и неоправданно забытого у нас.

П. В. Зиновьев был близким другом Ивашевых и Языковых. Когда однажды заболела Елизавета Петровна Языкова — сестра декабриста Ивашева, то Зиновьев так внимательно ухаживал за больной и так много помогал ее мужу П. М. Языкову, что на время поселился в их доме. А во время болезни Петра Никифоровича Ивашева — отца декабриста — в 1836 году он ходил за ним как сиделка.

Е. П. Языкова называла Зиновьева «ангелом-утешителем семьи» и своим «неразлучным спутником»²⁴². Свою дружбу и преданность семье декабриста Зиновьев доказал неоднократно. Наиболее ярко это выразилось в том, что 10 июля 1837 года он по поручению Лизы Языковой отправился в Туринск к Василию Ивашеву, где пробыл четыре дня, доставив туда и обратно большие и подробные письма. Поездка была секретной и опасной, и о ней не знало не только симбирское начальство, но даже родные. Зиновьев ездил якобы на ярмарку в один из уральских городов и возвратился в Симбирск 8 августа 1837 года²⁴³.

А через неделю после этого Лиза писала брату: «Наш Пьер приехал сюда с таким запасом дорогих для

нас речей, дорогие несравненные друзья. С какой жадностью и с каким удовольствием слушали мы его рассказы о всем, что до сих пор оставалось тайной для нас... Сколько счастья привез нам наш бесценный Пьер!...»²⁴⁴.

В другой раз, в июне 1838 года, Лиза собралась «на богомолье» в сопровождении Зиновьева. Время шло, а «богомолы» не возвращались. Старик Ивашев проявлял беспокойство — уж не случилось ли что? Он негодовал, подозревая, что Лиза допустила какое-то своеволие (уж он-то знал свою дочь!).

А случилось то, что по уже знакомой дороге Зиновьев проводил Лизу в Туринск к брату, где путешественники гостили две недели²⁴⁵. Богатые подарки местному сибирскому начальству избавили эту поездку от огласки и вмешательства властей.

Каково же было удивление Петра Никифоровича, когда возвратившаяся дочь рассказала отцу о своем визите к брату и в доказательство представила его большое письмо...

В конце 1839 года Лиза и сестра Камиллы Ивашевой, жены декабриста, Амели Ледантю находились за границей. Там же был и Зиновьев. В начале 1840 года Василий Петрович Ивашев писал ему из Туринска, как ближайшему к семье человеку, о постигшем всех горе: в канун Нового года скончалась Камилла — и просил его бережно сообщить об этом Лизе и Амели²⁴⁶.

Кто же такой Зиновьев?

Петр Васильевич Зиновьев (1812—1868) был симбирским помещиком²⁴⁷, не очень богатым, но вполне состоятельным, хорошо воспитанным и образованным. По окончании Петербургского университета он поступил на военную службу. Служил в гвардейских полках, а в конце 1835 года в звании гвардии поручика ушел в отставку; возвратившись в Симбирск, близко подружился с семьями Ивашевых и Языковых. Неоднократно он пытался свататься к младшей дочери Ивашевых — Александре, но Вера Александровна Ивашева и слышать не хотела о таком браке, хотя благосклонно разрешала Зиновьеву бывать в своем доме.

Но этот человек интересен для нас не только потому, что он был близок к Ивашевым и Языковым.

Осенью 1841 года Зиновьев оказался в Новгороде, где познакомился с А. И. Герценом, который дал ему

рекомендательное письмо к В. Г. Белинскому²⁴⁸. Личность Зиновьева произвела на Виссариона Григорьевича необычайно сильное впечатление. В одном из своих писем он писал: «А какой чудесный человек этот Зиновьев! Вот истинно крепкая, здоровая, действительная натура! Человек, вполне достойный любви женщины, мужчина в полном значении этого слова»²⁴⁹. В другом письме, от 3 апреля 1848 года, Белинский снова восклицает: «Что за натура Зиновьев! Мы все дрянь перед ним»²⁵⁰.

Находясь в Париже, Зиновьев познакомился с И. С. Тургеневым, а по возвращении в Петербург он познакомил Ивана Сергеевича с Белинским, который уже давно проявлял интерес к новому имени в русской литературе.

Между Зиновьевым и Тургеневым установились приятельские отношения, и имя Петра Васильевича Тургенева позже неоднократно упоминал в своих письмах. Зиновьев оказался в числе почитателей знаменитой певицы, друга Тургенева Полины Виардо и не раз навещал ее в России²⁵¹.

Находясь на службе в Новгороде, Зиновьев в конце 1853 года настойчиво добивался отпуска, а получив его «по болезни» на четыре месяца, уехал в Сибирь и возвратился оттуда лишь через год и восемь месяцев²⁵². Эта поездка в Сибирь «на лечение» весьма любопытна. Во время ее Зиновьев навещал всех декабристов, познакомился с ними и стал другом Пущина, Басаргина, Бестужева, Батенькова, Оболенского, Муравьева-Апостола, Трубецкого, Якушкина и других.

И. Д. Якушкин в одном из своих писем к И. И. Пущину в октябре 1854 года сообщал: «Зиновьев пробыл в Иркутске с неделю; он ежедневно навещал меня; человек он очень приятный...»²⁵³. С. П. Трубецкой в письме к тому же Пущину в ноябре 1854 года замечал о Зиновьеве: «О нашей жизни здесь получите также отчет, услышите рассказы человека, с которым знакомство нам было очень приятно»²⁵⁴.

В конце ноября 1854 года в письме к сыну И. Д. Якушкин писал: «На другой день после твоего отъезда у меня устроился, совсем неожиданно, литературный вечер. Зиновьев, навещавший меня каждый день и иногда по два раза, принес «Постоялый двор», вслед за ним приехал Оболенский... В девять часов началось чте-

ние — Зиновьев читает прекрасно... В продолжение трех часов мы, слушатели, хранили глубокое молчание, находясь под обаянием прелести этого произведения»²⁵⁵.

Кроме того, Зиновьев, находясь в Петербурге, был близким другом семьи Кюхельбекеров, а впоследствии, совершая поездку по Сибири, он привез декабристам письма и деньги от родных²⁵⁶.

В декабре 1854 года И. И. Пущин в Ялutorовске вручил Зиновьеву рукопись «Записок» декабриста М. А. Фонвизина с надписью: «Доброму Петру Васильевичу Зиновьеву вверяется эта рукопись друга моего Михаила Александровича Фонвизина. Ялutorовск, 26 декабря 1854 г.». Из-за невозможности опубликования эта рукопись тридцать лет тщательно хранилась в семье Зиновьевых, и уже сын Петра Васильевича, Василий Петрович, передал ее в 1884 году в журнал «Русская старина», где она и была опубликована²⁵⁷.

Вот таким предстает перед нами симбирянин П. В. Зиновьев — друг Герцена, Белинского и Тургенева, знакомый Кетчера, Панаева, Корша, друг семьи Кюхельбекеров, а также декабристов И. И. Пущина, И. Д. Якушкина, В. П. Ивашева и многих других.

Его двукратная поездка в Туринск к В. П. Ивашеву в ту пору, когда любые связи с сосланными преследовались и сурово наказывались, является не только свидетельством преданности семье декабриста, но и выражением его убеждений, его гражданского мужества. Уже в другое время, в 50-е годы, он не побоялся «запачкать» свой мундир государственного чиновника тем, что установил тесные дружеские отношения со множеством сосланных декабристов, продолжая видеть в них свой идеал человека и гражданина.

ЗНАКОМЫЙ МАРКСА

Перебирая страницы прошлого нашего края, нельзя пройти мимо интересной личности Григория Михайловича Толстого. Он был двоюродным племянником Веры Александровны Толстой, в замужестве Ивашевой, и троюродным братом декабриста Василия Ивашева. Он являлся также двоюродным братом поэта Ф. И. Тютчева.

Имение Толстого находилось в Спасском уезде Казанской губернии, но сам он часто жил в Ундорах и в Симбирске. Именно симбирский круг родных и знакомых составлял ту среду, в которой он чувствовал себя лучше всего. В одном из своих писем к сестре декабриста Ивашева — Екатерине Хованской — Толстой писал, что для него «приехать из Казани в Ундоры — это все равно что вернуться с чужбины в отчизну»²⁵⁸.

Г. М. Толстой больше всего тяготел к семье Ивашевых, и не только потому, что его связывали с ней родственные чувства. Его влекла царившая в этой семье атмосфера высокой просвещенности и неизменного благожелательства. У Ивашевых он провел часть своих детских и юношеских лет. Будущий декабрист относился к нему как к своему младшему брату²⁵⁹. А когда в ноябре 1838 года внезапно скончался Петр Никифорович Ивашев, Г. М. Толстой принял решение ехать в Туринск к Василию Петровичу и его жене Камилле Петровне, чтобы разделить с ними горе утраты. В декабре 1838 года он с приятелем Ф. И. Тонорниным нелегально совершил эту рискованную поездку²⁶⁰.

Неоднократно бывая за границей, Толстой интере-

совался общественной жизнью Европы, встречался с русскими эмигрантами. Он познакомился и подружился там с М. Бакуниным. Последний познакомил Григория Михайловича с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Маркс бывал у Толстого в его парижской квартире и писал ему²⁶¹.

В октябре 1847 года Карл Маркс писал Георгу Гервегу: «Я просил бы тебя узнать у Бакунина, каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо Толстому»²⁶². Это говорит о том, что для Маркса Толстой представлял определенный интерес и он искал связи с ним.

О характере отношений между Марксом и Толстым говорит, в частности, такой факт: когда в марте 1846 года в Европу собирался ехать другой симбирянин, П. В. Анненков, Толстой дал ему рекомендательную записку к Марксу: «Дорогой друг! Я рекомендую Вам г-на Анненкова. Это человек, который должен понравиться Вам во всех отношениях. Его достаточно увидеть, чтобы полюбить. Он Вам расскажет обо мне. Я не имею теперь возможности высказать Вам все, что хотелось бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург. Будьте уверены, что дружба, которую я питаю к Вам, вполне искренняя. Прощайте. Не забывайте Вашего искреннего друга Толстого»²⁶³.

Получив такую рекомендацию, Анненков познакомился с Марксом, его женой и Энгельсом. Сохранились и опубликованы несколько писем Анненкова к Марксу. Опубликовано также большое, в одиннадцать страниц книжного текста, письмо Маркса к Анненкову по поводу книги Прудона «Философия нищеты»²⁶⁴.

8 мая 1846 года из Парижа Анненков писал Марксу в Брюссель: «Я получил сведения, что Толстой решил продать все имения, которыми он владеет в России. Не трудно догадаться, с каким намерением»²⁶⁵. В письме от 30 сентября он снова говорил об этом: «А наш добропорядочный, простодушный, честный Толстой... думает только о том, чтобы сбыть с рук свои имения и поселиться в Европе»²⁶⁶.

Значительно позже в своей известной работе «Замечательное десятилетие» Анненков писал о Толстом: «...по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного

певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассаля и будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции»²⁶⁷.

Возможно, у Анненкова были какие-то основания для того, чтобы дважды писать Марксу о якобы имевших место намерениях Толстого продать свое имение «и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции». Однако сам Карл Маркс в 1880 году, прочтя в подлиннике воспоминания Анненкова, подчеркнул слова «он уверил Маркса», а сбоку по-французски приписал: «Это ложь! Он ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня ехать с ним!»²⁶⁸.

Анненков увидел в Толстом лишь «певца цыганских песен» и «ловкого игрока», хотя вряд ли только эти качества были основой довольно близкого знакомства «степного помещика» с основоположником марксизма. Замечание Маркса не только подтверждает близкий характер отношений, сложившихся между ним и Г. М. Толстым («...даже имел наивность пригласить меня ехать с ним!»), но и свидетельствует о его уважении к этому человеку.

Брат соредатора журнала «Современник» известного литератора И. И. Панаева Валериан Панаев писал о Толстом: «Это был... образованнейший человек и в полном смысле джентльмен как в жизни, так и по характеру и по манерам...»²⁶⁹. А известный советский писатель и литературовед Корней Чуковский в специальной работе, посвященной Григорию Толстому, так характеризовал его: «Для этого молодого, красивого, образованного, богатого и знатного барина были открыты все двери и доступны любые знакомства в Петербурге, в Москве, в Симбирске. В числе его близких друзей были и декабристы, и славянофилы, и революционные деятели»²⁷⁰. Поэт В. А. Соллогуб в стихотворном послании к Толстому писал:

Где б мы ни встретились с тобой,
В Париже шумном, в теплой Ницце,
В Симбирске, нам стране родной,
Иль в нашей чопорной столице,—
Мы, повинуюсь судьбе
И нами избранному кругу,
Все будем верными себе,
Все будем верными друг другу...²⁷¹.

Григорий Михайлович Толстой являлся казанским помещиком, но умом и сердцем он принадлежал Симбирску. И естественно, в кругу симбирских дворян он делился впечатлениями о своих встречах с С. Т. Аксаковым, Н. В. Гоголем, Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым и многими другими. Возможно, с кем-то из симбирян он вел речи и о Бакунине, Марксе и Энгельсе²⁷².

В начале 40-х годов, когда братья Языковы готовили к изданию «Симбирский сборник», Толстой охотно передал им свое собрание древних рукописей и документов, касавшихся истории края²⁷³.

Через двадцать с лишним лет, в 1866 году, уже на склоне своей жизни, Толстой принял участие в возрождении погибшей в пожаре 1864 года симбирской Карамзинской библиотеки, пожертвовав на это семьдесят пять рублей²⁷⁴, чем еще раз засвидетельствовал свою принадлежность к симбирскому обществу.

ИЗ ФЛОРЕНЦИИ В СИМБИРСК

Так называется письмо объемом в двадцать семь страниц книжного текста, написанное в октябре 1833 года.

Шутка сказать! Из Флоренции, всемирно известного города, и — в провинциальный Симбирск...

Само письмо являлось своеобразным отчетом о трехнедельном путешествии из Женевы во Флоренцию²⁷⁵. Автор описывает, как он ехал, где останавливался, что видел, с кем встречался, и т. д., и т. п. Так, говоря о посещении швейцарского городка Альгорн, он пишет: «Прошел еще раз по площади, прославленной подвигом Телля, и остановился на том месте, на котором стоял с яблоком сын его»²⁷⁶. Это — о Вильгельме Телле, борце за свободу Швейцарии, вынужденном, по преданию, сбивать стрелой лука яблоко с головы собственного сына. А несколько далее — о жизни швейцарцев: «Пастухи сии и земледельцы очень бедны... Они оплачивают подати продажей, в осеннее время, скота». А вот отцы духовные, пишет автор, живут с большим избытком. «Приходские священники имеют от 600 до 700 гульденов дохода: это много для жителей поднебесных. Пастухи кормятся большей частью картофелем, а мясо идет в продажу»²⁷⁷.

Въехав на территорию Италии, автор письма был поражен великолепием храмов, их архитектурой и т. п., «...но неизбежно следствие сего великолепия: неопрятность и рубища нищих, у сих храмов сидящих... О нищенстве я не упоминаю: эта язва Италии и вообще

земель католических давно уже явилась на пути моем во всем своем безобразии...»²⁷⁸.

А потом посещение библиотек, университетов, больниц, тюрем и кладбищ, осмотр старых замков, соборов, любование творениями Леонардо да Винчи и Рафаэля, изучение языка и чтение в подлинниках произведений Данте и Вергилия, встреча с Карлом Брюлловым и описание его знаменитой картины «Последний день Помпеи», ставшей сенсацией в Италии и в Европе...

Кому в Симбирск могло быть написано такое письмо? Кого здесь, в провинциальной глуши, могла интересовать повседневная жизнь Европы, такая далекая и чуждая России и захолустному Симбирску?

Оказалось, что письмо было адресовано Аржевитинову. А автором его был Александр Иванович Тургенев, уроженец Симбирска, личность яркая, выдающаяся для своего времени.

Но кто такой Аржевитинов? Предпринятый поиск не сразу, но дал некоторое прояснение. Иван Семенович Аржевитинов был двоюродным братом автора письма. Родная сестра Ивана Петровича Тургенева Харитина Петровна вышла замуж за Семена Владимировича Аржевитинова — симбирского помещика²⁷⁹. С 1761 по 1782 год он состоял на военной службе и уволен в отставку в чине премьер-майора²⁸⁰.

Их сын, Иван Семенович, родился в Симбирске, вероятно, в 1792 году²⁸¹ и все время находился в поле зрения братьев Тургеневых. Так, 1 октября 1808 года А. И. Тургенев писал брату Николаю в Геттинген: «Иван Семенович вступил в Кадетский корпус...»²⁸², а 16 февраля 1810 года также брату Николаю он сообщал: «Иван Семенович все еще здесь, но на днях выпускается офицером»²⁸³. Таким образом, в начале 1810 года Аржевитинов был уже офицером. В 1812 году он становится активным участником нескольких сражений Отечественной войны, и в том числе — Бородинской битвы. А в одном из последних боев с Наполеоном, уже во Франции, был тяжело ранен — потерял ногу и несколько месяцев находился на излечении в парижском госпитале²⁸⁴.

Из Парижа он возвратился в Симбирск, где и жил до 1848 года, периодически выезжая то в родовое имение Ерыкла Сенгилеевского уезда, то в Москву, Петербург и Европу.

Родная сестра Ивана Семеновича, Анна, в 1809 году вышла замуж за Н. Татаринова и стала матерью А. Н. Татаринова²⁸⁵ — соученика поэта Н. М. Языкова по Дерптскому университету и одного из просвещенных симбирян.

14 ноября 1832 года Александр Тургенев писал из Флоренции П. А. Вяземскому: «Скажи Татаринову, чтобы написал ко мне о себе... и об Аржевитинове»²⁸⁶.

21 марта 1833 года из Неаполя Тургенев шлет Аржевитинову гравюру «Флорентийская Венера», а 20 мая того же года уже из Флоренции посылает ему «сверток с двадцатью восемью гравюрами». В августе 1833 года из Женевы Тургенев выслал Ивану Семеновичу описание и изображение праздника урожая винограда в швейцарском местечке Веве. Причем это описание и изображение праздничных карнавальных шествий, костюмов, пейзажей и т. п. составило бумажный сверток в «несколько сажен длиною»²⁸⁷. Естественно, что характер посылок говорит и об интересах того, кому они предназначались.

В переписке Тургенева с Вяземским и Жуковским часто упоминается Аржевитинов.

13 сентября 1833 года в Симбирске на обеде у Языковых в честь А. С. Пушкина в числе немногих избранных был и И. С. Аржевитинов²⁸⁸.

Один из современников Ивана Семеновича писал: «Другое светило симбирского общества блистало собственным светом — отставной военный, безногий Аржевитинов... В нем, догадался я позже, были все зачатки декабристов»²⁸⁹.

Аржевитинов был адресатом нескольких писем о последних днях А. С. Пушкина. 15 января 1837 года Тургенев посетил умирающего поэта, после чего писал в Симбирск Ивану Семеновичу: «...прочел он мне наизусть много стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны...»²⁹⁰.

28 января того же года Тургенев записал в дневнике: «...в 10 часов я уже был опять у Пушкина. Опасность увеличилась... Все описал сестрице и просил Булгакова послать копию Аржевитинову...»²⁹¹.

Из письма Тургенева Аржевитинову от 30 января 1837 года: «...последнее время мы часто виделись с ним и очень сблизились, он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений, на-

читанности... Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие»²⁹².

Все эти письма о последних днях великого поэта становились достоянием и Аржевитинова, и Языковых, и всего симбирского общества. Таким образом, Иван Семенович являлся для Симбирска источником сведений и о жизни Европы, и о важных событиях в жизни русского общества.

Аржевитинов был частым и желанным гостем Языковых. Он был в числе приглашенных и во время приезда в Симбирск Пушкина, и — много лет спустя — в приезд сюда по случаю торжеств, связанных с открытием памятника Н. М. Карамзину, профессора Московского университета М. П. Погодина.

В своем письме в Москву в августе 1845 года Погодин писал из Симбирска: «Я остановился у П. М. Языкова. В тот же вечер собралось к нему несколько симбирских дворян, и между прочим И. С. Аржевитинов... ходящий на деревяшке»²⁹³.

В 1830-е годы Иван Семенович по призыву братьев Языковых принял участие в сборе фольклора и в записи народных песен, а незадолго до смерти, в феврале 1847 года, он вошел в члены комитета создававшейся тогда в Симбирске Карамзинской библиотеки и внес свой денежный вклад в ее фонд»²⁹⁴.

Это — одна из наиболее ярких фигур симбирского общества, «в нем... были все зачатки декабристов».

ПУШКИН В СИМБИРСКЕ

В разное время в Симбирске бывали многие выдающиеся люди. И конечно, одной из самых памятных и значительных страниц истории нашего города является посещение его великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным.

Задумав написать книгу о Пугачеве, Пушкин в августе 1833 года выехал из столицы в Оренбург в надежде отыскать старожилов, из уст которых он рассчитывал получить сведения как о самом восстании, так и о его предводителе, и увидеть места, где разворачивались события крестьянской войны.

Его путь лежал через Москву, Нижний Новгород, Казань и Симбирск. В Казани он встретился с Баратынским, осмотрел окрестности, где проходили сражения восставших с царскими войсками, и левым берегом Волги направился далее. В Тетюшах Пушкин пересек Волгу и 10 сентября 1833 года прибыл в Симбирск.

Въехав в город, поэт проследовал по Новоказанской улице (ныне ул. Гагарина), потом с перекрестка, где сейчас проходит трамвайная линия, свернул налево, по диагонали пересек огромную тогда ярмарочную площадь и оказался на Дворцовой улице (ныне ул. К. Маркса). Затем его кибитка пересекла Большую Саратовскую (ныне ул. Гончарова), и дальше мимо бывшей монастырской стены, мимо здания мужской гимназии проехала к дому губернатора, находившемуся между Карамзинским садом и теперешним Дворцом книги.

Симбирским губернатором в то время был двоюрод-

ный дядя Натальи Николаевны Пушкиной — А. М. Загряжский. У него Александр Сергеевич гостил 10, 12 и 14 сентября²⁹⁵.

Бывшая подруга дочери Загряжского К. И. Короткова оставила воспоминания о встрече со знаменитым поэтом в доме губернатора. Она оказалась там во время урока танцев.

«...По зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин, мы все взволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его потанцевать с нами, он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу»²⁹⁶.

Поэт танцевал тогда с девочками-подростками и, конечно, не мог знать, что одна из его партнерш — Елизавета Загряжская, дочь губернатора, которой было всего десять с половиной лет, станет впоследствии женой его брата Льва Сергеевича²⁹⁷.

На другой день рано утром Пушкин выехал в село Языково. Он хотел видеть поэта Языкова, но не застал его. Отсюда Пушкин писал жене, что выезжает обратно в Симбирск, а потом отправится в Оренбург. На исходе 12 сентября он действительно возвратился к Загряжским и после неторопливого обеда в ночь на 13 сентября выехал из города «верховой дорогой», то есть дорогой на Сызрань.

Поездка, однако, не удалась. Крутые глинистые горы, слабые лошади и пьяные ямщики не дали возможности продолжить путь. Не добравшись и до Сенгилея, Пушкин вынужден был вернуться в Симбирск. На этот раз он остановился в доме Языковых на улице Спасской (ныне ул. Советская, 16), где был любезно встречен старшим братом поэта — Александром Михайловичем.

Как всегда, у Языковых собралась интересная компания. Среди приглашенных был двоюродный брат декабриста Н. Тургенева, местный уроженец, участник войны 1812 года И. С. Аржевитинов. Там же присутст-

вовали: отставной генерал Г. В. Бестужев — близкий друг отца декабриста Ивашева и дальний родственник декабристов Бестужевых; штабс-капитан, участник Бородинской битвы, награжденный за храбрость золотой шпагой, П. И. Юрлов; его дядя А. И. Юрлов, «хорошо знавший Пушкина»²⁹⁸, и другие.

Обед в доме Языковых затянулся. Затем вся компания переехала в дом Юрловых на улице Покровской (ныне ул. Л. Толстого, 89), где состоялся продолжительный ужин, во время которого Пушкин был очень весел, декламировал свои стихи и экспромты, шутил.

На другой день, 14 сентября, Пушкин снова был у Загряжских. В этот же день он посетил жившего в Симбирске помещика Шувалова, который в свои шестнадцать-семнадцать лет был фореитором у Пугачева. Поэт пришел к старику, чтобы послушать его рассказ о предводителе крестьянской войны²⁹⁹.

Среди пушкинских реликвий сохранилась «Генеральная карта Екатеринославской губернии» с надписью на обороте, сделанной рукою поэта: «Карта, принадлежавшая императору Александру. Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сентября 1833»³⁰⁰.

Но главное, что получил в Симбирске Пушкин, — это местные материалы о крестьянской войне под предводительством Пугачева. Они были предоставлены братьями Языковыми и впоследствии нашли свое отражение и в «Истории Пугачева», и в «Капитанской дочке».

Утром следующего дня, то есть 15 сентября, Пушкин отправился наконец в Оренбург. На этот раз его путь лежал по Большой Саратовской улице и по Петропавловскому спуску к Волге.

В ожидании паромы поэт зарисовал в своей дорожной тетради Смоленскую гору, Смоленскую церковь и дом Карамзина. Ныне мало кто знает эти ориентиры. Давно уже не стало Смоленской церкви, но гора, вернее, береговой склон к Волге против улицы Рылеева, остался. Сохранился и дом Карамзина (теперешний адрес — ул. Рылеева, 33а).

Этот дом не имеет непосредственного отношения к известному писателю и историку Н. М. Карамзину. Он принадлежал его старшему брату В. М. Карамзину и построен примерно в 1810 году. Старый же дом Карамзиных был деревянным и находился в самом начале

Большой Саратовской улицы, в районе нынешнего кинотеатра «Рассвет».

Когда Пушкин зарисовывал дом, он знал, что никого из Карамзиных в нем уже нет. Рисунок был нужен поэту, вероятно, для того, чтобы показать его в Петербурге семейству покойного историографа, с членами которого у Пушкина продолжали оставаться самые сердечные отношения.

В Симбирске, или сразу по выезде из него, Пушкин сделал запись в своей дорожной тетради: «Оцюш кайбас, бог, Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка»³⁰¹.

Эта запись, представляющая большой интерес, толкуется по-разному. Первую ее часть некоторые исследователи рассматривают как свидетельство интереса поэта к религиозным воззрениям и мифологическому эпосу мордвы³⁰². Широко известно исследование И. К. Инжеватова, согласно которому Пушкин записал на слух искаженные мордовско-мокшанские слова «оцю Шкавабас», означающие название верховного языческого божества мордвы-мокши. При этом данная часть записи поэта обособляется литературоведами от дальнейшего.

Вторая часть: «Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка» — всеми исследователями разделяется еще на двое. Слова «Панин. Дом Пустынникова» связываются с тем, что главнокомандующий царскими войсками, направленными на подавление крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, — граф П. И. Панин в октябре 1774 года размещался со своей свитой в Симбирске в доме Пустынникова (Ивана Федоровича Мясникова) — владельца огромных богатств и, между прочим, прадеда княгини Е. И. Трубецкой, последовавшей за своим мужем-декабристом в Сибирь. Семью годами ранее, в июне 1767 года, в этом же доме останавливалась Екатерина II в свой приезд в Симбирск.

Наконец, последняя часть записи Пушкина — «Смышляевка» — объясняется как название деревни бывшего Самарского уезда, в которой якобы останавливался Пушкин по пути в Оренбург.

Таким образом, исследователи-пушкинисты разрывают лаконичную запись поэта на три отдельные части и по-разному трактуют каждую из них. Правомерно ли это? Думается, нет. Более логично предположить, что Пушкин сделал единую запись, отразившую одну те-

му — тему графа П. И. Панина, личности довольно интересной для своего времени.

П. И. Панин успешно участвовал в нескольких сражениях. Он командовал армией, и перед ним открывалась блестящая военная карьера. Но в 1770 году он неожиданно вышел в отставку. Это случилось потому, что Екатерина II назвала графа Петра Панина «первым вралем и персональным ее оскорбителем»³⁰³. Видимо, у нее были к тому свои причины.

Однако широко развернувшаяся крестьянская война вынудила перепуганную императрицу назначить П. Панина главнокомандующим войсками, высланными против Пугачева, и дать ему широкие полномочия в его карательных действиях. Она подчинила ему не только войска, но и огромную территорию тогдашних Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерний, на которой могли свободно разместиться несколько европейских государств.

П. Панин, как наместник императрицы, стал неограниченным властителем на этой территории, то есть тем самым «оцю Шкавабас» — «главным богом», который, по преданию, все может и которому все позволено. Могущество Панина казалось легендарным.

Находясь в Симбирске, граф не был обременен заботами. Дело было сделано. Крестьянская война подавлена. Ее руководитель — в клетке, под сильной охраной. Симбирская квартира (дом Пустынникова — Мясникова) была для графа тем же, «чем двор... в Петербурге для Екатерины...»³⁰⁴. Панин не знал куда себя деть, и тешился разными забавами. Он устраивал ежедневные парадные приемы, пышные и церемонные обеды, а по вечерам — игру в вист в кругу избранных генералов. «По временам главнокомандующий с огромною великолепною свитою выезжал на охоту, и все встречные спешили сторониться с дороги, чтобы чем-нибудь не прогневать его сиятельство»³⁰⁵.

Одним из мест, где охотился и развлекался П. Панин, могло быть и, вероятно, было село Смышляевка, но не Самарского, а Симбирского уезда. Вот эта симбирская Смышляевка до сих пор обходилась всеми пушкинистами в их исследованиях — видимо, потому, что о ее существовании просто не подозревали.

Село Смышляевка, ныне Кузоватовского района Ульяновской области, расположено в 62 километрах юго-

западнее Ульяновска. Оно существовало и во времена Панина, и во времена Пушкина. Именно эта, а не самарская Смышляевка, помечена Пушкиным в его записи. В самом деле, слова «дом Пустынникова» и «Смышляевка» разделены не точкой, а запятой. Запятая говорит о смысловом единстве записи, главная тема которой — П. Панин. Этот всемогущий граф назван именем мордовского бога. Далее указана резиденция графа — дом Пустынникова — Мясникова, — а затем Смышляевка, как место его охотничьих забав.

Вот почему нельзя согласиться с категоричным утверждением Ю. Л. Славянского: «Не будем уж говорить о том, что Смышляевка отмечена в записи Пушкина как место остановки его самого, а не графа П. И. Панина...»³⁰⁶. Такая версия приводит к тому, что запись Пушкина, сделанная, несомненно, с единым смысловым значением, произвольно разрывается.

В недавно вышедшем сборнике «Рифей» опубликована статья С. Попова «Дороги сентября», посвященная поездке А. С. Пушкина в Оренбург. Автор пишет: «Смышляевка в дорожной записи говорит очевидно о том, что Пушкин был в этом селе по дороге в Оренбург»³⁰⁷. Здесь опять повторяется давно высказанная пушкинистами версия.

Очень возможно, что поэт проезжал через самарскую Смышляевку, но не об этом была его запись, а о графе П. Панине. И, следовательно, не самарская, а симбирская Смышляевка, связанная с именем графа, фигурирует в заметках Пушкина.

ПРИБЕЖИЩЕ ПОЭЗИИ

В семидесяти километрах на запад от Ульяновска, в узкой и низкой долине речки Урень, окруженной холмами, располагается рабочий поселок Языково. Его украшением и гордостью является живописный старый парк — часть бывшего родового имения Языковых. Заложенный более двухсот лет тому назад, он представляет собой редкий образец паркового искусства и кроме своего исторического значения имеет также большое значение и как памятник природы.

Ровная с северо-востока площадь парка начинается аллеей старых вязов, которая вела в свое время к большому двухэтажному барскому дому³⁰⁸. От места, где ранее стоял дом, местность резко меняется. Четыре террасных понижения следуют одно за другим, на каждом из них были партеры газонов — с фонтаном на одном, с большой цветочной клумбой на другом и небольшой площадкой на третьем. Каменные лестницы, соединявшие эти партеры, вели к большому пруду. Каждый из партеров огражден слева и справа густыми зарослями сирени.

На пруду — два острова. Один из них, небольшой, с деревянной беседкой, соединен с берегом горбатым металлическим мостиком. По берегам этого и двух других прудов растут огромные деревья с широкими и густыми кронами, нависающими над зеркальной гладью воды. В летнюю жару здесь густая тень и приятная прохлада.

Могучие ветлы, березы, клены, вязы и тополя в со-

седстве с соснами, голубыми и обыкновенными елями создают чудесный ансамбль, который удивительно красиво смотрится с верхней площадки, где находился дом поэта. Большое количество разных сортов сирени, жасмина, черемухи, рябины и акаций дополняет пейзаж и придает особое очарование этому уголку.

Парк прекрасен в любое время года, и трудно сказать, когда он более живописен: в январские морозные дни, припорошенный инеем, в пору цветения сирени или осенью — «в багрец и золото одетый».

Красоту этих мест неоднократно воспевал Н. М. Языков. В одном из своих посланий поэт писал:

И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров...
И к речке, шепчущей под сумраком раkit,
И к зыбким берегам, где аист красноногий
Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад...³⁰⁹.

История имения такова. Основателем села считается «синбиренин» Василий Языков. В 1670 году он получил здесь около девяноста десятин поместной земли. Через сто с лишним лет, ко времени генерального межевания земель, это село принадлежало правнуку перволадельца и отцу поэта Михаилу Петровичу Языкову. Он имел уже около двадцати тысяч десятин земли³¹⁰, то есть обладал земельными богатствами в двести раз большими, чем его прадед.

Один из богатых помещиков Симбирской губернии, М. П. Языков бросил военную службу в самом ее начале и ушел в отставку в звании лейб-гвардии прапорщика. Он занялся благоустройством родового имения. В 1796 году началось строительство каменной церкви, иконы для которой заказали в Италии³¹¹. Позже возведен большой деревянный дом. Немало подневольного труда крепостных было вложено в создание в парке живописных прудов с островками и беседками. Одновременно с ними строились различные службы, цветочная оранжерея и т. п.

Улучшив свое родовое гнездо, Языков женился на дочери богатого симбирского помещика Екатерине Александровне Ермоловой.

После смерти М. П. Языкова в октябре 1819 года имение перешло к его младшему сыну — поэту Н. М. Языкову, который поселился в нем в марте 1833 года. С тех пор и до отъезда Николая Михайловича за границу на лечение (в мае 1838 года) этот уголок становится прибежищем поэзии. Здесь неоднократно бывали: поэт и партизан, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, поэт и переводчик Д. П. Ознобишин, поэт А. С. Хомяков, питомец В. А. Жуковского и собиратель народных песен П. В. Киреевский, редактор и издатель «Синбирского сборника» Д. А. Валуев и многие другие. В сентябре 1833 года, проездом в Оренбург и обратно, в Языкове дважды побывал А. С. Пушкин.

Николай Михайлович Языков провел в этом имении в общей сложности более семи лет.

Поэт «пушкинской плеяды», он родился в Симбирске, в доме своего деда А. Ф. Ермолова³¹², 4 марта 1803 года, а умер в Москве 26 декабря 1846 года.

Получив начальное образование дома, Николай Языков одиннадцатилетним мальчиком был определен в Петербургский Горный кадетский корпус. Через пять лет, не окончив курса, он перешел в Институт инженеров путей сообщения, но вскоре прекратил там занятия и вернулся в Симбирск. После этого он снова едет в Петербург с целью поступить в университет, но, передумав, весной 1823 года поступает в Дерптский университет на философский факультет, который покидает спустя семь лет «свободно бездипломным», посвятив себя полностью поэзии³¹³.

Один из выдающихся поэтов декабристского направления, Н. М. Языков обладал ярким, оригинальным поэтическим талантом, который получил признание Пушкина, Дельвига, Д. Давыдова, Баратынского и других великих современников. Ненависть к самодержавию, явно враждебное отношение к аракчеевщине и любым видам тирании и гнета вдохновляли Языкова в 1824—1826 годы на создание революционных произведений, призывающих к свободе и выражающих протест против господствующего строя. Острополитические и патристические стихотворения, песни, пейзажная лирика пережили своего творца и вошли в золотой фонд русской литературы.

Стихи Языкова привлекали к себе внимание дерзостью и молодой энергией. Так, в декабре 1825 года по

случаю вступления на престол Николая I поэт написал стихотворение, заканчивавшееся строчками:

Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина! ³¹⁴.

А через два месяца, в феврале 1826 года, Языков создал стихотворение «Вторая присяга»:

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, немного рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил Николая,
А прежняя присяга — вздор, —
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой харите поверяю... ³¹⁵

Сколько сарказма и язвительной иронии в этих стихах! И недаром первое из них было напечатано только в советское время, в 1948 году, а второе — в 1911 году, через шестьдесят пять лет после смерти автора.

На казнь декабристов Языков откликнулся революционными строками:

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей ³¹⁶

А. С. Пушкин высоко ценил поэтическое дарование Языкова, в письме к П. Вяземскому отзывался о нем: «Если уж завидовать, так вот кому я должен завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнет»³¹⁷. На протяжении десяти лет Пушкин не только искал встреч с Языковым, но и пытался приобщить его к сотрудничеству. Так, 14 июля 1828 года он писал Языкову: «К тебе собирался я давно... Стихов, ради бога стихов! Душа просит»³¹⁸. 14 апреля 1836 года Пушкин снова обращается к симбирянину: «...Вы получите мой «Современник»,

желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение... Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили «Современника». Опрысните его Вашими кипучими каплями...»³¹⁹.

10 сентября 1833 года, направляясь в Оренбург, Пушкин прибыл в Симбирск. На другой день, отклонившись от своего пути, он едет в село Языково, надеясь там встретить своего друга-поэта. Не застав его в имении, он знакомится с его старшим братом — Петром Михайловичем. 12 сентября 1833 года Пушкин в письме к своей жене рассказывал: «Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома... Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с ним вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него...»³²⁰.

29 сентября 1833 года, возвращаясь из поездки, Александр Сергеевич опять побывал в Языкове, где провел почти два дня и откуда выехал 30 сентября в Болдино. «Проезжая мимо Языкова, — писал он Н. Н. Пушкиной из Болдина, — я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда»³²¹.

Эта встреча, казалось бы, должна была скрепить союз поэтов. Но Языков уже начинал утрачивать ранее завоеванную славу свободолюбца, а в конце жизни он переходит в лагерь славянофилов. Талант его мелькает, он допускает грубые выпадки в адрес западников. Однако даже сам поэт не смог зачеркнуть сделанного им в 1820-е годы. Его лучшие произведения навсегда остались в истории русской литературы и общественной жизни.

Большую роль в истории русской культуры сыграла деятельность Н. М. Языкова по собиранию фольклора в Симбирской губернии. К этому он сумел привлечь братьев, сестер и других родственников и знакомых. В результате было записано около тысячи народных песен, вошедших потом в известное собрание П. В. Киреевского. Первое многотомное издание этого собрания начинается с песен, предоставленных Языковыми³²².

Дом, в котором жили Языковы и где останавливался Пушкин, в плане имел вид буквы «П». Его центральная часть была двухэтажной, в девять окон по фасаду.

Восточный и западный фасады имели портики с четырьмя колоннами тосканского ордера каждый. С боков к дому примыкали одноэтажные деревянные флигеля, в которых размещались прислуга и гости.

Это был типично барский дом, богато обставленный, с дорогой мебелью, скульптурами, картинами и большой библиотекой поэта³²³.

Комната, которую занимал во время своего приезда Пушкин, впоследствии называлась «Пушкинской». На оконном стекле этой комнаты великий поэт алмазным перстнем начертил свои инициалы в память пребывания здесь³²⁴.

Находясь у Языковых, Пушкин получил немало сведений о пугачевском восстании, которые нашли отражение в его работах на эту тему. Так, например, на вопрос Пушкина о влиянии восстания на крестьян села Языково Петр Михайлович Языков отвечал: «Как же они могли удержаться, когда прадед мой держал здесь такие порядки, что крестьяне до сих пор без содрогания вспомнить о них не могут. Бунтовали, да еще как! Успела лишь весть о самозванце коснуться, как мужики за топоры взялись и стали громить господский дом, сожгли и моего прадеда»³²⁵. Этим сожженным прадедом был отставной подполковник Василий Языков, упомянутый Пушкиным в «Истории Пугачева»³²⁶.

П. М. Языков на основе записанных им преданий поведал также Пушкину эпизод, происшедший в Симбирске, когда плененного Пугачева допрашивал граф Панин. На вопрос последнего: «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — Пугачев ответил: «Я не ворон... я вороненок, а ворон-то еще летает...». «Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч борода», — писал Пушкин³²⁷.

А вот что писал по этому поводу сам Панин в письме из Симбирска от 2 октября 1774 года: «Пугачев, на площади, скованный, перед всем народом велегласно признавался и каялся в своем злодеянии, и отведал тут от моей распалившейся крови на его произведенные злодеяния несколько моих пощечин»³²⁸.

Эти строчки письма свидетельствуют о правильности записанного Пушкиным со слов П. М. Языкова предания и показывают, насколько поэт был пунктуален в

сборе материалов по истории крестьянской войны.

После смерти Н. М. Языкова все имение перешло к его старшему брату Пётру Михайловичу, а в 1851 году — к сыну последнего В. П. Языкову, который в 1853 году построил в селе суконную фабрику. В 1877 году фабрика была продана симбирскому купцу Степанову, а в 1881 году и все имение, вместе с домом и его содержимым, стало собственностью этого купца³²⁹.

После революции в доме Языковых был размещен детский дом. Осенью 1922 года случился пожар, и дом сгорел. Сегодня лишь остатки фундамента говорят о том месте, где находилось здание.

В восточной части парка сохранились остатки церкви. Рядом с ней находилось родовое кладбище, на котором были захоронены родители поэта и другие члены семьи Языковых.

На северо-восток от бывшей церкви; на берегу пруда, стоит огромная, с раздвоенной вершиной, ель; по преданию, она была посажена Пушкиным.

Ежегодно в день рождения А. С. Пушкина начиная с 1969 года в Языковском парке проводятся музыкально-поэтические праздники. 3 июня 1973 года, в очередной Пушкинский день, здесь были торжественно открыты две мемориальные доски (одна на нижней, другая на верхней террасе) с одинаковым текстом:

«Здесь, в бывшем имении Н. М. Языкова, в сентябре 1833 г. был дважды А. С. Пушкин.

Здесь неоднократно бывал поэт и партизан
- Д. В. Давыдов».

Местная общественность по инициативе бывшей ткачихи Языковской суконной фабрики, старой коммунистки, кандидата медицинских наук Н. М. Демидовой организовала музей истории поселка Языково. Экспонаты музея рассказывают о развитии села, жизни крепостных и рабочих фабрики, участии языковцев в Отечественной войне 1812 года и в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, о трудовых свершениях коллектива текстильного комбината имени М. И. Калинина. Есть здесь материалы о пребывании в Языкове А. С. Пушкина, Д. Давыдова и других выдающихся литераторов и деятелей культуры. Музей помогает увидеть и понять прошлое, по достоинству оценить настоящее.

СОКРОВИЩЕ НЕОЦЕНИМОЕ

На протяжении двадцати с лишним лет в первой половине XIX века Симбирск являлся одним из центров большой работы по собиранию русского фольклора. Зачинателем этой работы был А. С. Пушкин. Он привлек к ней своих молодых друзей П. Киреевского и Н. Языкова. Увлеченные идеей великого поэта, они, в свою очередь, приобщили к этому других людей, и запись устного народного творчества развернулась в небывалых размерах.

В июле 1831 года Николай Языков из Москвы писал своему брату Александру в Симбирск: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляет мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымали почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли ты участвовать в сем деле, богоугодном и патристическом?»

А несколько позже, летом того же года, Н. Языков отмечал в одном из своих писем: «Я завлек брата Александра в верное предприятие собирать заодно со мною... русские песни: он уже начал сильно действовать — в

местах самых надежных, на берегах Волги, Камы, Белой и проч. Под Москвою я собрал нынешним летом около полсотни. Каково?»³³⁰

Но это были лишь первые шаги. Поэт не знал тогда, что собранное им и его братьями будет исчисляться потом без малого тысячью наименований.

Пушкин, убедившись в том, что дело записи фольклора попало в надежные руки и пошло успешно, в августе 1833 года, будучи в Москве проездом в Оренбург, передал Киреевскому все собранные им народные песни.

Собрание росло быстро. 14 октября 1833 года Киреевский писал Н. Языкову, что из тысячи собранных текстов, которыми он располагает, «500 (и самых лучших) прислано тобою»³³¹.

Возвратившись весной 1833 года в свое имение, Н. Языков привлек к работе по собиранию народных песен всех своих родных и знакомых. Через два года Языковы располагали уже большой коллекцией.

К концу 1830-х годов в собрании Киреевского насчитывалось более десяти тысяч эпических, исторических и бытовых песен. Значительная часть их была собрана Языковыми в Симбирской и Оренбургской губерниях. Крестьяне сел Языкова, Станичного, Усть-Урени, Головина, Репьевки, Сосновки и других представили собирателям огромное количество народных сказаний, былин, песен, так называемых «духовных стихов» и прочего фольклорного материала, среди которого было много бунтарских песен.

Старший-брат поэта — ученый-геолог, автор более тридцати научных работ по геологии Петр Михайлович Языков первым начал собирать песни крестьянских войн и восстаний. Именно ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачеве: «Судил тут граф Панин», «В том сударыня простила» и других.

Еще задолго до опубликования собрание Киреевского стало настолько значительным явлением не только литературной, но и общественно-научной жизни страны, что получило широкую известность и за пределами России. О нем знали в славянских странах Европы. В Германии им интересовались собиратели немецкого фольклора братья Гримм. Во Франции к собранию Киреевского большой интерес проявлял Проспер Мериме. В письмах к своим русским друзьям он

просил прислать ему кое-что из записанных народных песен. Собрание привлекло внимание и других писателей и ученых Европы.

Между тем грандиозное собрание устного народного творчества, равному которому тогда не было в мире, более двадцати лет не разрешалось к печати царской цензурой. Более того, собирательская деятельность самого Киреевского и его коллег преследовалась властями.

Киреевский и Н. Языков так и не дожили до опубликования своего собрания. А когда в 1848 году, в обход цензурных запретов, в одном из изданий Московского университета удалось опубликовать первый выпуск народных песен, то это издание было закрыто, а его редактор профессор О. М. Бодянский уволен из университета и выслан из Москвы³³².

Любопытно, что в предисловии к опубликованным песням Киреевский писал: «Богатые материалы, положившие основу моему собранию, получил я из Симбирской и Оренбургской губерний от Н. М. Языкова, П. М. Языкова, А. М. Языкова, Н. А. Языковой, Е. П. Языковой, П. М. Бестужевой, Ек. М. Хомяковой и Д. А. Валуева...»³³³. Далее следовало перечисление других фамилий, но Языковы указаны первыми.

Пять представителей одной семьи! А если разобратся — то и все восемь. Трое — братья Языковы во главе с поэтом. Далее следует Наталья Алексеевна Языкова, урожденная Наумова, — жена Александра Михайловича. За нею — Елизавета Петровна Языкова, урожденная Ивашева, — сестра декабриста и жена Петра Михайловича. Племянник братьев Языковых Дмитрий Александрович Валуев, указанный в перечне последним; Прасковья Михайловна Бестужева, урожденная Языкова, — средняя сестра поэта; и, наконец, — Екатерина Михайловна Хомякова, урожденная Языкова, младшая сестра Николая Михайловича и жена поэта А. С. Хомякова.

Вот этот языковский клан значительно пополнил собрание Киреевского, вложив в него около тысячи былин, песен, сказаний и т. п. Языковы обследовали десятки сел и деревень Симбирской, Уфимской и Оренбургской губерний в поисках певцов и сказителей, многократно слушая каждого из них и терпеливо записывая их песни и сказания³³⁴.

П. М. Языков в июле 1838 года в письме к брату-поэту, находившемуся на лечении за границей, писал: «В Головине я открыл богатейший родник песен и народных богатырских легенд и весь его еще не выработал, осталось неопрошенных несколько стариков. Я не буду тебе говорить о песнях. Записал я легенду богатырскую Добрыня Никитич в 200 стихов, в которой на пиру и Владимир и Илья Муромец; потом легенду Суворец Суздалец в 1000 стихов...»³³⁵ Далее следует перечисление других записанных произведений с десятками и сотнями стихов. В Головине, в бывшем имении Ивашевых, П. М. Языков записал и бунтарские песни, в том числе — песню о Пугачеве и графе Панине.

Конечно же, это была трудоемкая и кропотливая работа, требовавшая не только времени, но и любви, одержимости, беззаветной преданности. И это был подвиг во имя культуры.

Доктор филологических наук А. Д. Соймонов писал, что, «несмотря на идеалистический и романтический подход... Языковы правильно воспринимали фольклор как элемент национальной культуры, как «народную литературу», рассказывающую о жизни и историческом прошлом народа... Языковы собрали ценнейшие произведения народной поэзии. Эта «древность» звучала современно: она рассказывала о положении народных масс в условиях крепостного режима, выражая протест против рабства и произвола. В этом отношении материалы Языковых представляют особый интерес: ведь они были записаны в таких центрах крестьянского движения, как Оренбургская и Симбирская губернии. Эти произведения по своей идейной направленности были чужды и враждебны существующему строю и не могли получить официального признания.

И хотя Языков в 1840-е годы выступал против передовых кругов русской интеллигенции, его фольклористические занятия 1830-х годов носили прогрессивный характер»³³⁶.

Есть еще одно обстоятельство, закрепляющее приоритет Симбирска в деле собирания устного народного творчества. Осенью 1837 года П. В. Киреевский, вняв просьбе поэта, приехал в Языково и в Симбирск. Он увлекся обширным архивом Языковых и «засиделся» здесь до мая 1838 года. В результате была написана так называемая «Песенная прокламация», содержащая

призыв ко всем русским интеллигентам записывать и собирать русские народные песни. Она явилась первым документом в истории русской фольклористики, излагавшим научные принципы и четко сформулированные задачи, стоящие перед собирателями песенного народного творчества.

Эта «прокламация» — «О собирании русских народных песен и стихов», — написанная П. В. Киреевским и Н. М. Языковым, была опубликована в 15-м номере только что начавших тогда выходить «Симбирских губернских ведомостей» — за 14 апреля 1838 года. Заканчивалась она так: «Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя... Петра Михайловича Языкова».

Примечательно, что текст «Песенной прокламации» в октябре 1838 года был перепечатан в «Олонецких губернских ведомостях» с сохранением симбирского адреса, по которому следовало посылать собранные материалы³³⁷.

В сбор народных песен включились широкие круги симбирской и всей русской общественности. Отец поэта-сатирика Д. И. Минаев летом 1838 года передал П. М. Языкову несколько песен, привлечших его внимание.

Наш земляк поэт и переводчик Д. П. Ознобишин первым стал собирать народные песни чувашей и мордвы, не имевших еще тогда своей письменности, но обладавших богатым и интересным песенным творчеством. Позднее к этому подключился другой наш земляк — поэт Д. Н. Садовников.

Призыву Киреевского и Языкова последовали многие крупные русские писатели и поэты, общественные деятели. Среди них были Н. В. Гоголь, В. И. Даль, А. В. Кольцов, А. Ф. Писемский, П. И. Мельников-Печерский и многие другие.

Так начатое в Симбирске дело переросло в крупное литературно-общественное явление русской жизни XIX века.

МУЗА В СИМБИРСКЕ

В самом центре Ульяновска, в Карамзинском сквере, находится одно из лучших творений искусства эпохи классицизма — памятник известному русскому писателю и историку Николаю Михайловичу Карамзину.

Впервые мысль о сооружении этого памятника была высказана в домах просвещенных симбирских дворян Петра Михайловича и Александра Михайловича Языковых — старших братьев поэта Н. М. Языкова — и Ю. С. Хованского — зятя декабриста В. П. Ивашева³³⁸. Вскоре эта мысль стала достоянием всего симбирского общества, но мнения о характере памятника разделились. Одни считали, что он должен быть в виде монумента, другие представляли его себе в виде дома-памятника, который как учебное заведение постоянно функционировал бы и приносил практическую пользу обществу. Именно за такой вариант ратовал губернский предводитель дворянства М. П. Баратаев — известный ученый-нумизмат.

В первой половине 1830-х годов вопрос о создании памятника приобрел уже практический характер. Просьба симбирских дворян о разрешении сооружения памятника и о сборе средств для этого была удовлетворена правительством в начале 1833 года. В Симбирске был образован комитет по сооружению памятника, и победу одержали «монументалисты», то есть сторонники памятника-монумента, а не памятника-зданий. Комитет возглавил П. Н. Ивашев — отец декабриста.

Активное участие в работе комитета принял П. М. Языков.

Поэт Н. М. Языков в одном из писем к своему другу В. Д. Комовскому в апреле 1833 года писал: «...здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет, и дело идет живо»³³⁹.

8 июля 1833 года министр внутренних дел Д. Н. Блудов в своем письме к президенту Академии художеств А. Н. Оленину предлагал последнему организовать в Академии конкурс на проект памятника Карамзину. Такой конкурс был проведен в декабре того же года. В нем приняли участие девять членов совета Академии из пятнадцати, а именно профессора: А. И. Мельников, В. Н. Беретти, А. П. Брюллов, С. И. Гальберг, Б. М. Орловский, К. А. Тон, А. А. Тон, Х. Ф. Мейер и А. Е. Егоров.

Совет Академии рассмотрел девять предложенных проектов, из них три были одобрены для представления министру внутренних дел и Николаю I. Первый из этих трех проектов, автором которого являлся профессор архитектор А. Тон, был одобрен одиннадцатью голосами; проект академика Х. Мейера получил девять голосов и проект А. Брюллова — восемь³⁴⁰.

Представленные проекты не удовлетворили министра, и уже 31 января 1834 года Д. Н. Блудов в письме к А. Н. Оленину писал о возможности их пересмотра и доработки. Он же предложил темы барельефов на пьедестале памятника, которые впоследствии оказались точно реализованными. Например, о теме второго барельефа он писал: «...вторым ознаменованы последние дни его, когда он на смертном одре, окруженный семейством и друзьями... (и т. д. — А. Бл.). Предаю сии мысли на усмотрение Вашего Высокопревосходительства»³⁴¹.

В течение 1834 года Блудов трижды запрашивал Оленина о проектах памятника. Сохранились его письма по этому вопросу от 31 марта, от 31 мая и от 31 октября. Из писем видно, что министр проявлял особое беспокойство по поводу проекта не просто как официальное лицо, а как человек, лично заинтересованный в сооружении памятника. Этому были свои причины.

Д. Н. Блудов интересен как один из просвещеннейших людей своего времени, литератор и один из основателей «Арзамаса». Он был близким другом В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина. Когда последний скончался, Блудов остался верным другом его семьи. На свои средства он издал 12-й том «Истории Государства Российского» после смерти автора. И понятна особая заинтересованность министра в ускорении работ по сооружению памятника своему другу.

Оленин, в свою очередь, понуждал авторов трех проектов к доработке последних, но безуспешно. Об этом свидетельствует один из документов. Академик архитектуры А. Брюллов 3 марта 1835 года сообщал: «...дела на меня возложенные, произведение которых потребует несколько лет, я... заняться работами для памятника Карамзина не могу, в чем и подписуюсь...»³⁴²

Вероятно, и другие два автора проектов дали Оленину подобные подписки.

Любопытно, что в тот же день, 3 марта 1835 года, когда Брюллов отказался от продолжения работы над памятником Карамзину, академик скульптуры и профессор Академии С. А. Гальберг писал: «Вследствие сделанного мне Его Превосходительством — Господином Президентом Императорской Академии художеств предложения заняться сочинением статуй и барельефов для памятника Карамзину, сообразуясь по возможности с общим видом проекта господина профессора Александра Тона, сим честь имею объяснить, что такое Его Высочайшего Превосходительства приказание я готов, сколько то будет возможно по другим моим занятиям, исполнить в скорейшем времени.

Академик Самуил Гальберг»³⁴³.

В марте 1835 года вся дальнейшая работа по проектированию памятника Карамзину была передана С. И. Гальбергу.

Через полгода Гальберг докладывал: «...эскизы в глине статуи и барельефов для памятника Карамзину мною сочинены, и Его Высочайшего Превосходительства сам изволил их видеть. Теперь с них делают рисунки, которые по окончании предложатся на рассмотрение»³⁴⁴. А в августе 1836 года в объяснительной записке он описал весь свой проект. Таким образом, окончательный вари-

ант проекта памятника в Симбирске был подготовлен Гальбергом. Причем если первый проект Гальберга в декабре 1833 года был отвергнут, то в последней работе его ясно видно соавторство архитектора Александра Тона.

Кто такой Гальберг?

Самуил Иванович Гальберг родился в 1787 году в Эстонии, в небогатой шведской семье. Рано проявив способности к изобразительному искусству, он восьмилетним мальчиком был определен учеником в Академию художеств в Петербурге, где провел тринадцать лет и закончил свою учебу с большой золотой медалью. Это давало возможность отправиться за границу за казенный счет для усовершенствования. Но бесконечная цепь наполеоновских войн и большое напряжение политической обстановки в Европе надолго отложили выезд Гальберга за рубеж.

Только летом 1818 года он в обществе Сильвестра Щедрина и двух других выпускников Академии смог выехать за границу. Десять лет Гальберг провел в Риме, изучая памятники и культуру античности и творчество своих старших современников — знаменитых скульпторов Кановы и Торвальдсена.

Вскоре по возвращении в Петербург, в 1830 году, он получил звание академика, а в 1831 году — звание профессора Академии художеств.

С. И. Гальберг был учеником известного русского скульптора И. П. Мартоса и одним из самых высокообразованных в стране деятелей культуры³⁴⁵. Высокая начитанность и эрудиция прочно закрепили за ним прозвище «ходячий энциклопедический лексикон»³⁴⁶.

Крупнейшие художники того времени К. Брюллов, О. Кипренский, С. Щедрин, поэт В. А. Жуковский и многие другие лучшие представители русской интеллигенции были друзьями скульптора. По просьбе Жуковского Гальберг снял посмертную маску с А. С. Пушкина.

Гальберг принимал участие в создании памятника Минину и Пожарскому в Москве. Им выполнены статуя Еврипида на фасаде Публичной библиотеки в Петербурге и барельефы в церкви Академии художеств. В 1830 году он закончил работу над памятником Александру I в Грузино³⁴⁷, а позже по его проекту и моде-

ли был поставлен памятник на могиле С. Щедрина в Сорренто³⁴⁸.

Успешно закончив проект памятника Державину для Казани, Гальберг взялся за разработку проекта памятника Карамзину для Симбирска. Но, успев сделать только эскизы в глине и карандашные рисунки, он умер в мае 1839 года, и продолжение начатой им работы совет Академии поручил его ученикам: А. А. Иванову, П. А. Ставассеру, Н. А. Рамазанову и К. М. Климченко. Наблюдение и контроль за их деятельностью осуществлял известный русский скульптор профессор Академии художеств В. И. Демут-Малиновский.

Являясь представителем классицизма в русской скульптуре, Гальберг решил памятник Карамзину в строгом соответствии с канонами и традициями этого стиля, главенствовавшего тогда в русском искусстве. Стремление к достижению идеальной красоты, эталонами которой были произведения античного искусства, приводило художников классицизма к изображению русской действительности в формах и образах античности. Так был исполнен и симбирский памятник.

Его главным элементом является статуя музы Клио, стоящая на пьедестале из красного полированного гранита. Одна из девяти дочерей древнегреческого бога Зевса, Клио — покровительница истории — изображена со своими эмблематическими знаками. В левой руке она держит трубу, через которую может вещать потомству о событиях истории, а правой рукой возлагает скрижали истории на жертвенник бессмертия, делая их, таким образом, вечными. В данном случае, по замыслу автора, муза возлагает скрижали «Истории Государства Российского», созданной Карамзиным, подчеркивая тем самым значимость этого труда.

Но лишь такое решение памятника было бы слишком общим. Требовалось персонифицировать памятник, то есть сделать его именно карамзинским.

Для этого были использованы грани пьедестала. В передней грани Гальберг сделал круглую нишу, поместив в нее отлично выполненный, по отзывам современников, бюст Карамзина. На боковых гранях скульптор разместил два горельефа (а не барельефа, как предлагал Блудов), строго выдержав их тематику, предложенную Блудовым.

На горельефе с левой, северной, стороны памятника изображен значительный эпизод из биографии Карамзина, происшедший в марте 1811 года в Твери, во дворце великой княгини Екатерины Павловны — сестры императора, — где Карамзин в течение четырех дней читал фрагменты своей «Истории Государства Российского» Александру I и его сестре.

На горельефе с правой стороны историк показан на смертном одре в окружении своих близких. Стоящая перед ним Фортуна сыплет из рога изобилия монеты, которые становятся достоянием ребенка. Здесь в инсказательной форме отражен достоверный факт из последних дней жизни Карамзина, когда 13 мая 1826 года ему, тяжело больному, император пожаловал пятьдесят тысяч рублей на поездку в Италию на излечение, для чего было приказано снарядить один из кораблей военноморского флота. Но историк умер через девять дней после этого, 22 мая 1826 года, и деньги были обращены в ежегодную пенсию его семейству, детям. Карамзин изображен на горельефе с останавливающим жестом, направленным к Фортуне и словно говорящим, что все ее дары запоздали и умирающий не может воспользоваться ими.

По эскизам и рисункам Гальберга Иванов, Ставассер, Рамазанов и Климченко выполнили модель памятника (гипс, дерево, 1835—1840 гг., Ленинград, Русский музей), а затем и сами скульптурные детали памятника в глине.

Статуя музы Клио изготовлена Ивановым и Ставассером. Горельеф «Карамзин, читающий историю» выполнил Рамазанов, а другой горельеф — Климченко. Бюст историка выполнен совместно Рамазановым и Климченко. Пьедестал и бронзовые детали памятника сделаны в Петербурге. Отливка в бронзе производилась в литейных мастерских Академии художеств под наблюдением заведовавшего этими мастерскими П. К. Клодта — известного скульптора своего времени. Все работы по отливке и отделке литья были закончены 12 марта 1843 года³⁴⁹.

Совет Академии художеств определил, что Иванов, Ставассер, Рамазанов и Климченко успешно воплотили проект своего учителя.

Н. Рамазанов в написанной им биографии Ставас-

сера замечал: «Некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина. Впрочем, это предпочтение Клио, надо полагать, было сделано по какому-нибудь постороннему настоянию; доказательством тому служат два прекрасных глиняных эскиза статуй Карамзина, сделанных рукою Гальберга и составляющих теперь собственность пишущего эти строки»³⁵⁰.

Рамазанов только догадывался, а впоследствии его догадка относительно «постороннего настояния» подтвердилась. Сохранившиеся документы говорят о том, что 10 августа 1836 года Гальберг представил руководству Академии художеств объяснительную записку к двум подготовленным им проектам памятника Карамзину.

Один из них, под литерой «А», — ныне осуществленный проект.

«Другой проект (рисунок «В») представляет статую самого Автора. Карамзин стоит оперши скрижали своей истории на колонну — эмблему несокрушимости. Те же барельефы могут быть помещены на боковых фасадах пьедестала»³⁵¹.

Но второй вариант памятника, как теперь известно, не был принят.

Летом 1843 года статуя Клио была доставлена в Симбирск водным путем, где под горой, на берегу Волги, она лежала, пока из Петербурга не прибыли пьедестал и другие части памятника³⁵².

А задолго до этого решался вопрос, где поставить памятник Карамзину. Любопытно донесение Блудова Николаю I от 4 ноября 1836 года. Блудов писал: «...сначала полагалось поставить сей памятник на близком к берегу Волги месте, которое именуется Венцом. Но Симбирский комитет нашел, что по обширности сего места монумент там поставленный не будет производить надлежащего действия, и потому полагает, что лучше для сего избрать площадь гостиного двора, окруженную красивыми зданиями и лежащую в части города, наиболее посещаемой жителями; я с своей стороны смею думать, что было бы еще приличнее и сей площади предпochсть ту, которая... будет образована в самом центре Симбирска между домом Губернатора, гимназиею и оградой женского монастыря и от которой идет

предполагаемая к расширению улица к площади гостиного двора...»³⁵³

Конечно, памятник, установленный на Венце, потерялся бы в его огромном пространстве, и соображения Симбирского комитета в этом отношении были очень справедливы. Как показало время, третий вариант «привязки» памятника, предложенный Блудовым и на котором в конце концов остановились, явился наиболее удачным.

Тогда, в 1836 году, место, где ныне расположен памятник, представляло собой застроенный обывательскими домами квартал. Но к 1845 году квартал был снесен, а вместо него образована площадь, которая с востока ограничивалась домом («дворцом») губернатора, с юга — зданием гимназии, а с запада — высокой кирпичной стеной женского монастыря (дом губернатора не сохранился, а на месте монастыря ныне здание Дворца культуры профсоюзов).

Памятник был поставлен на вновь образованной площади по оси бывшей Дворцовой улицы (ныне ул. К. Маркса). 23 августа 1845 года состоялось его торжественное открытие в присутствии академика М. П. Погодина и Андрея и Александра Карамзиных — сыновей историка, специально прибывших на это торжество. Известный поэт и переводчик Д. П. Ознобишин прочитал свой стихотворный панегирик Карамзину. Поэт Н. М. Языков, узнав об открытии памятника, написал большое стихотворение «Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»³⁵⁴.

С тех пор площадь, где установлен памятник, стала называться Карамзинской, а в 1865 году она была превращена в сквер, который и ныне называется Карамзинским.

Под нишей на пьедестале накладными позолоченными буквами нанесена надпись: «Н. М. Карамзину историку Российского государства повелением императора Николая I 1844 г.». Что касается «повеления императора», то это — преувеличенная дань времени. Как известно, участие императора ограничилось лишь разрешением на сооружение памятника; инициатива же создания последнего и сбора средств принадлежала тогдашней общественности. В числе жертвователей средств на этот памятник были: А. С. Пушкин, И. А. Кры-

лов, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, Н. В. Гоголь, Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский и многие другие³⁵⁵.

В 1854 году памятник был обнесен металлической оградой, сооруженной на средства вдовы Андрея Карамзина — Авроры, урожденной Шернваль, по первому браку — Демидовой. В 1870 году и вокруг самого сквера была установлена ограда. К 80-м годам прошлого века Карамзинский сквер стал одним из любимых мест отдыха горожан. Сюда часто приходили и гимназисты располагавшейся рядом классической гимназии, в том числе Александр и Владимир Ульяновы. Любили здесь бывать Анна и Ольга Ульяновы с подругами.

В начале 1930-х годов памятник пережил тяжелое время, когда он был предназначен к сносу. В тот же период был утрачен памятник Державину в Казани. В Ульяновске в защиту монумента встал известный тогда всему городу гражданский инженер и архитектор Феофан Евтихеевич Вольсов — автор проектов многих зданий города. Стараниями Вольсова и его друзей памятник Карамзину был сохранен, и, таким образом, Ульяновск сегодня имеет одно из прекрасных творений эпохи классицизма, являющихся украшением и художественной реликвией города.

В наши дни Карамзинский сквер, или «Сиреневый садик», — не только место отдыха горожан, но и место паломничества многочисленных туристов и экскурсантов, которых здесь проходит до миллиона в год.

КУЧЕР И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ

Мало ли было на свете кучеров, в том числе царских, но кто и что о них знает? А вот кучер Илья Байков — наш земляк, бывший крепостной из села Загудаевка Симбирского уезда³⁵⁶, вошел в русскую литературу с легкой руки А. И. Герцена.

Александр I, писал автор «Былого и дум», в отличие от своего отца Павла I мало прибегал к политическим гонениям. Он только сослал Пушкина на юг да Лабзина — в Симбирск...³⁵⁷

В сентябре 1822 года на одном из заседаний совета Академии художеств ее президент А. Н. Оленин предложил избрать в почетные члены Академии трех графов: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. Такое предложение вызвало недоумение и растерянность со стороны членов совета.

Наступившая пауза в ходе заседания была нарушена вице-президентом Академии А. Ф. Лабзиным, который спросил Оленина, чем эти графы зарекомендовали себя в области изящных искусств и за какие прегрешения господин президент хочет покарать Академию введением в ее состав этих господ? Тогда уже Оленин оказался в растерянности, а маститые профессора — члены совета — с облегчением вздохнули. Президент ответил, что все трое очень близки к особе императора. В ответ на это остряк Лабзин заявил, что в таком случае он предлагает избрать почетным членом Академии царского кучера Илью Байкова, так как тот не только близок к государю, но даже сидит к нему спиной.

Бесцеремонность и дерзость Лабзина создали скандальное положение. Сохранить в тайне и замять данный случай не удалось. В петербургских салонах эта история рассказывалась и пересказывалась, и вскоре она стала достоянием «высших сфер», вызвав недовольство императора. По его повелению Лабзин был отрешен от своей должности в Академии художеств, освобожден от обязанностей непереманного члена Государственного Адмиралтейства и в спешном порядке, несмотря на болезнь жены, вместе с ней в ноябре 1822 года отправлен в ссылку в город Сэнгилей Симбирской губернии.

Таким образом, Лабзин, не имевший своих имений, оказался на родине Ильи Байкова, которому пытался оказать «протекцию».

Личность Лабзина представляет определенный интерес.

Александр Федорович Лабзин (1766—1825) не имел ни родовитых связей, ни богатств. По окончании Московского университета он попал под влияние масонов, на протяжении многих лет был близким человеком к известному русскому просветителю Н. И. Новикову и, не будучи с ним в родственных связях, звался его «племянником»³⁵⁸.

Лабзин много занимался литературой и переводческой деятельностью. В частности, он первый перевел на русский язык «Женитьбу Фигаро» Бомарше³⁵⁹.

В 1789 году он переехал из Москвы в Петербург, где быстро сделал карьеру. Через десять лет Лабзин был уже чиновником Коллегии иностранных дел и одновременно конференц-секретарем Академии художеств. В 1804—1805 годах он занимал высокий пост директора департамента министерства морских сил, а затем стал непереманным членом Адмиралтейства и одновременно вице-президентом Академии художеств³⁶⁰. Ему были присвоены звание академика и генеральский чин действительного статского советника.

А. Ф. Лабзин был знатоком живописи, помогал и покровительствовал художникам, в частности, оказал значительную помощь знаменитому портретисту Левицкому, когда тот на склоне своих лет оказался в затруднительных обстоятельствах. Он поддерживал художников материально, изыскивая для них заказы, и сам давал им заказные работы. Известный художник

Боровиковский сделал с Лабзина два портрета, а скульптор Прокофьев выполнил его бюст³⁶¹.

Лабзин организовывал в Академии художеств любительские спектакли, привлекая к участию в них учеников Академии, и был их режиссером. К нему тянулись люди, он становился их наставником и советником³⁶².

Он обладал большой эрудицией, независимым характером и в последние годы своей благополучной жизни был оппозиционно настроен к «власть предержащим». Об этом свидетельствует и факт распространения Лабзиным злой эпиграммы на Александра I, слова которой приписывались Пушкину:

Православный государь!
Наших бед виновник.
Полно, братцы!.. Он не царь —
Много что полковник³⁶³.

Издававшийся Лабзиным «Сионский вестник» — журнал религиозно-мистического содержания — был закрыт правительством. А. И. Герцен писал по этому поводу: «Сионский вестник», вчера рекомендованный всем отцам семейства, запрещен больше Вольтера и Дидро...»³⁶⁴.

Итак, в ноябре 1822 года «волею судеб» Лабзин оказался в захолустном Сэнгилее. Через несколько месяцев ему было разрешено проживать в Симбирске, где Лабзины поселились в самом центре города, на Московской улице, в доме Назарьева³⁶⁵.

Здесь Александр Федорович установил близкое знакомство с несколькими семействами, в том числе был тепло принят Ивашевыми.

Летом 1824 года муж и жена Лабзины были гостями в Ундорах, где испытали на себе целебные качества ундоровских источников, и Лабзин оставил свое письменное свидетельство об этом³⁶⁶.

В январе 1825 года Лабзин умер и был похоронен на Покровском кладбище Симбирска³⁶⁷.

Ссылка Лабзина наглядно свидетельствует, как охранялись устои самодержавия в России. Достаточно было сделать намек на сомнительность авторитета «столпов» самодержавной власти, чтобы потерять все, что было приобретено трудами целой жизни.

ДОМ В ПРОЛОМИХЕ

В тридцати шести километрах севернее железнодорожной станции Инза, близ села Проломиха, в живописной местности у излучины реки Талы стоит старый двухэтажный каменный дом. Это один из исторических памятников Поволжья.

Достопримечательность этого дома и этого места в том, что здесь с апреля 1850 и по июль 1855 года жил поэт, публицист и революционный демократ Николай Платонович Огарев.

Пламенный патриот и энциклопедически образованный человек, он воплощал в себе самые разнообразные качества. Он был поэтом, музыкантом, композитором, публицистом, философом-материалистом. Огарев — один из инициаторов создания знаменитого «Колокола» и один из организаторов революционного общества «Земля и воля».

Николай Платонович Огарев родился 6 декабря 1813 года в Петербурге в богатой дворянской семье, где получил хорошее домашнее образование. Будучи студентом Московского университета, он вместе с Герценом организовал кружок, пропагандировавший революционные и социалистические идеи, за что в июле 1834 года был арестован, подвергнут заключению, а затем выслан в Пензенскую губернию.

Через шестнадцать лет, 24 февраля 1850 года, находясь в Симбирске, он был арестован вторично «за принадлежность к коммунистической секте» и отправлен

в Петербург, где находился в заключении в жандармском управлении до середины марта ³⁶⁸.

А в конце 1860 года, будучи уже в эмиграции, «по высочайшему повелению» Огарев был лишен всех прав состояния и навечно изгнан из России. Скончался он 23 июня 1877 года в Гринвиче, близ Лондона.

Но прошло восемьдесят девять лет, и 1 марта 1966 года в Шереметьевском аэропорту столицы приземлился самолет, прибывший из Лондона. В присутствии общественности с борта самолета была торжественно снята урна с прахом Огарева. На другой день она с почестями была предана родной земле на Новодевичьем кладбище Москвы. Так по решению Советского правительства было прервано «вечное» изгнание великого сына земли Русской.

Сам по себе этот факт является одним из редких и подчеркивает значение Огарева в истории нашей страны.

В одном из своих писем в декабре 1863 года Огарев писал: «...если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты, потому... что ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством» ³⁶⁹. Эта фраза достаточно ярко характеризует и умонастроение автора, и его бунтарскую натуру.

В самом начале 1860 года он разработал план вооруженного восстания в России; его он представлял как «военно-народное», или «повсюдное восстание», элементы организованности в которое должна была внести революционная армия. (Примечательно, что в списке руководящих лиц военно-революционной организации, составленном Огаревым, фигурировал поручик Константин Игнатьевич Крупский — отец Надежды Константиновны Крупской ³⁷⁰.)

Совместно с Герценом Огарев комплектовал и редактировал номера «Колокола», руководил и направлял деятельность общества «Земля и воля», доставал деньги на помощь заключенным в царских застенках П. А. Мартьянову, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Серно-Соловьевичу и другим ³⁷¹, писал воззвания и листовки, организовывал их печатание и переправку в Россию. Установлено, что рукой Огарева написано до ста пятидесяти прокламаций, призывавших русских людей «к топору», то есть к восстанию против царизма.

В Проломиху Огарев впервые попал осенью 1847 года с целью осмотра и покупки Тальской писчебумажной фабрики. Это было одно из старейших предприятий в Симбирской губернии. Фабрика возникла в 1720-х годах³⁷² и неоднократно переходила из рук в руки. Ко времени его покупки Огаревым предприятие находилось в тяжелом положении. Жестокая эксплуатация крепостных, нечеловеческие условия их существования и непосильный труд периодически приводили к возмущениям и волнениям. Но волнения подавлялись кровавыми телесными наказаниями, ссылками на каторгу. Так, в январе 1846 года на фабрике вспыхнул очередной бунт крестьян, который был жестоко подавлен³⁷³.

Однако это не остановило Огарева в его намерениях, и 19 января 1848 года в Симбирске, в здании окружного суда³⁷⁴, была оформлена купчая на покупку фабрики вместе с 252 душами крепостных мужского пола³⁷⁵.

...Это было солидное по тем временам предприятие с паровым и водяным приводами, с четырьмя каменными двухэтажными производственными корпусами в шестнадцать сажен длиной и четыре сажени шириной каждый и другими производственными и подсобными зданиями.

Близ фабрики, юго-восточнее ее, находился «дом господский каменный, двухэтажный, с мезонином, на сводах, крыт тесом, длиной двенадцати и шириной шесть сажен. В нем жилых комнат шестнадцать, окон сорок четыре, печей десять...»³⁷⁶. Южнее дома располагался фабричный поселок, где жили крепостные, так называемые «посессионные» крестьяне. Часть этого поселка, сохранилась до наших дней.

Увлеченный идеями утопического социализма, Огарев задумал переустроить жизнь и быт фабричных крестьян. Он начал с нововведений: изменил порядок и характер обложения крепостных, от чего выигрывали беднейшие; оказывал материальную помощь беднякам бесплатной выдачей помольной муки с мельницы; организовал больницу при фабрике и возглавил лечение крестьян, предварительно изучив медицину; запретил телесные наказания³⁷⁷.

Все это вызвало к Огареву глубокое уважение со стороны крестьян и настороженно-враждебное отношение окружающих помещиков. Последнему сопутствова-

ли, как писал П. В. Анненков, «страх правительства перед революцией, террор внутри, предводимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ... Терроризация достигла и провинции. Города и веси сами указывают, кого хватать из так называемых либералов; доносы развиваются до сумасшествия...»³⁷⁸.

По одному из таких доносов Огарев был арестован в феврале 1850 года. По возвращении из заключения, в апреле того же года, он поселился на Тальской фабрике, в доме, который сохранился до нашего времени.

За время своего существования здание неоднократно ремонтировалось, но в основном сохранило старый облик. Сводчатые потолки, толщина стен, большемерный кирпич, из которого сложен дом, архитектурные особенности говорят о его солидном «возрасте». По всей вероятности, он построен в конце XVII века. Такое предположение подтверждается документальной записью о том, что к середине XIX века дом уже «ветшал и требовал поправки»³⁷⁹.

Издали дом кажется небольшим, потому что за ним, на другом берегу реки, круто поднимается огромная гора, поросшая сосновым лесом. Ее громада подавляет все вокруг. Но стоит подойти ближе, как впечатление меняется; здание довольно внушительное, на каждой стороне по восемнадцать окон — девять внизу и девять во втором этаже. В середине каждого фасада возвышается мезонин. С юго-восточной стороны — балкон, с северо-западной — застекленная веранда.

Внутри дома широкая деревянная лестница ведет на второй этаж. Одна комната, другая, большой зал с аркой... Когда-то здесь звучали рояль и гитара Огарева. В одной из этих комнат был его кабинет с библиотекой. В те годы здесь была хозяйкой Н. А. Тучкова-Огарева, сыгравшая впоследствии печально-роковую роль как в жизни Огарева, так и в жизни Герцена³⁸⁰.

В мезонине друг против друга расположены две небольшие комнаты. Из окон каждой из них открываются живописные панорамы местности.

В стенах этого дома Огарев создал ряд своих поэтических и музыкальных произведений: поэму «Зимний путь», романс на слова М. Ю. Лермонтова «Тучки небесные» и др. Здесь им написано либретто к опере В. Н. Кашперова «Цыгане». «Симфоническая и квар-

тетная музыка были его страстью, хотя для итальянских, русских и немецких мелодий он держал неотлучно при себе гитару и фортепьяно... Все это происходило в пылу обширного, громадного чтения, какое только можно себе представить. Любопытство и жажда расширить круг своих познаний... достигали поразительных размеров»³⁸¹. Так писал П. В. Анненков, близко знавший Огарева. Далее автор воспоминаний продолжает: «...а однажды он пришел в негодование: «Я на вас сердит; зачем не прислали книг, которых спрашивал, а именно: Курс анатомии... Я учусь систематически: энциклопедическое знание, с особенной (моей) точки зрения рассматриваемое, — вот моя цель!»»³⁸²

В письме к С. И. Астракову летом 1854 года Огарев писал: «Перечел пропасть разных книг и написал пропасть разных виршей»³⁸³.

Находясь в Проломие, Николай Платонович пристально следил за общественной и литературной жизнью страны, регулярно получая «Современник», другие журналы и отдельные издания. Здесь он прочитал работу П. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина», «Отрочество» Л. Толстого, посмертную публикацию стихотворений Баратынского и многое другое³⁸⁴.

Судя изредка нелегально, с оказией приходили письма Герцена из Лондона, и так же через редкие оканзии Огарев отвечал другу, постепенно сознавая необходимость «при первой возможности уехать из России»³⁸⁵.

Занимаясь делами фабрики, он часто разъезжал по губернии, то в Симбирск, то в уездные города. В ноябре 1852 года Огарев писал Анненкову: «Дела мои идут благополучно. Сейчас еду в Алатырь»³⁸⁶.

Постепенно объем работы возрастал. В декабре того же года тому же адресату он сообщал: «...мне, право, некогда. Надо заказывать машины в Бельгии; надо ознакомиться с важнейшими иностранными конторами, чтоб иметь право на скупку и вывоз за границу туземных товаров...»³⁸⁷.

Но очень скоро происходит перелом в его настроении и во взглядах. То, что недавно увлекало и представляло интерес, становится тягостным и скучным. В феврале 1854 года Огарев жаловался Анненкову: «Давно собираюсь к вам написать, Анненков, да так

много дел, что просто жизнь в тягость. И нет, не лежит сердце к индустрии ради барыша. Становится невыносимо скучно...»³⁸⁸.

Огарев убедился в бесплодности своих социально-утопических экспериментов, а жизнь и работа ради коммерции его не устраивали. Более того — он оказался на пороге финансового краха и полного разорения. Прошло шесть лет после приобретения фабрики, а он сумел заплатить за нее лишь половину стоимости. За это время ради реконструкции предприятия он наделал немало долгов. Фабрика подлежала описи за их неплату.

3 июня 1855 года Огарев писал Анненкову: «...я тружусь все с одинаковой бесплодною скукой на фабрике. Дошло дело было до совершенного разорения, то есть описи... и я как-то помолодел, предвидя, что скоро можно перестать быть индустриалом-мучеником. Но теперь — увьи! — опять дела поправляются...»³⁸⁹.

Но дела поправились ненадолго. В ночь на 15 июня 1855 года случился пожар, и фабрика полностью сгорела. «Благодарю вас за письмо, Анненков. Но мне все невзгода. 15-го июня фабрика сгорела, то есть, кроме дома и села. Тысяч на 100 серебром убытку...»³⁹⁰.

Так перестала существовать Тальская писчебумажная фабрика, и так Огарев окончательно разорился.

Ныне на месте фабрики — остатки фундаментов бывших фабричных сооружений. Нет ни плотины, ни большого фабричного пруда, ни водяной мельницы.

На стене сохранившегося дома — мраморная мемориальная доска с текстом:

«Здесь в 1850—1855 гг. жил поэт
и революционный демократ
Николай Платонович Огарев».

С 1973 года у стен этого дома по инициативе Общества охраны памятников общественность Инзы ежегодно проводит дни Н. П. Огарева.

Мемориальный дом ценен для нас в том отношении, что именно в его стенах произошло крушение утопических иллюзий и либерально-демократических убеждений Огарева и наметился его переход к революционно-демократическим позициям, что нашло свое окончательное завершение уже в Лондоне, в первые годы его эмиграции.

В стенах этого дома бывали: известный литератор П. В. Анненков, привлекавшийся по делу декабристов А. А. Тучков, композитор В. Н. Кашперов, брат известного драматурга М. Н. Островский, поэт Н. М. Сатин и другие. Это был один из центров усадебной культуры.

В июле 1855 года Огарев покинул свою усадьбу, уехав в Старое Акшено к поэту Сатину, а затем в Петербург. Дом переходил от одного владельца к другому. В 1920-х годах он был национализирован.

В начале 1856 года, когда Огарев был уже в Петербурге, добываясь разрешения на выезд за границу, карсунские и симбирские власти начали его розыск для привлечения к ответственности. Поводом явилось дело «о возмущении крестьян», в котором пытались его обвинить. Это было связано с неповиновением властям крестьянина Тальской фабрики Григория Салыгина, его сына Гаврилы и дочери Секлитиньи. Гаврилу Салыгина Огарев освободил от рекрутского набора, но, несмотря на это, того хотели забрать в армию. Это и стало предлогом неповиновения³⁹¹.

На запрос Карсунского земского суда от 28 января 1856 года Московская управа благочиния отвечала: «...помещика г. Николая Платоновича Огарева по розыску полиции на жительство в Москве не оказалось»³⁹².

27 апреля 1856 года полиция допросила бурмистра Тальской фабрики Евдокимова, который показал: «Помещик мой г. Огарев до декабря 1855 года проживал в Инсарском селе Долгоруково-Яхонтово тож у тестя своего помещика Алексея Алексеевича Тучкова, но где проживает в настоящее время, мне неизвестно»³⁹³.

25 октября 1856 года на запрос симбирского начальства Инсарский земский суд прислал ответ А. А. Тучкова, который сообщал, что «г-н Огарев в настоящее время уехал за границу, но где именно теперь находится... неизвестно»³⁹⁴.

Но розыск оказался запоздавшим. В марте 1856 года Огарев выехал за границу под предлогом необходимости лечения в Италии, а в действительности он отправился в Лондон к Герцену.

* * *

Жизнь в Проломиех сблизила Огарева с Симбирском. Он систематически бывал в этом городе, где у него сложился круг друзей и знакомых. Одним из таких знакомых был известный критик и литератор симбирянин П. В. Анненков. В письме к нему от 23 ноября 1852 года Огарев писал: «Анненков!.. Благодарю Вас за наше знакомство. Я Вас люблю, Анненков. Веселитесь!..»³⁹⁵.

По всей вероятности, это знакомство состоялось в один из приездов Анненкова в Симбирск. А через год, 6 ноября 1853 года, Огарев интересуется: «Любезный Анненков! Бог Вас знает, где вы и что вы, а узнать бы хотелось! Что вы в наши края не едете? и не пишете? Мы оба вас ждем с нетерпением... Оба мы искренне жмем вам руки. Ваш Огарев»³⁹⁶. Характер письма говорит о том, что Анненков знал и самого Николая Платоновича, и его супругу. «Мы оба вас ждем... Оба... жмем вам руки» — так можно писать человеку, уже хорошо знакомому обоим.

Мы останавливаемся на этом знакомстве потому, что Анненков оставил очень теплые и яркие воспоминания об Огареве как о человеке незаурядном, выдающемся. Говоря о среде, в которой вынужденно находился Огарев, Анненков писал: «...посреди всего этого угара, всех этих излишеств, легкомысленного поведения и более чем праздного, гибельного образа жизни он стоял, по признанию всех современников его, в удивительном свете и распространял вокруг себя обаяние, от которого никакой порядочный человек защититься не мог... Между прочим, он имел неоспоримое и очень сильное влияние на Герцена»³⁹⁷.

Постоянно путешествуя, бывая и в Париже, и в Лондоне, Анненков хорошо знал и Герцена, видел обоих друзей и в жизни, и в работе.

Другим знакомым Огарева в Симбирске был М. Н. Островский, брат драматурга. Он окончил Московский университет и в качестве чиновника особых поручений приехал в Симбирск вместе со вновь назначенным губернатором.

Островский ввел Огарева в дом А. Н. Татаринова — двоюродного племянника братьев Тургеневых. Татарinov тогда организовывал литературные вечера, на ко-

торые Огарев иногда заглядывал вместе с Островским³⁹⁸.

Дочь Татаринова, впоследствии вышедшая замуж за младшего брата драматурга Островского, — Наталья Александровна Островская — писала в воспоминаниях о времени, когда она была еще девочкой: «Раз узнала я, что будет у нас обедать тот самый Огарев, что сочинил «Старый дом», который нас заставляли долбить. Я ждала его с нетерпением — любопытно посмотреть на сочинителя. Какой он!

Совсем на писателя не похож, думала я, рассматривая его. Такой неуклюжий, неповоротливый и смотрит исподлобья. И как он тянет слова... Огареву был тогда запрещен выезд из Симбирской губернии. Он жил в деревне и приезжал иногда в Симбирск»³⁹⁹.

Здесь, в доме Татариновых⁴⁰⁰, Огарев познакомился с молодыми чиновниками губернского правления В. Н. Кашперовым и П. М. Грибовским. Не питая симпатий к царской администрации, Огарев так повлиял на своих новых друзей, что и тот и другой оставили свою службу у губернатора.

Представляет интерес оппозиционность кружка симбирян к политике и к самой личности Николая I.

Островская в своих «Воспоминаниях» писала: «Мы знали, что он (Николай I) нехороший, что с тех пор, как он царствует, из-за него все не так делается, что он всем все запрещает, всех ссылает да в тюрьму сажает»⁴⁰¹. Далее Наталья Александровна рассказала, как еще при жизни Николая I на одном из новогодних вечеров в кружке В. Н. Кашперова и П. М. Грибовского «песни пели и разные тосты провозглашали. Пили же на смерть какого-то немца Карла Ивановича и кричали во все горло»⁴⁰².

А через несколько дней она узнала, что Карлом Ивановичем иносказательно называли Николая I. Вскоре в Симбирске было получено известие о его смерти, встреченное многими со вздохом облегчения. Впоследствии Грибовский рассказал, а мемуаристка записала, что между ним и Огаревым «произошла сценка, которую можно назвать торжественной». На другой день по получении известия о смерти императора, говорил Грибовский, ему с утра не сиделось на месте. «...Наконец я не выдержал, побежал к А. Н. Татаринову, — ему приносили почту раньше, чем нам. Прихожу к нему, он —

первое слово: «Правда — вот официальное известие». Я этот номер у него взял и побежал домой. Дома... Огарев сидел в углу и выжидал... Его тоже нетерпение подмывало... Я молча показал ему на черный ободок газеты, и мы молча обнялись»⁴⁰³.

Радость симбирян была естественной, ибо «это была одна из тех смертей, которые расширяют простор жизни»⁴⁰⁴.

Влияние Огарева на симбирский круг друзей и знакомых несомненно. Но особенно сильно сказалось его влияние на Петра Алексеевича Мартыанова, сына крепостного крестьянина из села Белый Ключ Промзинской волости Алатырского уезда Симбирской губернии⁴⁰⁵. Познакомившись с Огаревым в проломихинский период его жизни, Мартыанов впоследствии стал корреспондентом «Колокола», сумел попасть в Лондон, где некоторое время жил у Герцена и Огарева. В мае 1859 года в «Колоколе» было напечатано его открытое «Письмо Александру II», в котором Мартыанов призывал императора «даровать свободу народу» и собрать земскую думу — некое подобие парламента. В 1862 году в Лондоне вышла его брошюра «Народ и государство». При возвращении в Россию, весной 1863 года, он был арестован на границе, осужден на пять лет каторжных работ и в сентябре 1865 года умер в Иркутской тюрьме⁴⁰⁶.

Огарев, озабоченный изысканием денег на помощь томящимся в царских застенках, писал в частном письме от 31 декабря 1863 года: «Вспомните: Мартыанов, Чернышевский, Серно-Соловьевич и др. — все идут на каторгу... Мысль об этих людях меня преследует. Первого из них я коротко знал и глубоко любил»⁴⁰⁷.

Находясь в эмиграции, Огарев не переставал влиять на формирование передовой общественной атмосферы в Симбирске. «Колокол» и другие бесцензурные издания Герцена и Огарева попадали в город на Волге и находили горячих сторонников, приверженцев освободительных идей, число которых все множилось.

СИМБИРСКИЙ ПРИЯТЕЛЬ ОГАРЕВА

В конце 40-х годов в Симбирске в доме А. Н. Татаринова на одном из литературных вечеров Н. П. Огарев познакомился с В. Н. Кашперовым.

Несмотря на разницу лет, Огарев сошелся с Кашперовым особенно близко. Это, естественно, рождает интерес к личности молодого друга поэта-революционера.

Владимир Никитович Кашперов родился в 1826 году в имении Чуфарово, в семье симбирского помещика⁴⁰⁸. Под влиянием Татаринова он поступил на службу чиновником особых поручений при симбирском губернаторе. Служба его не очень обременяла, и свободное время он делил между своим увлечением музыкой и светским общением.

Дочь Татаринова Наталья Александровна Островская писала в своих «Воспоминаниях» о дружбе В. Н. Кашперова с Огаревым: «Кашперов всех больше сошелся с ним. Со свойственным ему энтузиазмом он восхищался им, чуть не божился Николаем Платоновичем, ездил к нему в деревню, восторгался его стихами, уверовал всему, чему тот верил, и все уши прожужжал о своем новом пророке. Огарев тоже полюбил его.

Помню я рассказы Кашперова о том, как Николай Платонович влюблен в соседку, как он с ней видится где-то в лесу. На этой соседке после смерти первой жены он женился. Помню еще... как Кашперов перекладывал его стихи на музыку»⁴⁰⁹.

Общность музыкальных интересов и послужила фундаментом тесной дружбы Огарева и Кашперова. Огарев интересовался сочинениями своего друга и, в свою очередь, сам знакомил его со своими музыкальными опытами. Они часто встречались то в Симбирске, то в Проломие, а впоследствии, разъехавшись, долго переписывались друг с другом. Кашперов написал несколько романсов на слова Огарева, и среди них «Дорожную песню», сочиненную в Симбирске, «Сон девушки» и другие.

Огарев подсказал Кашперову сюжет для оперы по пушкинской поэме «Цыганы» и написал либретто для нее. Эта опера Кашперова и Огарева была написана также в Симбирске, в начале 50-х годов. Она получила одобрение М. И. Глинки, но не была поставлена, и рукопись ее не сохранилась⁴¹⁰.

Под влиянием Огарева Кашперов оставил службу у губернатора и полностью отдался музыке. Огарев очень тепло относился к своему молодому другу. В письмах к П. В. Анненкову он часто упоминает его имя. О характере этих отношений можно судить по письму Огарева от 21 декабря 1854 года. Он писал: «Кашперов в Симбирске проводит зиму. Да, он хороший малый. Этого мало, Анненков, он чрезвычайно благородный человек. Это я вам скажу по опыту»⁴¹¹.

Уже на склоне лет Огарев писал сестре: «Не знаешь ли что-нибудь о моем приятеле Кашперове, который был чиновником особых поручений, когда я был в Симбирске, но под моим влиянием удалился со службы и обратился к музыке, к которой имел талант, и поставил оперу (помнится, в Москве), обещал прислать, но давно известный от него не имею. Если что узнаешь о нем — напиши»⁴¹².

В 1855 году дороги Кашперова и Огарева разошлись, но дружба их продолжалась. После пожара на Тальской писчебумажной фабрике Огарев уехал в свое пензенское имение Старое Акшено, а весной 1856 года — в Лондон к Герцену.

Кашперов уехал в Петербург. Там он занимался музыкой под руководством Гензельта⁴¹³. Затем он отправился за границу, а вернувшись в Петербург, познакомился с М. И. Глинкой.

Сестра последнего Л. И. Шестакова в воспоминаниях о брате писала: «...кто именно посещал брата, всех

не упомяну, но знаю, что в это же время Даргомыжский представил брату В. Н. Кашперова, который был недолгое время в Петербурге. Он приходил к брату спрашивать совета насчет музыкальных дел своих (он занимался музыкой). Брат полюбил его, и потом в Берлине уже они виделись ежедневно»⁴¹⁴.

Весной 1856 года М. И. Глинка и Кашперов уехали в Берлин, где жили неподалеку друг от друга. Кашперов брал уроки контрапункта у З. Дена, а у Глинки — уроки инструментовки. Его жена, симбирянка Адель Николаевна, урожденная Бекетова, певица, брала у Глинки уроки пения. Это еще более сблизило Кашперова с великим русским композитором. Впоследствии он писал: «Я привез в Берлин небольшую русскую библиотеку: Гоголя, Островского, Тургенева, Григоровича, Белинского и других. Глинка жадно вчитывался в них, и иной раз до слез умилялся над ними... Когда я ему показывал мою первую оперу «Цыгане», ему понравились два номера, и он тотчас, обратившись ко мне с симпатичною речью, заключил так: «Я почту за наслаждение и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образование»⁴¹⁵. Но этому намерению учителя не довелось осуществиться. Глинка скончался в январе 1857 года на руках Кашперова.

После этого Кашперовы уехали в Италию, где провели девять лет. Там композитор написал и поставил свои оперы: «Мария Тюдор» — в 1858 году в Милане и Ницце; «Риенци» — в 1863 году во Флоренции; «Консуэло» — в 1865 году в Венеции⁴¹⁶.

В мае 1860 года Огарев писал П. В. Анненкову: «...Кашперов поставил в Милане «Марию Тюдор» с большим успехом...»⁴¹⁷. А двумя годами ранее, в 1858 году, Анненкову же он рассказывал в письме: «Кашперов просит у меня либретто русское, — наемки мне хотя на какой-нибудь эпизод из русской истории или легенду, из чего можно бы составить либретто не нелепое. Что я способен уладить сюжет сценически и музыкально, — в этом я сам в себе не сомневаюсь. Но лишь бы он был... А хотел бы я потрудиться и для Кашперова, и потому, что хочется что-нибудь русское в музыке, не так, как было доселе»⁴¹⁸.

Большая занятость Огарева делами революционной пропаганды не позволила ему осуществить свое намерение и создать новое либретто для Кашперова, но послед-

ний, находясь еще в Италии, под влиянием Огарева написал музыку к драме Островского «Воевода» и начал оперу «Гроза». Позже, возвратившись в Россию, он написал оперы «Боярин Орша» по Лермонтову и «Тарас Бульба» по Гоголю, то есть на чисто русские темы⁴¹⁹, к чему его призывал Огарев.

Сохранилось несколько писем Кашперова к Огареву, Анненкову и другим; дошли до нас и письма Огарева к Кашперову. Одно из них, написанное в ноябре 1862 года из Лондона в Италию, раскрывает весьма доверительное отношение поэта к композитору. Как следует из этого письма, Огарев прямо вовлекал последнего в дело революционной пропаганды. Вот фрагмент письма: «...если кто к вам явится от моего имени для подбора народных напевов на слова новые и написания аккомпанементов для издания во вред царящему, то вы возьмитесь за этот труд с преданностью к делу, только в народном духе. Иначе слова не попадут в пропаганду...»⁴²⁰.

Обратим внимание: «...для подбора народных напевов на слова новые... для издания во вред царящему...». Эти строки свидетельствуют о большом доверии Огарева к своему другу, раскрывают и умонастроение последнего. Кашперов был единомышленником Огарева, и, если последний обращался к нему с такой деликатной просьбой, значит, рассчитывал, что Кашперов выполнит ее «с преданностью к делу».

Кашперов близко знал не только Огарева, Н. А. Тучкову-Огареву, но и Герцена и детей его; в известной мере он был их другом. В сентябре 1865 года в письме к Огареву из Италии композитор писал: «...Наталье Алексеевне и Герцену — также и его милым детям прошу передать мой задушевный и искренний привет... И прошу не забывать искренне вас любящего В. Кашперова»⁴²¹.

Круг друзей и знакомых Кашперова был достаточно широк. Так, в одном из писем он обращался к И. С. Тургеневу с просьбой показать Полине Виардо его оперу «Цыгане»⁴²².

В свою очередь, Тургенев написал Кашперову несколько писем, а в письме к П. В. Анненкову, находившемуся в Италии, он писал в июне 1860 года: «Кстати, если вы не отыскиали, то отыщите в Милане Кашперова и поклонитесь ему от меня. Его легко отыскать — спро-

сите в музыкальных магазинах. Он отличный майый — и жена его милая и умная женщина»⁴²³.

В 1865 году Кашперов вернулся в Россию. Вскоре он стал профессором Московской консерватории по классу пения. Будучи страстным пропагандистом певческой культуры, он организовал в Москве бесплатные хоры. Газета «Русские ведомости» в марте 1873 года писала: «Несколько месяцев тому назад по инициативе учителя пения г. Кашперова в Москве образовался хор певчих, исключительно состоящий из любителей и по преимуществу студентов университета. Ныне хор этот считает себя в состоянии выступить на суд публики в концерте в зале благородного собрания».

Кашперов был одним из учредителей Общества драматических писателей и композиторов и членом его правления. Написанные им оперы «Гроза» и «Тарас Бульба» были поставлены в разные годы на сценах Мариинского и Большого театров⁴²⁴.

Маленький дом Кашперовых в Москве, близ Арбатских ворот, был одним из тех, куда москвичи любили заглядывать «на огонек». Музыкальные концерты, литературные чтения, а также сердечность и радушие хозяев привлекали людей. Каждый раз в свои приезды в Москву И. С. Тургенев посещал Кашперовых и читал у них свои новые произведения. На эти встречи с редким гостем многие старались попасть. «Москва чуть не в тот же день знала, что Тургенев провел несколько часов у Кашперовых и даже прочел какой-то отрывок из написанного нового рассказа»⁴²⁵.

Украшением дома была очаровательная хозяйка, Адель Николаевна, — умнейшая женщина и тонкий художественный критик, к голосу которого прислушивались и мнения которого разделялись всеми⁴²⁶.

Среди гостей Кашперовых бывал и наш земляк И. Е. Цветков — основатель картинной галереи в Москве⁴²⁷.

Увлеченный большой и разносторонней работой в столице, В. Н. Кашперов не забывал и родного Симбирска. Так, на восстановление сгоревшей в большом пожаре 1864 года Карамзинской библиотеки он пожертвовал в 1866 году восемьдесят рублей, что тогда было немалой суммой⁴²⁸.

Скончался Кашперов в июле 1894 года в селе Романцево Можайского уезда Московской губернии⁴²⁹.

ПЕРВЫЙ ПРОПАГАНДИСТ

Большой интерес вызывает личность Валериана Никаноровича Назарьева, писателя, драматурга и публициста. Он был сотрудником «Современника», «Отечественных записок», «Вестника Европы» и других изданий. Его пьеса «Золотые сердца» поставлена в 1882 году на сцене московского Малого театра, а через год, в ноябре 1883 года, — на сцене Симбирского театра, где прошла с большим успехом⁴³⁰. В то же время Назарьев — активный земский деятель, член Симбирского уездного училищного совета, непосредственный помощник и первый пропагандист просветительской деятельности Ильи Николаевича Ульянова, один из близких друзей семьи Ульяновых в Симбирске. В. Н. Назарьев был одним из немногих симбирских интеллигентов, понявших и высоко оценивших просветительский подвиг И. Н. Ульянова. На протяжении двадцати с лишним лет со страниц одного из крупнейших популярных русских журналов «Вестник Европы» и других изданий он рассказывал об этом подвиге.

Будучи соседом П. В. Анненкова по имениям, Назарьев нашел в нем поддержку в своей литературной и публицистической деятельности.

19 сентября 1875 года П. В. Анненков из Парижа писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «...симбирский писатель, Вам небезызвестный, В. Н. Назарьев (и скажу Вам, один из евангельских святых, которыми города держатся) составил в рассказах картину народного учебного дела в губернии, с его

высшим и низшим персоналом и с его обстановкой. То, что я слышал из этой живописной статистики и этнографии, дает понятие об условиях провинциального образования более ярко, чем все возможные трактаты. А условия эти ему хорошо известны, так как в качестве члена училищного совета он объезжал школы, причем, конечно, несколько раз тонул, проваливался под мосты, угорал, голодал, даже горел. Рассказы свои он желал бы поместить в Вестн. Евр., к чему я, грешным делом, сильно его понуждал, но боится, что в журнале с задачами высокого развития — провинциальное печенье будет не к месту... Если бы Вы ему написали одно коротенькое словечко, что на кухне Вашей допускаются и пироги, хорошо испеченные, и что желудку вашему они не противны — то открыли бы его. Адрес его следующий: Симбирской губернии, на почтовую станцию Тагай — Валериану Никаноровичу Назарьеву, в Новое Никулино»⁴³¹.

Сам факт написания письма из центра Западной Европы, не заслонившей собой русских деревенских впечатлений и встреч с «евангельским святым, которыми горда держаться», весьма примечателен. И это письмо сыграло свою роль. Прошло несколько месяцев, и в третьем номере «Вестника Европы» за 1876 год были опубликованы очерки В. Н. Назарьева «Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи», посвященные развитию школы и народного образования в пореформенной Симбирской губернии.

Период до 70-х годов прошлого столетия Назарьев называл «школьным безвременьем». В этот период, подчеркивал он в своих очерках, нужен был «большой светильник, источник энергии», чтобы «вдохнуть силы в обессилевшие светлые педагогические личности».

Таким светильником Назарьев видел Илью Николаевича Ульянова, имя которого в очерках не называлось. В письме к Стасюлевичу от 10 марта 1876 года Назарьев писал: «В своей статье я хлопотал более всего о том, чтобы передать правдивую историю школьного дела в нашем уезде, и потому обязан был сказать правду о нашем бывшем инспекторе Ульянове, представляющем редкое исключительное явление между инспекторами. Это — старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени; это одна из личностей, которых когда-то так мас-

терски изображал Тургенев — это студент в лучшем смысле этого слова. Но, ввиду весьма печальных соображений, я не решался сказать, что он далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует»⁴³².

И. С. Тургенев 26 февраля 1877 года писал Стасюлевичу из Парижа: «...очень хорошая статья в февральской книжке «Вестник Европы» — «Современная глушь» — Назарьева. — Вот бы таких побольше!»⁴³³.

Сброшюрованные и переплетенные оттиски этих очерков Назарьева с автографом автора, адресованным И. Н. Ульянову, хранились В. И. Лениным в его личной библиотеке в Кремле⁴³⁴.

Мария Ильинична Ульянова в своей книге «Отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов»⁴³⁵ писала о Назарьеве: «Его очерки, печатавшиеся в «Вестнике Европы» и других изданиях того времени, вносят ценный вклад в характеристику эпохи и деятелей 60-х и 70-х годов. Перу Назарьева принадлежат и некоторые беллетристические произведения. Недаром произведение Назарьева заслужили одобрительный отзыв известного критика П. Анненкова. Хвалебные отзывы давал об очерках Назарьева также И. С. Тургенев...»

Примечательно и то, что менее чем через семь лет после казни Александра Ульянова, когда еще в Симбирске были свежи воспоминания о «цареубийце» и семье, из которой он вышел, Назарьев опубликовал именно в «Симбирских губернских ведомостях» новый очерк «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета», в котором очень тепло отзывался о деятельности И. Н. Ульянова — инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии⁴³⁶. Вслед за тем этот очерк был опубликован на страницах журнала «Городской и сельский учитель»⁴³⁷ и стал достоянием более широкого круга читателей. А через четыре года в четвертом номере «Вестника Европы» за 1898 год Назарьев поместил очередной публицистический очерк — «Вешние всходы», где образ И. Н. Ульянова воплощает собой по-весеннему бурный и долгожданный расцвет в деле народного образования в Симбирском крае. В очерке автор дал много новых ценных штрихов в описании как самого И. Н. Ульянова, так и его просветительной деятельности⁴³⁸.

Благодаря публикации очерков Назарьева об Илье Николаевиче Ульянове и его работе на благо народного просвещения узнали широкие круги общественности не только в России, но и в Европе⁴³⁹.

Валериан Никанорович Назарьев происходил из мелкопоместных симбирских дворян. Он родился в 1829 году и после домашнего обучения поступил в Казанский университет, где учился одновременно со Львом Толстым. В начале 1849 года поступил на военную службу в качестве унтер-офицера лейб-гвардии драгунского полка.

Проведя четырнадцать лет в армии, он в июле 1863 года вышел в отставку в чине штаб-ротмистра, а через пять лет, прочно осев в Симбирске, был избран участковым мировым судьей, которым и оставался до конца своей жизни, периодически переизбираясь.

Энергичный и инициативный, он не мог довольствоваться казенной судебной работой и потому принял живое участие в деятельности уездного училищного совета. Будучи близким помощником И. Н. Ульянова в просветительной деятельности, Назарьев на собственные средства осенью 1869 года построил в селе Новое Никулино двухэтажное здание школы и полностью оборудовал его. Один этаж этого здания был занят квартирой учителя, а в другом располагались классные комнаты. Школа полностью содержалась на средства ее основателя.

Об этом 9 февраля 1872 года Назарьев писал известному педагогу Н. А. Корфу: «Без всяких сборов с крестьян мы нашли возможность выстроить удобное помещение на 40 мальчиков... приобрели все необходимое и даже довольно ценные книги для училищной библиотеки... Но самое отрадное явление из всего окружающего меня представляет наш школьный учитель Шилдаев. Явился он из Москвы в 69 г. навестить своих родителей (до того времени занимался живописью), стал бывать у меня, почтывать, а осенью уже выдержал экзамен на учителя и вскоре сделался лучшим, если не единственным преподавателем в уезде. Такой мягкости в обращении с детьми, такой нравственной чистоты и неутомимого стремления к знанию я еще не встречал»⁴⁴⁰.

Назарьев был членом комитета городской Карамзинской общественной библиотеки, а позднее, в 1890-х годах, он вошел в число членов-учредителей Симбирской

ученой архивной комиссии. Все это, однако, не мешало ему вести литературную и публицистическую деятельность.

Живой, общительный и гуманный, он пользовался широкой популярностью не только в среде симбирской интеллигенции, но и среди крестьян села Новое Никулино и соседних селений.

Два первых брака не дали ему детей. В 1874 году, после расторжения второго брака, он выехал на лечение в Германию и в июле этого же года женился третий раз. Его избранницей стала дочь директора почты одного из немецких городков. Ее звали Гертрудой Гопфгартен, но муж предпочитал называть супругу на русский лад — Анной. Она приходилась племянницей немецкому художнику Гопфгартену. Окончив Берлинский институт иностранных языков, Гертруда в совершенстве владела английским и французским языками, хорошо знала европейскую литературу и занималась музыкой⁴⁴¹.

Осенью 1874 года Гертруда Назарьева приехала в Симбирск, а затем и в имение мужа.

И. Н. Ульянов в своих частых служебных поездках по губернии неоднократно бывал в Назарьевке, а летом 1875 года вся семья Ульяновых, в том числе и пятилетний Владимир, провела там шесть недель у гостеприимных хозяев⁴⁴². Последнее обстоятельство делает Назарьевку, а ныне место, где она располагалась, достопримечательными и интересными.

Имение Назарьевка находилось в двух с половиной километрах на северо-восток от села Новое Никулино, у слияния рек Грязный Ключ и Карадаевка, и ранее входило в территорию обширного Симбирского уезда⁴⁴³. Когда-то через него проходила проселочная дорога из села Новое Никулино в село Анненково Степное и далее в Симбирск.

Само имение представляло собой небольшой хутор, несколько не походивший на старые родовые дворянские усадьбы с их типичными признаками. Не было ни выразительного рельефа местности, ни больших господских домов с флигелями, ни огромных тенистых парков и т. п. Дело в том, что хутор был перенесен сюда, в чистое поле, в 60-х годах XIX века. Ранее он располагался в четырех верстах от села Новое Никулино, на речке Карадаевке, на дороге, шедшей из Никулина в Анненково

Степное. В 1794 году, в период генерального межевания земель в Симбирской губернии, дед В. Н. Назарьева Иван Иванович Назарьев жил там.

Назарьев писал, что у него родилось неодолимое желание «...расстаться с барскими затеями, сломать на дрова ветхие наследственные хоромы и, чтобы раз навсегда избежать неминуемых столкновений с крестьянами из-за всякой дряни — из-за поломанных плетней, похищенных огурцов или забежавшей в сад скотины, — бросить село и переселиться куда-нибудь поближе к воде, так чтобы и вода, и луга, и поля, и лес, и все хозяйственные заведения были, так сказать, под руками.

После многих поисков нашлось наконец место по вкусу, подле пруда, за которым сейчас же зеленели луга, а далее расстилалась вспаханная равнина, упиравшаяся в темный лес... Наконец, на голом пустыре, точно гриб, вырос маленький домик, с одной стороны похожий на швейцарскую хижину, а с другой на ярославскую избу...»⁴⁴⁴.

Этот хуторок находился в очень интересном историческом окружении. В нескольких верстах на юго-восток от него располагалось село Анненково Степное с бывшим именем Марии Аргамаровой, которая являлась бабушкой А. С. Грибоедова и двоюродной теткой А. Н. Радищева. Она же была теткой братьев Петра и Павла Киндяковых — предшественников декабристов⁴⁴⁵.

А еще ближе, только к северу, находилось имение Чириково, принадлежавшее известному литературному критику и издателю произведений А. С. Пушкина Павлу Васильевичу Анненкову. Последний в своем письме к Стасюлевичу 23 марта 1880 года писал из Бадена: «...соседу по деревне, Назарьеву, пришлось быть и моим соседом по журналу...»⁴⁴⁶.

В этом Чирикове летом 1851 года у Анненкова жил Н. В. Гоголь. Чириково некогда было крупным родовым имением и одним из центров усадебной культуры Симбирской губернии, а после революции здесь были обнаружены ценнейшие литературные находки. В числе их — сто семнадцать писем И. С. Тургенева к П. В. Анненкову, пушкинские автографы и др.⁴⁴⁷.

Имение Назарьевка располагалось на пологом склоне левого берега речки Грязный Ключ, при впадении в нее справа другой, еще меньшей речонки — Карадаевки. Немного ниже устья Карадаевки речка Грязный

Ключ была перегорожена плотиной. Эта плотина одновременно являлась мостом, по которому пролегал грунтовая проселочная дорога из Нового Никулина в села Устеренку и Анненково Степное.

Плотина образовывала обширный пруд, берега которого были обсажены ветлами. Западнее пруда по склону поднимался большой яблоневый сад; за ним стоял деревянный дом с мезонином. В нижнем этаже его размещались: гостиная, кабинет, столовая, библиотека, комната для приезжих, или «гостевая», комната старого слуги и «девичья», в которой жили горничная и повариха. В мезонине находилась спальня Назарьевых, детская и еще две небольшие комнаты.

С северной стороны дома был разбит большой цветник, а рядом — площадка для игр и деревянная, оббитая плющом беседка. Эти места предположительно и были местами прогулок и игр пятилетнего Володи Ульянова, где под присмотром старших он вместе с четырехлетней сестрой Ольгой резвился и играл, любясь природой. Яблоневый сад, большой пруд... Все это было так ново и так непохоже на пыльную Стрелецкую улицу в Симбирске, где в доме Жарковой жила семья Ульяновых.

Шесть недель, проведенных Ульяновыми в Назарьевке, послужили дальнейшему сближению двух семей. По возвращении в Симбирск Илья Николаевич присмотрел, а затем и снял большой дом Костеркиной на Московской улице (ныне ул. Ленина, 74), где с осени 1875 года поселились Ульяновы и Назарьевы.

Литературные и музыкальные интересы и знание языков сближали Гертруду с Марией Александровной, и, кроме того, Назарьева готовилась стать матерью и нуждалась в близкой и опытной наставнице.

В доме Костеркиной семьи совместно жили до лета 1876 года. Дом для проживания оказался малоудобным. Назарьевы уехали к себе в имение, а Ульяновы сняли квартиру в другом доме на этой же улице Симбирска.

В. Н. Назарьев продолжал присматриваться к бурной просветительской деятельности «старого студента», оставаясь его другом, поклонником, активным помощником и энергичным пропагандистом до конца своей жизни. Он умер в Назарьевке в феврале 1902 года.

В 1918 году имение было национализировано. После этого Гертруда с дочерью и внуками жила в Симбир-

ске — Ульяновске в доме № 5 по Введенскому переулку⁴⁴⁸, который позже стал называться Рабочим спуском и вел к железнодорожной станции Ульяновск-2.

Здесь Назарьева, будучи персональной пенсионеркой, давала уроки немецкого, французского и английского языков, и здесь же у нее в 1931 году были обнаружены и приобретены восемь подлинных рукописей А. С. Пушкина и другие материалы, связанные с ним⁴⁴⁹. Они могли попасть к Назарьевым от П. В. Анненкова, работавшего в свое время в Чирикове с рукописями поэта.

Умерла Г. Назарьева в Ульяновске в марте 1933 года, восьмидесяти лет от рождения.

В свое время поэт сказал: «Большое видится на расстоянии», и это, конечно, совершенно верно. Но заслуга В. Н. Назарьева в том, что он увидел это большое — вблизи. А сумев увидеть и оценить исключительное значение просветительского подвига И. Н. Ульянова, стал первым его пропагандистом.

СИМБИРСКИЙ ТРЕТЬЯКОВ

Кто бывал в Ульяновском художественном музее, тот помнит картину К. Е. Маковского «Боярышня». Симпатичная шаловливая гимназистка наряжена в костюм боярышни, с кокошником на голове. На какой-то миг она набралась серьезности и степенности и, держа блюдо в руке, дует на горячий чай. На столе самовар и прочие атрибуты чаепития.

Этот холст поступил в музей в 1926 году. В свое время он находился в составе известной Цветковской картинной галереи в Москве.

После создания П. М. Третьяковым русской национальной картинной галереи среди состоятельных людей Москвы и Петербурга возникла своего рода мода коллекционировать художественные произведения. Так были созданы солидные собрания картин одного и другого Мамонтовых, Морозова, Остроухова, Цветкова...

Галерея Цветкова отличалась значительной коллекцией рисунков русских художников конца XVIII и XIX веков. В начале 1900-х годов в Москве по проекту известного художника Виктора Васнецова было построено специальное здание Цветковской картинной галереи⁴⁵⁰, а в 1909 году создатель этого собрания, наш земляк, завещал ее, вместе со вновь построенным зданием, городу Москве⁴⁵¹. Цветковское завещание произвело большое впечатление и породило своего рода сенсацию в русской и иностранной прессе.

В 1926 году это собрание вошло в состав Государственной Третьяковской галереи.

Кто же такой Цветков? Какими нитями он связан со старым Симбирском?

Иван Евменьевич Цветков родился 28 апреля 1845 года в семье бедного сельского священника Алатырского уезда Симбирской губернии. Получив первоначальное обучение дома, он был определен в Алатырское духовное училище. Впоследствии, вспоминая этот период, Цветков писал: «Не красна была моя жизнь в течение шестилетнего сидения моего за церковнославянскими книгами в родительском доме, но училищная жизнь была еще хуже. Она была тяжелее жизни каторжника. Высокомерие и наглость аудиторов меня возмущали. Так как я ничего не сделал, чтобы снискать их снисхождение, поэтому мне ставили скверные отметки и производили жестокие экзекуции. Телесные наказания повторялись иногда, даже страшно сказать, по нескольку раз в день. Иногда большая часть двухчасового урока проходила не в занятиях науками, а в сечении»⁴⁵².

По окончании училища, в 1862 году, Цветков поступил в Симбирскую духовную семинарию, где слыл «идеальным семинаристом» по успехам. Все свободное время он употреблял на чтение Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского и других авторов и скоро пришел к выводу, что учеба в семинарии — не для него, тем более что обнаружилась его склонность к математике. Он принял решение перейти в 6-й класс гимназии, но разность программ, незнание немецкого языка и естественных наук создавали немалое препятствие к этому. Однако твердая решимость и горячее желание стать гимназистом победили. В течение лета 1864 года он успел подготовиться к поступлению в гимназию, хотя это было сопряжено с трудностями и другого порядка. Большой симбирский пожар, истребивший город, стал причиной полной утраты всего, очень скромного, имущества семинариста, а главное — утраты учебников. Пока Цветков спасал имущество других, сам он остался лишь в том, что было на нем.

С трудом допущенный к экзаменам в гимназии, он был принят в нее. С середины октября 1864 года занятия возобновились в наемном помещении (так как здание гимназии сгорело), и Цветков начал здесь свою учебу.

Для поддержания собственного существования он был вынужден давать домашние уроки. Учеба в гим-

назии шла успешно, и он отлично закончил ее в 1867 году, но из-за строптивого характера был лишен медали. Случилось это так.

После окончания экзаменов в выпускном классе гимназии Цветков был вызван директором Вишневым.

— Тебе положено выдать золотую медаль, — сказал Вишневский, — но за твою строптивость тебе будет довольно и серебряной.

На это в негодовании Цветков ответил:

— А мне вообще никаких медалей не нужно!

Тогда Вишневский, собрав педагогический совет гимназии, доложил ему, что гимназист Цветков не желает получать каких-либо наград. Лишить отличия — таково было решение совета.

Позже Иван Цветков сожалел о своем поступке, так как это несколько осложнило его поступление в Казанский университет⁴⁵³.

Поступив в августе 1868 года на математический факультет Казанского университета, он через год перешел в Московский университет, где слушал лекции таких профессоров, как Ф. А. Бредихин, Н. Э. Ляковский, Цингер и другие. В стенах университета Цветков глубоко увлекся науками; он делил время на занятия в университете, работу в библиотеках и домашние уроки, являвшиеся тогда для него единственным средством к существованию.

Летом 1872 года Цветков в качестве домашнего учителя в одной из богатых семей побывал в Берлине, Вене, Женеве и Цюрихе. Там он познакомился с известными музеями и картинными галереями.

В 1873 году он окончил университет с кандидатской степенью и получил приглашение остаться для продолжения научной деятельности. Но отсутствие какой-либо материальной базы не позволило воспользоваться таким предложением, и Цветков поступил на службу в Московский земельный банк. Пройдя за двадцать с лишним лет длинную чиновную лестницу от бухгалтера до председателя оценочной комиссии, а затем и директора банка, постоянно вращаясь в кругу купцов и прочих богатеев «первопрестольной» столицы, он нажил себе крупное состояние, которое полностью употребил на собиранье своей обширной коллекции произведений русского искусства.

Увлечение искусством у Цветкова началось еще в студенческие годы. Посещение Румянцевского музея и других художественных собраний, обязательное присутствие на всех выставках картин в Москве и в Петербурге, знакомство с художниками, чтение и изучение литературы по искусству — все это продолжалось десять лет и стало своего рода предисловием к его коллекции.

А начиная с 1881 года Цветков занялся собирательской деятельностью, покупая картины русских художников за относительно невысокую плату⁴⁵⁴. Затем первым из русских коллекционеров Цветков стал приобретать рисунки русских художников, их наброски, эскизы, варианты композиций и этюды к ним, что впоследствии оказалось крайне ценным для истории русского искусства. «...Он оказался обладателем богатейшего в Москве, — а может быть, и вообще в России, — собрания рисунков русских мастеров, охватывающего развитие этого вида художественного творчества приблизительно в течение полутора веков»⁴⁵⁵.

В 90-е годы собрание быстро росло и требовало уже специального помещения. В связи с этим Цветков писал: «Когда мне в 1898 году захотелось построить дом в древнерусском стиле, то, чтобы уяснить себе свое желание и найти желанную форму дома, я перечитал все, что известно относительно древнерусской архитектуры, пересмотрел все издания, все фотографии с древних русских зданий, осмотрел сохранившиеся остатки древних зданий в Москве, нарочно ездил в Ярославль, в Ростов Великий; потерял целый год в попытках создать дом желанной формы, сначала при помощи одного профессора архитектуры, потом другого, пока не нашел искомой формы в импровизированных рисунках художника-живописца В. М. Васнецова, этого вдохновенного любителя и знатока древнерусского вкуса»⁴⁵⁶.

С постройкой нового здания, по признанию Цветкова, он «стал собирать картины и рисунки еще энергичнее, чем в первые двадцать лет, был счастливее в приобретении редких хороших вещей, чем прежде»⁴⁵⁷.

За тридцать с лишним лет Цветков «собрал галерею в количестве 1819 произведений 404 русских художников. В том числе 410 картин, 1373 графических произведения и 36 скульптур»⁴⁵⁸.

Для того чтобы представилась ценность этого собрания, достаточно сказать, что в нем было шестьдесят

произведений И. Е. Репина, сорок одно — В. А. Тропинина, тридцать восемь — К. П. Брюллова, тридцать — В. И. Сурикова, двадцать восемь — В. М. Васнецова, двадцать два — В. Д. Поленова, двадцать одно — Ф. А. Бруни и т. д.⁴⁵⁹.

Более четверти всех произведений собрания составили работы передвижников, мировоззрение которых складывалось под влиянием политических и эстетических взглядов революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского. В этих работах отражались факты страшной социальной несправедливости. Картины передвижников звали к критике существующих порядков, обличая их сурово и беспощадно. Цветков находился под сильным влиянием передвижников и был их поклонником.

Умный, энергичный и прекрасно образованный, человек со сложным характером, постоянный посетитель мастерских московских и петербургских художников, завсегдатай всех художественных выставок, глава Московского общества любителей художеств, действительный член Петербургской Академии художеств, крупный и известный собиратель, Цветков был горячим русофилом. С болезненной неприязнью он относился ко всему западноевропейскому и к модернистским течениям в искусстве Европы. Он не понимал и не принимал французских импрессионистов и их русских последователей. Ему не были чужды некоторые, порой труднообъяснимые, странности и противоречия в характере и поступках. Но он не был купцом-самодуром, каким Цветкова представляют некоторые мемуаристы⁴⁶⁰.

Цветков не просто собирал ради накопления. Его собирательская деятельность была глубоко продуманной и систематизированной, связанной с целым рядом специальных поисков. Это был профессионально грамотный собиратель, хорошо знавший не только историю русского искусства и не только биографию каждого художника, представленного в его собрании, но и в деталях знавший, когда, при каких обстоятельствах или в силу каких причин было создано то или другое произведение и почему оно написано именно так, а не иначе. Причем все эти сведения носили документальный характер и в равной степени касались как того или иного рисунка, так и крупных живописных произведений. Если речь шла о картине Бруни «Пробуждение граций»,

то собиратель мог рассказать не только о самом художнике и его картине, но и с кого и в каких условиях писались грации. Если же речь заходила, например, о портрете Темкиной работы Боровиковского, то Цветков рассказывал и о художнике, и о царствовании Екатерины II, о взаимоотношениях императрицы с Г. Потемкиным, об их дочери, изображенной на портрете под видом одной из «смолянок»⁴⁶¹, о ее судьбе — и в таких деталях, которые удивляли слушателей.

Естественно, что подобных обширных познаний «купить» нельзя. Их можно приобрести только многолетним и упорным трудом человека, влюбленного в свое дело.

При всех странностях и недостатках, которые были свойственны Цветкову, нельзя недооценивать того главного, что было сделано им. Собрав обширную коллекцию произведений русского искусства, он в день своего шестидесятичетырехлетия, 28 апреля 1909 года, преподнес ее в дар городу Москве, не оставив ничего своим родственникам из некогда большого состояния.

Председатель комиссии по приему этого дара, говоря о ценности собрания, сказал: «Оно представляет естественное продолжение по времени собирательства произведений национального искусства, начало которому положил П. М. Третьяков. Но главное богатство новой галереи заключается, впрочем, в огромном запасе рисунков, с которым и Третьяковская галерея никак конкурировать не может...

Цветковское собрание рисунков представляет такое сокровище, подобное которому ни под каким видом купить и составить более нельзя»⁴⁶².

Коллекция была передана городу вместе с недавно построенным домом, о котором писали, что это — «настоящий храм искусства, строгий и стильный в мелочах. Внешний вид галереи строго выдержан в древнерусском стиле — настоящий терем... много света, высокие потолки, комнаты с люстрами, представляющими точную копию новгородских паникадил времен Иоанна Грозного...»⁴⁶³.

Разумеется, это было огромное богатство, отданное народу.

Цветков вскоре после окончания университета, в начале 1870-х годов, побывал в Симбирске и посетил тогда своего старого знакомого — известного чувашского

просветителя И. Я. Яковлева. Последний хорошо знал Цветкова, его родителей и братьев, с одним из которых он вместе учился в Симбирской гимназии.

Этим знакомством Яковлева с Цветковым воспользовался в 1913 году председатель Симбирской ученой архивной комиссии В. Н. Поливанов. Когда строился дом-памятник И. А. Гончарову, Поливанов был озабочен созданием художественного музея в Симбирске, который должен был размещаться в новом здании (ныне здание краеведческого и художественного музеев). По его поручению Яковлев посещал Цветкова и вел с ним переговоры, склоняя коллекционера пожертвовать Симбирску часть своего собрания. В результате было написано письмо Цветкова от 3 апреля 1914 года, адресованное Поливанову, в котором автор выражал желание «...принести в дар моему родному городу Симбирску несколько картин... Кроме того, я имею намерение при случае приобретать картины специально для Симбирска. Не найдете ли Вы, Ваше Превосходительство, возможность предоставить этим картинам временное помещение в одном из подведомственных Вам симбирских зданий? Когда наберется этих картин достаточное количество, они будут принесены в дар Симбирску. А до этого времени они составляют мою собственность и только в случае моей смерти переходят в собственность города Симбирска...»⁴⁶⁴.

Какой был ответ Поливанова — неизвестно. Через год с небольшим он умер, а еще через два года умер и И. Е. Цветков.

По сведениям Яковлева, Цветков предлагал ему взять из собрания часть картин для Симбирска с тем, чтобы временно их разместить в симбирской чувашской школе, но Яковлев не принял этого предложения, так как не рассчитывал обеспечить полную гарантию сохранности дорогостоящего художественного имущества. По тем же сведениям, «он (Цветков. — А. Бл.), более не посещал нашего города, хотя и не забывал его, пожертвовав по завещанию даже капитал в 100 000 рублей Симбирской гимназии, в которой воспитывался»⁴⁶⁵.

Но получил ли Симбирск завещанные ему деньги? Попытки найти подтверждение этому остались пока безуспешными. По всей вероятности, это намерение Цветкова не осуществилось.

А вот картины цветковского собрания уже не Симбирск, а Ульяновск все-таки получил. В 1926 году из Государственного музейного фонда СССР в наш художественный музей поступили двенадцать картин и этюдов, которые ранее находились в составе Цветковской галереи. Среди них этюд Ф. Васильева «Гумно», работы Дубовского, Киселева, братьев Константина и Владимира Маковских, Прянишникова, Саврасова, Шишкина и других русских художников.

В Ульяновском художественном музее имеется работа В. Маковского «Цветков на даче». На фоне садовой зелени и озера вдали вплетеном кресле сидит пожилой человек со строгим выражением лица. Он одет в белый сюртук, а левой рукой придерживает черную шляпу. Седина заметно посеребрила его голову, усы и бороду. От картины веет истомой жаркого летнего дня, клонящегося к вечеру. Таким изобразил художник шестидесятилетнего И. Е. Цветкова в 1905 году.

Вариант этого портрета экспонируется в Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева. А вообще, только В. Маковский оставил не менее пяти портретов Цветкова; Репин написал два, К. Маковский — два. Скульпторы С. Волнухин и В. Беклемишев запечатлели Цветкова в бронзе.

Знаменитые художники оставили нам память о выдающемся земляке, патриоте и гражданине, беззаветно любившем Россию и отдавшем ей все свое состояние и все труды своей семидесятидвухлетней жизни.

АНТИКВАРЫ ШИБАНОВЫ

Как велики возможности человека в его развитии, как многого может он достигнуть в познании окружающего мира — и, в частности, в познании того, что является объектом его глубокой увлеченности, — показывает пример симбирянина Петра Васильевича Шибанова. Он всю свою жизнь посвятил служению книге, получив всероссийское признание как крупный специалист по старославянской письменности и старопечатной книге. Кроме того, он был основателем крупной книготорговой антикварной фирмы в Москве, ставшей известной не только в России, но и за рубежом.

Петр Васильевич Шибанов — уникальное, единственное в своем роде явление. Он родился в 1822 году в селе Лава Карсунского уезда Симбирской губернии⁴⁶⁶ (ныне село Лава Сурского района Ульяновской области). Крепостной крестьянин, самоучка, он сумел достичь таких высот знаний в своей области, что впоследствии стал консультантом ученых-специалистов по старославянской письменности и старопечатным книгам — таких, как профессор Ф. И. Буслаев и другие⁴⁶⁷.

В юности первым увлечением Петра Васильевича была математика. Нигде не учившийся, Шибанов сумел постичь сферическую тригонометрию и начала астрономии⁴⁶⁸. Его сын Павел писал: «Не получив никакого образования, дойдя до всего самоучкою, он изучал и высшую алгебру и просиживал целыми ночами напролет над решением какой-либо трудной задачи, которая

ему не давалась. Утром, качаясь от бессонной ночи, он ни за что не примется, не побывав прежде у знакомого профессора математики и не получив от него объяснения на мучивший его вопрос»⁴⁶⁹.

Математикой он овладел настолько, что своими познаниями удивлял окружающих, и, видимо, это обстоятельство послужило причиной того, что в свои восемнадцать лет он получил вольную от князя Гагарина, чьим крепостным являлся⁴⁷⁰. Став свободным, Петр Васильевич записался в мещане города Карсуна и уехал в Самару⁴⁷¹. Там через год он занялся куплей и продажей рукописных и старопечатных книг. Это было в 1841 году. С этой даты Шибанов впоследствии отсчитывал время своей антикварной деятельности.

Суровый на вид старик, одетый в длинную чуйку и высокие сапоги, с бородой почти до пояса — таков был Шибанов. Главным делом жизни стала для него страсть к старой славянской письменности. По фактуре и цвету бумаги, по почерку и содержанию рукописи он мог определить, к какой четверти XV или XVI века относится эта рукопись. И он делал это безошибочно, что было возможно лишь при наличии исключительных знаний. Петр Васильевич удивлял и поражал просвещенных специалистов, подсказывая им, что эта рукопись — лишь пятый или шестой вариант оригинала, а та по своему содержанию и времени создания является повторением, копией оригинала, находящегося там-то или утраченного тогда-то и при таких-то обстоятельствах. Свои доводы Шибанов обосновывал доказательствами, против которых не находилось возражений.

Павел Петрович Шибанов вспоминал: «Мой отец ни одной рукописи, ни одного листочка, свитка или грамоты не выпускал из своих рук необследованной и не изученной до такой степени, что мог сказать о ней все: и какой вариант она представляет, и какие в ней есть статьи, отличающие ее от других известных списков, и какого она времени. Этому знанию учил он и меня»⁴⁷².

Знания Шибанова в области старославянской письменности были многосторонними, комплексными. Он мог описать не только внешние признаки, но и язык, манеру изложения, количество известных вариантов той или иной рукописи. Поразительная память позволяла ему цитировать наизусть многие произведения старославянской письменности, чем он также удивлял людей.

Обосновавшись в Самаре, Шибанов начал широкий поиск рукописных и старопечатных книг. Местом этого поиска было Поволжье от Нижнего Новгорода до Астрахани. Летом он объезжал этот обширный край, где в селениях находил интересовавшие его книги и рукописи. В Симбирск же Шибанов приезжал зимой. Это было связано с тем, что ежегодно в первой половине февраля в Симбирске проходила Сборная ярмарка, на которую приезжали книжники-антиквары из Москвы, Казани и других городов. Об одной из таких поездок Шибанова в Симбирск мы знаем более подробно потому, что о ней оставил свои воспоминания его сын Павел.

В феврале 1879 года отец и сын Шибановы приехали в Симбирск на ярмарку. Петр Васильевич тут же установил связи с прибывшими из Москвы и Казани букинистами и с местным букинистом Хватковым⁴⁷³. Затем Шибанов ознакомился с наличием книжных редкостей в частных собраниях симбирян. Так, у В. В. Черникова он купил за 40 рублей книгу, изданную в 1700 году в Амстердаме⁴⁷⁴. Большое приобретение Шибанов сделал у княгини Баратаевой — вдовы известного масона и нумизмата. У нее он купил около ста книг масонского содержания, изданных в конце XVIII века и представлявших собой исключительную редкость. Также у Баратаевой он приобрел другие книжные редкости, среди которых была книга Герберга «Народы России, или описание нравов, обычаев и одежд разных народов Российской империи». Эта книга была издана в Париже в двух томах в 1812—1813 годах. Другая, не менее интересная, — книга Аткинсона, изданная в трех томах в Лондоне в 1803 году. И, наконец, редкое изящное издание — 30 портретов русских генералов — участников войны 1812 года работы художника Вендрамини, с текстом на русском и французском языках. Это великолепное издание было выпущено в Петербурге в 1813—1821 годах⁴⁷⁵.

Вообще начало 1879 года сложилось для Шибанова очень удачно. В январе этого года один из самарских помещиков сбыл ему «ненужную» книгу, изданную до 1708 года. Это был редчайший пробный экземпляр Петровской азбуки, то есть русской гражданской азбуки, представленной в свое время Петру I на утверждение, с его поправками и зачеркиваниями славянских букв⁴⁷⁶. И кроме того, — около ста уже упомянутых редчай-

ших изданий, приобретенных у Баратаевой и Черникова в Симбирске. Такие удаchi случались нечасто.

Следует заметить, что 1879 год оказался в жизни Шибанова значительным и в том отношении, что именно с этого года он стал приобретать книги гражданского содержания, — и первой из них стала Петровская азбука. Будучи специалистом старославянской письменности, Шибанов не знал и не признавал книг гражданского содержания, которые он презрительно называл «гражданизмом». Мера его презрения к книгам светской печати выражалась, например, в таком его отзыве: «Павел у меня оказался пустой человек, гражданизмом занялся»⁴⁷⁷. Так говорил он о своем старшем сыне, который впоследствии стал одним из замечательных букинистов страны.

Однако приобретать «гражданизм» было необходимо, так как с каждым годом все меньше и меньше становилось рукописей и книг XV—XVII веков, а ждать увеличения их притока, конечно, не приходилось. И пройдет совсем немного времени, как этот ненавистник «гражданизма» предложит петербургскому собирателю автографов Дашкову любовную записку Платона Зубова к Екатерине II и другую записку — ответ Екатерины Зубову. В своей записке царственная дама писала: «Душа моя, люблю тебя всем сердцем...»

Шибанов часто бывал в Москве и Петербурге, а с 1879 года он обосновался в Москве, открыв книжную лавку, а затем и книжный магазин. В 1877 году в Петербурге было организовано Общество любителей древней письменности. Шибанов вошел в это общество на правах комиссионера, или члена-корреспондента, с членским взносом в 200 рублей. Там он познакомился и установил контакты с такими крупными библиографами и собирателями, как А. Ф. Бычков, Д. Ф. Кобеко, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремов, библиограф и искусствовед Д. А. Ровинский и другие.

Вся дальнейшая деятельность П. В. Шибанова проходила в Москве, где он в 1892 году скончался. Все дела разросшегося и лучшего в столице антикварно-букинического предприятия возглавил его сын Павел Петрович Шибанов — один из крупных библиографов и антикваров страны. С 1885 по 1916 год Павел Петрович выпустил 168 каталогов, сыгравших большую роль в формировании истории русской книги XVIII—XIX ве-

ков. В 1892 году он издавал журнал «Библиографические записки» и принимал участие в работе Русского библиографического общества при Московском университете⁴⁷⁸, поддерживая тесные связи со всеми библиографами Москвы и Петербурга.

Павел Петрович Шибанов (1864—1935), продолживший дело своего отца, значительно расширил характер и масштабы антикварной торговли. Если отец занимался покупкой и продажей преимущественно отдельных редких рукописей и старопечатных книг или их небольших групп, то сын ввел в практику покупку целых обширных библиотек, стоимостью от 15 до 100 тысяч рублей каждая. Но в большей мере Павел Петрович удивлял не масштабами покупок, а своими знаниями, своей эрудицией. Вот что об этом писал один из его собеседников: «Большой популярностью пользовался Павел Петрович Шибанов... Это один из крупнейших знатоков, доходивший в своем деле до виртуозности. Спросишь его, бывало, в каком году издана такая-то книга, а он в мгновение не только на вопрос ответит, а приведет еще сведения о тираже, листаже, месте выхода и даже, по желанию, типографию назовет. Сразу и не верится, что человек может обладать такой памятью и осведомленностью»⁴⁷⁹.

Как большой любитель книг, Павел Петрович имел великолепное личное собрание, насчитывавшее около ста тысяч томов и редких рукописных материалов. После революции это собрание вошло в библиотеку Румянцевого музея, а ныне находится в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

После революции все книготорговое предприятие Шибанова было национализировано, а он сам, безоговорочно встретивший революцию, встал на службу Советской власти. С ноября 1918 года Павел Петрович стал экспертом Наркомпроса по учету и распределению национализированных книжных собраний и был специалистом по древнерусскому прикладному искусству и библиографии. С 1923 года, не покидая Наркомпроса, он заведовал антикварным отделом акционерного общества «Международная книга»⁴⁸⁰.

Параллельно с практической работой в Наркомпросе и в «Международной книге» Павел Петрович вел большую научную и преподавательскую работу.

ГЕРНЕТЫ

В Симбирской классической гимназии шел вечер в пользу нуждающихся гимназистов. Один из учащихся читал на греческом языке «Гибель Трои».

Его артистическая декламация произвела большое впечатление на присутствующих. Один из приглашенных запоздал к началу вечера, а при входе в зал встретил своего знакомого, который обратился к нему:

— Эх, батенька, ну и жаль, что вы опоздали. Какой-то Гернет читал сейчас на греческом языке, и мы все заплакали.

Опоздавший спросил знакомого: неужели он так хорошо знает греческий язык? Тот ответил, что ничего не знает по-гречески, но и так было все понятно, и все плакали, и он тоже ⁴⁸¹.

А через несколько месяцев, летом 1893 года, этот гимназист окончил гимназию. Его звали Михаил Гернет. Он был третьим-четвертым учеником в гимназии и кандидатом на получение серебряной медали, но тройка по географии при переходе из 4-го в 5-й класс помешала этому.

Михаил был первенцем в семье Николая Александровича Гернета, происходившего из обедневших дворян Петербургской губернии, дворянское звание которого не было подкреплено материально.

Николай Гернет родился в Новой Ладогe 27 мая 1844 года ⁴⁸². Он был шестым, предпоследним, ребенком среди пяти братьев и двух сестер в семье штаб-лекаря Александра Гернета. Мальчиком Николай был отдан в ка-

детский корпус, откуда его исключили из выпускного класса за участие в кадетском бунте.

После этого Н. Гернет переехал в Москву, где поступил в сельскохозяйственный институт. Вскоре он сблизился с революционно настроенным студенчеством и 13 апреля 1866 года был арестован по делу Каракозова. 7 мая 1866 года он заключен в Невскую куртину Петропавловской крепости, где находился по 8 октября этого же года. Следствие по делу возглавлял известный Муравьев-вешатель, который за дерзкое поведение Гернета на допросах подверг последнего ряду наказаний, в том числе ограниченному питанию. За сношение «с главными деятелями организации» и за предупреждение их о начавшихся арестах Николай был сослан в Вологодскую губернию, в село Тотьма, под надзор полиции, где ему пришлось перенести тяжелые материальные затруднения ⁴⁸³.

Находясь в ссылке, он сблизился с П. Лавровым и за участие в подготовке побега последнего в 1869 году получил дополнительный срок ссылки с переводом в город Ардатов Симбирской губернии, где провел еще семнадцать лет своей жизни. В Ардатове Гернет поступил на службу секретарем уездной управы.

В 1871 году он был освобожден от полицейского надзора без права проживания в столицах.

В апреле 1873 года Николай Александрович женился на Надежде Николаевне Филатовой ⁴⁸⁴, а через год, 24 июля 1874 года, у них родился сын Михаил ⁴⁸⁵.

Весной 1886 года отец отвез Михаила в Алатырскую прогимназию, где тот успешно сдал переводной экзамен во 2-й класс, будучи подготовленным дома. Осенью того же года Надежда Николаевна Гернет с тремя детьми была вынуждена переехать из Ардатова в Алатырь, чтобы дать возможность Михаилу посещать местную прогимназию. Но спустя три с половиной месяца, в конце декабря 1886 года, Николай Александрович получил перевод по службе в Симбирскую удельную контору, и вся семья Гернетов переехала в Симбирск, где поселилась в большом двухэтажном деревянном доме на Покровской улице (ныне ул. Л. Толстого, 8).

С января 1887 года Михаил Гернет продолжил свою учебу в Симбирской гимназии, окончив которую осенью 1893 года поступил на юридический факультет Московского университета.

В университете он стал активным участником нелегальных студенческих организаций, а потом и марксистского кружка.

После окончания университета в 1897 году с золотой медалью Гернет получил предложение остаться при нем для подготовки к профессорской кафедре. Но 7 ноября 1897 года на очередной студенческой сходке двадцать шесть человек были внезапно задержаны полицией и обысканы; из них семнадцать арестованы, в том числе Дмитрий Ильич Ульянов — брат В. И. Ленина. Остальных после обыска освободили. Михаил оказался среди последних.

Зато на другой день, 8 ноября, его квартира и все вещи были подвергнуты «тщательному и всестороннему обыску»⁴⁸⁶; а сам Гернет попал под негласный надзор полиции. Этого было достаточно для того, чтобы попечитель Московского учебного округа отказался оставить Михаила Гернета при университете. Только повторное ходатайство университета позволило Гернету уже в 1898 году возвратиться в стены учебного заведения для подготовки к научной деятельности.

Весной 1902 года Михаил сдал экзамены для подготовки на звание магистра, получил должность приват-доцента и право на заграничную научную командировку. С лета 1902 по осень 1904 года он объехал всю Европу — побывал в Берлине, Гейдельберге, Париже, Риме и десятках других городов. На французском языке он читал лекции в Париже и Брюсселе; детально ознакомился с организацией тюремного дела в Италии, Франции, Швейцарии и Германии.

Летом 1906 года Михаил Николаевич защитил диссертацию на звание магистра юриспруденции на тему «Социальные факторы преступности»⁴⁸⁷. В то же время он подготовил под своей редакцией и со своим авторским участием сборник «Против смертной казни» — как ответ на массовые казни участников первой революции в России.

Один из экземпляров этого сборника он летом 1906 года прислал в Симбирск отцу, который через некоторое время писал сыну: «Спасибо за сборник «Против смертной казни» — очень интересная книжка», — и далее, что, одобряя этот сборник, отец «развращает им карателей», прибывших в уезды Симбирской губернии для подавления крестьянских волнений⁴⁸⁸.

Примечательно то, что старший Гернет, будучи чиновником государственной службы, не утратил своих качеств шестидесятника. Он и одобрял сборник, подготовленный его сыном, и давал его читать другим, сделав книгу хорошим инструментом пропаганды.

В 1908 году Гернет выпустил второе, дополненное издание этого сборника, а затем, переведя на французский язык, издал его для заграницы, чем довел мнение русских прогрессивных юристов о смертной казни до сведения европейской общественности, которая выразила свою поддержку в осуждении действий царизма.

Ознакомившись с этим сборником, Анатолий Франс писал Гернету: «Как! После Маньчжурии надо еще советовать вашим палачам-бюрократам щадить кровь России?.. Пусть судьи ваши одумаются: они не судят, а убивают. Они обвиняют свои жертвы за покушения на «общественное благо». Но ведь в России еще не установлено общественное благо...»⁴⁸⁹.

В начале 1909 года Гернет совместно с другими предпринял попытку создания общества под названием «Лига борьбы против смертной казни». Но попытка оказалась неудачной. Правительство не разрешило организации общества, а его инициаторы, в том числе и Гернет, фигурировали в документах охраны как лица, «известные департаменту полиции своею политической неблагонадежностью»⁴⁹⁰.

В 1911 году Михаил Гернет в виде протеста против реакционных действий царского министра Кассо покинул Московский университет.

Очень интересным является сообщение от 4 апреля 1912 года начальника Московского охранного отделения министру внутренних дел. В нем говорилось, что 28 марта этого же года в одной из частных квартир Москвы проходило собрание русской группы Международного союза криминалистов. «Из речей, там произнесенных, — докладывалось в сообщении, — обращает на себя внимание речь Гернета... Гернет высказал, что преступников следует не наказывать, а лечить, что политическая и экономическая жизнь всех стран, а в особенности России, сама создает преступников... Далее в своей речи он коснулся, что в России большинство хронически недоедает, а меньшинство утопает в роскоши, причем граждане лишены самых элементарных прав... По мнению Гернета, самая лучшая мера для уменьше-

ния преступлений — это введение демократической республики, хотя бы насильственным кровопролитным путем»⁴⁹¹.

Так Гернет от осуждения смертной казни, от борьбы против ее применения приходит к сознанию необходимости революции в России.

Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Михаил Гернет возвратился на свою кафедру в Московский университет.

В 1928 году М. Н. Гернет одним из первых советских ученых получил звание заслуженного деятеля науки. После утраты зрения, к началу 1930-х годов, он стал персональным пенсионером, но не прекратил большой научной и общественной работы⁴⁹². Периодически читал лекции в университете, консультировал ряд советских государственных учреждений и ведомств, продолжал научную работу во Всесоюзном юридическом институте, в архивах Москвы и Ленинграда.

В 1936 году Академия наук СССР присудила Михаилу Николаевичу Гернету степень доктора юридических наук без защиты диссертации. Из шести научных зарубежных поездок три он совершил в советские годы. Он — автор более трехсот пятидесяти научных работ⁴⁹³.

Утрата зрения не помешала ему уже в годы Советской власти создать свой капитальный труд, раскрывающий историю политической борьбы в России. В пяти томах «Истории царской тюрьмы» шаг за шагом раскрывается борьба с царизмом, начиная с декабристов и кончая 1917 годом.

В 1943 году за этот труд М. Н. Гернет был удостоен звания лауреата Государственной премии, а в 1944 году в связи с семидесятилетием он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ученый-гуманист, ученый-патриот, один из лучших знатоков русской и иностранной юридической литературы, библиограф, знаток европейских языков, общественный деятель и педагог, воспитатель большой плеяды советских ученых-юристов, М. Н. Гернет скончался в Москве 16 января 1953 года.

Как правило, он ежегодно приезжал в Симбирск, проводя здесь, в доме родителей на Покровской, по полтора-два летних месяца, встречаясь со своей сестрой Надеждой.

В семье Николая Александровича и Надежды Николаевны Гернетов было пятеро детей — три сына и две дочери. Их мать в свое время окончила курс Елизаветинского института в Москве и возвратилась к отцу в город Ардатов Симбирской губернии, где с 1872 по 1876 год работала учительницей женского начального училища. Директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов неоднократно отмечал «особенное усердие и знание дела»⁴⁹⁴ молодой учительницы Надежды Гернет, «которая весьма способна и отличается любовью к делу»⁴⁹⁵. Но рождение второго, а затем третьего ребенка заставили ее оставить учительское дело. После этого она перенесла все свои заботы на воспитание и обучение собственных детей, которые, как правило, начинали писать и читать с четырех-пяти лет и с этих же лет под руководством матери начинали изучение французского и немецкого языков, обязательных в семье. Позже, когда сыновья учились в гимназии, Надежда Николаевна изучила латинский и греческий языки, для того чтобы оказывать им помощь.

Третьим в семье ребенком была Надежда. Она родилась 30 апреля 1877 года⁴⁹⁶ в Симбирске, хотя семья находилась еще в Ардатове. Как и все из детей этой семьи, она рано освоила чтение, письмо и языки. В домашних условиях под руководством матери и приходившего учителя она изучила курс гимназии, но для того, чтобы получить свидетельство о ее окончании, нужно было учиться в гимназии не менее двух последних лет. Поэтому в 1892 году Надежда Гернет была определена в Симбирскую Маринскую гимназию, которую окончила в 1894 году с золотой медалью⁴⁹⁷.

Осенью этого же года она поступила на математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, которые успешно окончила в 1898 году, и уехала в знаменитый Геттингенский университет в Германию. Там под руководством крупных математиков Гильберта, Клейна и Фохта Надежда Гернет изучала математику и в 1901 году, в двадцать четыре года, с отличием защитила диссертацию, получив звание доктора философии⁴⁹⁸.

Таким образом, она стала третьей в России женщиной-математиком, после С. В. Ковалевской и В. Ф. Лит-

виновой. Но докторское звание, полученное в иностранном университете, не признавалось царской администрацией, и Надежде Гернет пришлось по возвращении в Россию заново прокладывать путь к ученому званию и профессорской кафедре.

С осени 1901 года она — преподаватель математики Высших женских курсов, а с 1902 года — и первого педагогического института в Петербурге.

В 1905 году Гернет выдержала экзамен на степень магистра математики в Московском университете, а в 1915 году там же защитила магистерскую диссертацию, после чего была избрана профессором математики Высших женских курсов и педагогического института, а в 1917 году — профессором Петроградского университета⁴⁹⁹.

До самозабвения влюбленная в математику, она полностью отдавала себя науке, оставаясь в то же время удивительно обаятельной, радушной женщиной, гуманной и демократически настроенной патриоткой, снискавшей себе среди студенчества всеобщее признание и горячие симпатии.

Начиная свои лекции, она обычно говорила: «Я хочу открыть форточку науки, чтобы на вас пахнуло свежим воздухом математики». Она так живо и воодушевленно преподавала, казалось бы, очень сухой материал, что увлекала всех слушателей.

Профессор Гернет принимала близкое участие в жизни студентов, помогая им всем, что было в ее силах. Одна из ее учениц, ныне Герой Социалистического Труда академик П. Я. Кочина, в книге «Воспоминания» пишет:

«О Надежде Николаевне Гернет я должна рассказать особо. Это была женщина необыкновенной доброты и отзывчивости, сделавшая очень много для меня и для других... Читала лекции Надежда Николаевна очень живо, поддерживая все время контакт со слушателями... К Гернет всегда можно было прийти домой поделиться своими горестями или сомнениями или просто так заглянуть на «огонек». Она любила угощать чаем с сахаром и другими сладостями, в частности с желе, которое она сама варила.

Рассказывали, что несколько профессоров (называли их фамилии) делали предложение Надежде Николаевне, но она всем отказала. Существовала легенда,

что в молодости у нее был жених, который умер. Однако Ольга Николаевна опровергает эту легенду и говорит, что поклонники у ее сестры действительно были, но она твердо решила не выходить замуж, чтобы всецело посвятить себя науке»⁵⁰⁰.

О демократичности ее убеждений говорят и такие факты. Среди друзей, посещавших квартиру Надежды Николаевны, были: Г. А. Лопатин — друг К. Маркса и Ф. Энгельса, переводчик 1-го тома «Капитала» на русский язык (это он, Лопатин, пытался освободить Н. Г. Чернышевского из ссылки, и он же провел восемнадцать лет в царских тюрьмах); Н. А. Морозов — известный ученый, почетный академик, двадцать один год провел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; М. В. Новорусский — участник дела 1 марта 1887 года, судившийся вместе с Александром Ульяновым и восемнадцать лет отсидевший в одиночном заключении⁵⁰¹.

Часто по субботам у Н. Н. Гернет собирался круг друзей и знакомых. Запросто там бывал брат Михаил, который после ухода из Московского университета в 1911 году стал профессором Петербургского психоневрологического института и периодически приезжал в Петербург для чтения лекций. Нередко заглядывал сюда троюродный брат, математик и кораблестроитель академик Алексей Николаевич Крылов. Щутник и увлекательный рассказчик, он всегда вносил в круг собравшихся большое оживление. Бывали там и другой троюродный брат, знаменитый окулист академик Владимир Петрович Филатов, и академик Георгий Нестерович Сперанский⁵⁰².

В свои летние отпуска Надежда Николаевна приезжала в Симбирск, в старый дом на бывшей Покровской улице, чтобы повидаться с родителями, походить по улицам родного города, навестить своих симбирских друзей и знакомых. Здесь же, под родительским кровом, она встречалась с братом Михаилом.

Большой сад, примыкавший к дому Гернетов и спускавшийся к Свияге, располагал к отдыху, укрывая в своей тени от палящего солнца.

Гернеты через Филатовых находились в дальнем родстве с академиками Ляпуновыми, один из которых был математиком, а другой — филологом-славистом. Третий из братьев — известный композитор.

Также Гернеты состояли через А. Н. Крылова в дальнем родстве с академиком П. Л. Капицей.

С 1930 года и до конца своей жизни Надежда Николаевна Гернет была профессором математики Ленинградского политехнического института. Во время Великой Отечественной войны она не хотела эвакуироваться и осталась в блокадном Ленинграде. 23 июня 1943 года Н. Н. Гернет скончалась от истощения и болезни в одной из больниц города.

Так закончилась полная великого смысла жизнь одной из наших славных землячек, которая своим научным подвигом прокладывала и облегчала женщинам путь к равноправию, образованию и науке.

ДОМ НА НОВОКАЗАНСКОЙ

19 марта 1904 года в белый каменный дом на Новоказанской улице нагрянула полиция и произвела обыск. Хозяйка дома Александра Петровна Балакирщикова, мать известного симбирского купца Алексея Павловича Балакирщикова, растерянно крестясь и вздыхая, никак не могла взять в толк: что же привело к ней полицейских?

Обыскав все, полицейские ушли, прихватив с собой квартиранта. Допрошенный в полицейской части, он был отпущен и возвратился домой.

Этим квартирантом был Юрий Александрович Кролюницкий, человек степенный, уважаемый и просвещенный. Его в доме все любили, особенно маленький Павлушка, сын Балакирщикова.

Случай с обыском долго не выходил из головы хозяйки, но квартирант был так безупречен и обходителен, что Александра Петровна даже испытывала чувство стыда перед ним за полицейских. А ее сын Алексей Павлович прямо говорил: «Перепутали охломоны; пойдемте, Юрий Александрович, чайку с вареньицем попьем...» И они уходили в соседний дом, где с семьей жил Балакирщиков, долго там чаевничали, беседуя о чем-то. Квартирант возвращался за полночь, неслышно пробирался в свою комнату.

В летнюю пору, когда погода радовала, хозяин и квартирант садились в тарантас и уезжали «на дачу», в деревню Вожи. Там у Балакирщикова на Свяге была водяная мельница и дом с садом. Иногда хозяин отлу-

чался по делам, пропадая с неделю, а вернувшись, опять чаевничал с квартирантом на свежем воздухе.

Разговорам не было конца. Но проходило время, и тарантас, запряженный парой добрых лошадей, возвращал «дачников» в Симбирск. И кто бы мог подумать, что этот квартирант является одним из организаторов и руководителей Симбирской группы РСДРП, ее «мозгом»⁵⁰³ и «толкачом»⁵⁰⁴.

Юрий Александрович Кролюницкий родился 20 мая 1881 года в Саратове в семье гимназического учителя Александра Васильевича Кролюницкого, который в 1884—1885 годах преподавал историю и географию в Симбирской классической гимназии. Летом 1885 года большая семья Кролюницких переехала из Симбирска в Нижний Новгород.

По окончании гимназического образования Юрий Александрович поступил в Петербургскую военно-хирургическую академию. В феврале 1902 года за участие в студенческой сходке был исключен из академии и выслан в Казань, где находился под гласным надзором полиции, что, однако, не помешало ему продолжать революционную работу. В Казани он был арестован, подвергнут заключению, а затем выслан в Симбирск, где с октября 1903 года проходил военную службу рядовым 233-го Сурского резервного батальона, являясь уже с 1902 года членом РСДРП⁵⁰⁵.

Находясь в Симбирске, он занимался революционной деятельностью и вместе с «Младенцами» В. Орловым и В. Рябиковым стал организатором местной группы РСДРП. Будучи старше других по возрасту, обладая большей общеобразовательной подготовкой и опытом участия в революционных кружках Петербурга и Казани и имея к этому времени неоднократные встречи с полицией, Юрий Александрович занял ведущую роль в руководящем ядре Симбирской группы РСДРП. Эта роль, без сомнения, оставалась за ним до июня 1905 года, когда в Симбирск прибыли Дмитрий Ильич Ульянов и Зиновий Петрович Соловьев. Вероятно, летом 1905 года они включились в работу Симбирской группы, облегчив тем самым Кролюницкому руководство ее деятельностью. Сохранилась фотография руководящего ядра Симбирской организации РСДРП 1905—1906 годов. На ней запечатлены десять человек, и среди них Д. И. Ульянов, З. П. Соловьев и Ю. А. Кролюницкий⁵⁰⁶.

Возникшая в Симбирске весной 1904 года под влиянием ленинской «Искры» и исторических решений II съезда партии небольшая группа социал-демократов вела систематическую и успешную работу⁵⁰⁷. О характере и масштабах этой агитационно-пропагандистской работы В. Рябиков писал: «В 1903—1904 гг. прокламации в нашей организации печатались на гектографе тиражом в 100—200 экземпляров (за исключением прокламации «К запасным», выпущенной в количестве 4 тысяч экземпляров). В начале 1905 года они печатались и на гектографе, и на мимеографе в количестве от 100 до 1000 экземпляров, а с осени 1905 года — на ручном печатном станке в количестве от 300 до 1500 экземпляров».

После получения через ЦК партии печатной машины (в начале 1906 года) тираж прокламаций одного названия повысился от 3 до 20 тысяч экземпляров. В течение одного месяца количество выпущенных прокламаций доходило до нескольких десятков тысяч штук»⁵⁰⁸.

Возглавив работу среди солдат, Юрий Александрович был в то же время и «литератором» группы, то есть автором многих прокламаций и воззваний. Одним из первых, написанных им и напечатанных в декабре 1904 года в количестве 4000 экземпляров, было воззвание «Ко всем запасным»⁵⁰⁹.

Обращаясь к запасным, призываемым на фронты русско-японской войны, Кролюницкий писал: «Народу не нужна эта война, начатая против его воли. Ему нужно у себя на Руси устроить жизнь так, чтобы, кто трудится, тот и сыт был, а не так, как теперь... Народу нужно, чтобы правительство служило на пользу народа, а не на пользу богатых и сильных... Война касается всего народа, а потому и объявить ее имеют право лишь только выборные от народа люди, а не царь... Долой виновников войны! Да здравствует мир и народное правление!»⁵¹⁰.

Но не только разработка и составление прокламаций и воззваний входили в задачи Кролюницкого. На каждом из троих организаторов группы лежал ряд других обязанностей и поручений. В. Рябиков писал: «На практике наши роли все время путались, и каждому из нас приходилось выполнять самые разнообразные обязанности»⁵¹¹.

Распространение большевистских листовок в солдатских казармах, проведение там нелегальных политических бесед, организация работы конспиративной библиотеки-читальни для солдат, подготовка и проведение маевки 1 мая 1905 года и выступление с речью на этой маевке, руководство трехтысячным митингом в Старых казармах 29 июня 1906 года — все это составные части работы Юрия Александровича. В круг его обязанностей входило и обеспечение боевой работы группы, изыскание оружия, организация изготовления бомб, «а взрывчатые вещества приготавливал Кролюницкий на своей квартире... Бомбы пробовали, они оказались страшной силы»⁵¹².

По другим свидетельствам, на этой же квартире он «прятал в подвале печатный станок, на котором печатал прокламации»⁵¹³.

Сын А. П. Балакирщикова Павел писал в одном из своих писем: «Юрий Александрович был первым моим учителем; он по просьбе папы, в свободное от своих дел время, подготовил в гимназию меня. Поступил я в гимназию в 1905 году «без сучка и задоринки», сохранив о Ю. А. самые лучшие воспоминания. С отцом Юрий Александрович был в большой дружбе, скрепленной общей военной службой. В 1904 году оба, как вольноопределяющиеся, были направлены в Казанское военное училище. Там благополучно прошли подготовительные курсы и сдали экзамен на первый офицерский чин. Вернулись в Симбирск прапорщиками, зачислены в Сурский резервный батальон. В 1905 году оба получили назначение на Дальний Восток воевать с японцами. Стали уже собираться, но, на их счастье, как раз было объявлено перемирие, а затем и мир. Поездка отпала, и оба они почти немедленно подали рапорта об увольнении с военной службы. Уволились, сохранив свою дружбу»⁵¹⁴.

Факты, приведенные в письме Павла Балакирщикова, подтверждаются двумя фотодокументами.

Первый из них — фотография 1905 года, сделанная симбирским фотографом Никитиным. На ней изображены в павильонной съемке («с декорациями») сидящие А. П. Балакирщиков и Ю. А. Кролюницкий в военных мундирах, с погонами прапорщиков. Между ними в сапожках и с большим белым воротником стоит мальчик лет десяти-одиннадцати. Это — Павел.

Второй документ — фотография симбирского фотографа Горбунова, запечатлевшая стоящих рядом, локоть в локоть, Кролюницкого и Балакирщикова в гражданской одежде. Первый — в скромном костюме интеллигента, второй — в пиджаке, расшитой косоворотке, в брюках навыпуск, с картузом в одной и с тростью в другой руке. Кто бы мог подумать, что это — один из крупных симбирских купцов, владелец нескольких зданий в городе, большой паровой мельницы и издатель одной из симбирских газет!⁵¹⁵

Вторая фотография была сделана сразу же после увольнения обоих из армии и, вероятно, относится к поздней осени 1905 года или к весне 1906 года.

Далее автор письма продолжал: «На квартиру к Ю. А. приходило много неизвестных мне лиц, часто устраивались собрания, очевидно тайные, так как перед их началом Юрий Александрович мягко отправлял меня домой, если к этому времени я находился у него. Бывать же у Ю. А. я любил, преклоняясь перед его широкими знаниями жизни, привязавшись к нему за время наших занятий...

Полиция и жандармы напали на какой-то след, арестовали многих членов этой организации, и Юрию Александровичу только с помощью папы, почти случайно, удалось вовремя скрыться и уехать потом за границу. Обосновался Ю. А. в Париже. Папа долгое время, чуть не до мировой войны, поддерживал с Ю. А. регулярную, хотя и нечастую связь...

При последнем уходе Кролюницкого с нашего двора, уже в воротах, папа успел сделать с него удачный фотоснимок. У нас долго хранилась эта фотография, к сожалению, до сих пор она не сохранилась».

Зато сохранилась другая фотография Кролюницкого, сделанная А. П. Балакирщиковым в деревне Вожи. Революционер сфотографирован сидящим в непринужденной позе отдыхающего человека, привалившимся к стволу молодого деревца.

Уже в 1905 году Кролюницкий имел связь с революционной эмиграцией и, живя в доме Балакирщикова, вел переписку с заграницей. В октябре 1905 года жандармы перехватили письмо из Симбирска в Женеву, адрес которого был написан по-французски. Некто Шэмен Гурка писал: «...я произведен в прапорщики и оставлен в Симбирске же. Город у нас проснулся. В

России что-то грандиозное творится, поэтому, прощаясь с тобой, готов сказать «до демократической республики». Скоро, вероятно, закончу свою службу и поступлю в Академию. Твой Егор».

Вот какую справку дал по поводу этого письма вахмистр, которому было поручено установить личность «Егора»: «Негласной разведкой выяснено, что из вольноопределяющихся Сурского батальона 26 сентября в прапорщики запаса был произведен Юрий Кролюницкий... так надо предполагать, что он и есть «Егор»... Собирается в Петербург для поступления в Военно-Медицинскую Академию...»⁵¹⁶.

Но обстоятельства помешали Кролюницкому осуществить свое намерение. Он жил в Симбирске до 11 сентября 1906 года, когда произошел провал конспиративной квартиры Симбирской группы РСДРП в доме В. В. Орлова, после чего Кролюницкий немедленно покинул Симбирск, а затем и эмигрировал.

«После удачного исчезновения Кролюницкого сразу же полиция нагрянула к нам с обыском. Перевернули весь папин кабинет и книги в небольшой библиотеке. Папа в кабинете же выставил обыскивающим обильное угощение, может быть, к угощению чего-нибудь и добавил, так или иначе, после нескольких допросов папу оставили в покое»⁵¹⁷.

Произведен был обыск и в квартире исчезнувшего Кролюницкого⁵¹⁸.

«Все переживали, когда у нас производился обыск в 1906 г. в связи с революционными делами Ю. А., и была всеобщая радость, когда отцу удалось помочь ему скрыться и уехать во Францию...» — писала дочь Балакирщикова в письме от 26 ноября 1970 года, а ее брат в цитированном выше письме продолжал: «Знаю, что в Париже Ю. А. женился на француженке, а после Октябрьской революции вернулся на Родину. Жил в Казани»⁵¹⁹.

И снова свидетельство К. А. Балакирщиковой: «Передавали еще маме в году 1922—1923, что после революции он (т. е. Ю. А. Кролюницкий — А. Бл.) приехал в Казань, работал при Казанском медицинском институте, он, медик, хотел встретиться с нашей семьей, но не успел, заразился тифом и умер»⁵²⁰.

Письма людей, непосредственно знавших Кролюницкого, сопровождаемые рядом ранее не известных дета-

лей, вполне достоверны и не расходятся с другими, уже проверенными данными. Действительно, Юрий Александрович, будучи в Париже, получил высшее медицинское образование, в 1917 году возвратился в Россию, а в 1918 году, заразившись тифом, скончался в Казани⁵²¹.

Находясь в эмиграции, Кролюницкий вел переписку с симбирянами, в частности с В. Орловым, жившим в Подмоскovie. Последний в письме от 7 января 1908 года к активному члену Симбирской группы РСДРП Марии Георгиевне Яковлевой говорил: «Последнее время все как-то не писалось и плохо думалось, и только теперь урвал минутку (и то ночью), чтобы написать вам и Юрию». В этом же письме В. Орлов продолжал: «Юрий мне пишет, но все больше о высоких материях, и о «русском театре» ничего пока что не писал»⁵²².

Обосновавшись в Париже, Кролюницкий стал корреспондентом газеты симбирских большевиков «Наши дни». В ее девятом номере за 18 апреля 1907 года за подписью «Юрий» была напечатана его статья «Париж (от нашего корреспондента)». В ней он писал: «Великая Русская Революция своим могучим дуновением стряхнула пыль обыденщины с рабочих Европы. Русские битвы напомнили им былые сражения за свое счастье, за социализм. Клич русского пролетариата стал призывным набатом для европейского...»

А в конце статьи мы читаем: «Русские рабочие своей гигантской борьбой революционизируют пролетариат всего мира, в его лице получили стойкого, поседевшего в боях товарища. Если в минуты неудач, которые всегда неизбежны, русский рабочий выпадает в горькое уныние, пусть он вспомнит, что здесь, за границей, подымается громадная, могучая армия, которая подаст ему дружескую руку и поможет совершить благородную задачу, свалив самодержавие, очистить путь для победоносного шествия к социализму...»

В тринадцатом номере (за 5 мая 1907 года) той же газеты за подписью «Юрьев» опубликована другая статья Кролюницкого — «Париж 1907 г. (от нашего корреспондента)». В ней он писал: «...со времени моего пребывания здесь Париж представляет военный лагерь. Никто еще, кажется, в такой широкой степени не пользовался войсками для замены ими забастовавших стачечников, как Клемансо. При малейшей мирной демон-

страции со стороны рабочих улицы города переполняются вооруженными же рабочими-солдатами. Войско сейчас единственный оплот буржуазии: только за его штыками она себя и чувствует свободно. Вот почему буржуазия, в лице ее прессы, судов в полиции, с остервенением набрасывается на социалистов, всякий раз, когда они «осмеливаются» открыто заявить правду и открыто сделать из фактов определенные выводы...».

Обе статьи написаны прекрасным литературным языком, глубоки по содержанию и анализу обстановки и отражают влияние первой русской революции на рабочее движение во Франции.

* * *

Итак, с марта 1904 по 11 сентября 1906 года Ю. А. Кролюницкий снимал квартиру на Новоказанской улице в доме Балакирщикова⁵²³. В соседнем деревянном доме⁵²⁴ жил сам Балакирщиков, связи которого с симбирскими революционерами представляли интерес.

Дело в том, что в тот роковой день 11 сентября 1906 года, когда «провалилась» конспиративная квартира симбирских большевиков, Балакирщиков обеспечил Кролюницкого деньгами, позволившими ему немедленно покинуть Симбирск, а затем эмигрировать.

То же самое он сделал и в отношении В. Рябикова. Последний в своем письме к Глебу Рогозину просил передать благодарность Балакирщикову за деньги, давшие ему возможность срочно покинуть Симбирск после провала.

В. Орлов в письме из симбирской тюрьмы в январе 1909 года просил оказать ему помощь деньгами на дорогу в далекую сибирскую ссылку. При этом он рекомендовал обратиться к ряду лиц, третьим из которых был указан «Алексей Павлович Балакирщиков (Новоказанская, собств. дом №, кажется, 14 или 16)»⁵²⁵.

А в своем следующем письме, также из тюрьмы, от 29 января 1909 года, Орлов просил передать благодарность Балакирщикову за деньги, нелегально полученные от него⁵²⁶.

Таким образом, Балакирщиков не только знал всех трех членов руководящего ядра Симбирской большевистской организации, но и оказывал им помощь. Знал

он и других революционеров. Так, передача денег в тюрьму В. Орлову осуществлялась через посредство члена подпольной организации Марии Георгиевны Яковлевой⁵²⁷.

Балакирщиков принимал участие в качестве оратора в большом митинге протеста против преследований членов Московского Совета рабочих депутатов, проходившего 29 июня 1906 года под председательством Ю. А. Кролюницкого.

Он же был издателем оппозиционной царизму газеты «Симбирские вести», закрытой в апреле 1907 года⁵²⁸. Любопытно, что эта газета в номере за 23 декабря 1906 года сообщала: «Известный симбирской публике Юрий Кролюницкий Казанской судебной палатой привлекается по 131 статье за участие в военном митинге». Это не что иное, как уведомление недавно бежавшего из Симбирска приятеля о грозящей ему опасности, предупреждение, напечатанное в газете под видом эпизода местной жизни.

Все это — не случайные поступки, а осознанные действия человека, на котором, надо полагать, сказалось идейное воздействие Кролюницкого. Любопытно, что газета «Наши дни» в девятом номере за 18 апреля 1907 года в рубрике «Местная жизнь» сообщала: «Одновременно с произведенными в д. Вожи арестами крестьян был также произведен обыск у бывшего издателя «Симбирских вестей» А. П. Балакирщикова, который там арендует мельницу. Найдена между старыми газетами прокламация «Чего хотят социал-демократы». Более преступного ничего не оказалось».

Таким образом, сам Балакирщиков находился под внимательным оком жандармерии. Его газета закрыта. У него произведены обыски как в симбирском доме, так и на даче в деревне Вожи. Хранение же им партийной прокламации говорило не только о том, что он был близок к членам подпольной организации социал-демократов, но и о том, что он в какой-то мере разделял их взгляды и убеждения. Характерно, что не только обездоленные пролетарии, но и отдельные представители имущих классов, одним из которых был Балакирщиков, сочувствовали большевикам и помогали им в борьбе с царизмом⁵²⁹.

ДАР КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Симбирск. Весна 1919 года. Время трудное, тяжелое. Колчак рвется к Волге. Город на военном положении. Он превратился в военный лагерь. На улицах то и дело встречаются колонны красноармейцев, санитарные повозки, походные кухни. Запряженные шестерками коней артиллерийские орудия, гремя по булыжным мостовым, движутся к вокзалу на погрузку для отправки за Волгу — на фронт. На площадях города занимаются строевой подготовкой новые подразделения. Им тоже скоро на фронт. Иногда проносятся редкие автомашины, а чаще, неистово стрекоча, пролетают по улицам мотоциклы. Горожане уже привыкли ко всему этому и не обращают внимания на то, что недавно казалось необычным.

Но что это? По тротуару, не торопясь, с достоинством шагает седой старик в генеральской шинели. Шинели, развеваясь от ветра, открывают свою ярко-красную подкладку, не оставляя никаких сомнений в том, что идет генерал. Многие прохожие замедляют шаги, оборачиваются ему вслед, удивленно глядя на этот обломок старого мира, а некоторые посылают ему вдогонку не очень лестные фразы. И только очень немногие знают, что это — бывший генерал Жиркевич, который был гостем Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне, другом И. Е. Репина, знал лично и переписывался со многими русскими знаменитостями: писателями, художниками, артистами, — что этот старик — внук бывшего симбирского губернатора.

В 1915 году в связи с приближением линии фронта из западных губерний старой России устремился поток беженцев на восток. Немало их тогда прибыло и в Симбирскую губернию. В числе этих беженцев оказался малоизвестный литератор Александр Владимирович Жиркевич (1857—1927), оставивший после себя очень ценный многотомный дневник и записанные воспоминания о встречах с крупнейшими деятелями русской культуры конца XIX — начала XX века.

Имя А. В. Жиркевича вошло в историю русской культуры как имя ее летописца. Пожалуй, трудно встретить хоть одно крупное исследование по истории русской литературы и искусства на рубеже двух веков, которое бы не опиралось в той или иной степени на дневниковые или другие материалы Жиркевича. Это особенно ярко видно в отношении Л. Н. Толстого, И. Е. Репина, И. К. Айвазовского, М. М. Антокольского, А. Н. Апухтина, В. В. Верещагина, К. М. Фофанова и многих других.

Более одиннадцати лет Жиркевич прожил в нашем городе на улице Комиссариатской (ныне ул. Кузнецова). Он происходил из обедневшей дворянской фамилии и был человеком, полным противоречий, человеком с трудным и сложным характером.

По окончании в 1888 году Петербургской Военно-юридической академии Жиркевич получил назначение в Вильну (ныне Вильнюс), где служил помощником военного прокурора, а затем военным следователем и военным судьей. В 1908 году, только что получив звание генерал-майора, он в знак протеста против введения военно-полевых судов и смертной казни для политических вышел в отставку⁵³⁰ и до лета 1915 года проживал в Вильне. Такой поступок, как выход в отставку по политическим мотивам, в условиях столыпинской реакции являлся смелым шагом, исполненным гражданского мужества.

Став военным юристом, Жиркевич вместе с тем живо интересовался литературой и искусством. Еще в 1885 году он вошел в круги петербургской интеллигенции. Был лично знаком и имел переписку с Л. Толстым, Лесковым, Чеховым, Фетом, Фофановым, Апухтиным, с нашим земляком поэтом А. Коринфским, со многими музыкантами, художниками, учеными и общественными деятелями.

Его стихотворные и прозаические произведения печатались в «Вестнике Европы», ряде провинциальных и столичных журналов, а также вышли в девятнадцати отдельных изданиях, четыре из которых печатались в Петербурге.

Жиркевич трижды посетил Льва Толстого в Ясной Поляне, оставив интересные записи в своем дневнике о великом писателе и его окружении⁵³¹.

В 1887 году в Гатчине, на квартире поэта К. М. Фофанова, Жиркевич познакомился с И. Е. Репиным⁵³². Знакомство переросло в тесную дружбу, длившуюся почти двадцать лет. Жиркевич часто бывал гостем художника в Петербурге и в его имении Здравнево под Витебском. Репин, в свою очередь, вместе с сыном Юрием был гостем Жиркевича в Вильне. Художник оставил два портрета своего друга, один из которых, написанный в 1888 году, находится в собрании Ульяновского художественного музея, а другой, относящийся к 1891 году, — в Русском музее в Ленинграде.

Если проследить переписку Репина с писателями и литературными деятелями за девятнадцать лет, с 1888 по 1906 год, то оказывается, что из ста семидесяти девяти писем, написанных художником в этот период разным лицам, девяносто шесть адресованы Жиркевичу⁵³³. Это говорит о тесной духовной связи, которая существовала между Репиным и Жиркевичем.

Жиркевич однажды рассказал Репину историю одной дуэли. На основе этого рассказа сложился сюжет, и художник в 1896 году написал одну из замечательных своих картин — «Дуэль» (первый вариант), имевшую громадный успех на Венецианской выставке того же года. 4 сентября 1896 года Репин писал другу: «...неужели я Вам не писал о своей глубокой благодарности за протоколы дуэлей?! Ведь я все время по получении их разрабатываю мотив, который меня очень тронул, — примирения дуэлянтов»⁵³⁴.

О близости отношений между Репиным и Жиркевичем свидетельствует концовка письма художника от 21 февраля 1897 года: «...пожалуйста, если приедете в Питер, прямо ко мне с вокзала, место есть. А то ведь я Вас и не успею как следует повидать. Ко мне, ко мне! Без церемоний»⁵³⁵.

Летом 1906 года дружба между ними была разорвана Репиным, возмущившимся тем, что Жиркевич

свои воспоминания о художнике Айвазовском напечатал в журнале реакционного направления. Но в это же время Александр Владимирович приобрел другого, пожалуй, не менее значительного друга в лице А. Ф. Кони — известного прогрессивного судебного деятеля и литератора. Переписка с ним продолжалась и после революции, то есть тогда, когда Жиркевич жил в Симбирске.

Через год после прибытия в наш город, в июне 1916 года, Жиркевич вошел в ходатайство перед Симбирской ученой архивной комиссией о сохранении каменной надгробной плиты на могиле поэта Д. Д. Минина⁵³⁶. Вскоре после этого, 6 июля 1916 года, он стал членом ученой архивной комиссии.

В этом же 1916 году Жиркевич становится инспектором учебных заведений Симбирска и по долгу службы часто посещает чувашскую учительскую семинарию, где познакомился и близко сошелся с известным просветителем чувашского народа И. Я. Яковлевым. По рассказам и под диктовку последнего Жиркевич написал обширную, в несколько сот страниц, биографию своего друга⁵³⁷, а позже задался целью создать при учительской семинарии чувашский историко-этнографический музей.

В Симбирске Жиркевич встретил революцию, пережил приход и изгнание белогвардейцев.

Сохранилась любопытная деталь, характеризующая бывшего царского генерала. Когда поражение белогвардейцев в Симбирске было предreshено, Жиркевича уговаривали покинуть город вместе с отступающими белогвардейскими частями. Ему на дом даже принесли гражданский костюм, чтобы он бежал из города переодетым, а не в старой генеральской форме. Но Жиркевич отказался и от костюма и от побега⁵³⁸.

В Симбирске же А. В. Жиркевич пережил вместе с семьей страшный голод 1921—1922 годов.

В июле 1922 года он предложил губисполкому за чрезвычайно низкую цену, по существу даром, свою художественную коллекцию. Газета «Правда» от 3 августа 1922 года писала об этой коллекции:

«Кого тут только нет... одних только рисунков и прочих произведений Брюллова имеется до двадцати. Есть работы Репина, пять альбомов с эскизами деревьев и леса Шишкина, работы Бруни, Егорова, Тропини-

на, Кузнецова, Боголюбова, Верещагина, Трутовского, Попова, Нестерова, Перова, Левитана, Сверчкова, Заряно, Айвазовского, Трутнева, Угрюмова...

Из иностранцев — работы Леруа, Лампи, Мейсонье, Пуссена, Калама, Орас-Вернье, Давида и многих других... Но этим не исчерпываются сокровища. Тут замечательные библиографические редкости: издания времен Петра, Екатерины, рукописное евангелие 16 века... Одни русские мастера представлены в 1500 экз. разных работ, а иностранные — до 150.

Кто же владелец упомянутых сокровищ? Бывший гражданский генерал, военный судья А. В. Жиркевич... Он назначил поразительно скромную цифру, ни в коей мере не приближающуюся к действительной рыночной стоимости перечисленных вещей.

Как же реагировали на это дело?

Первое слово секретаря губкома... было: премировать. Премировать гражданина Жиркевича за то, что, несмотря на тягчайшую нужду, не продал с молотка, а сохранил ценности, имеющие значение для Республики...

И Жиркевича премировали. В качестве премии он получил пять пудов пшеничной муки, что в условиях тогдашнего голода было величайшей ценностью и дороже всяких денег.

Передавая городу свою коллекцию, 27 июля 1922 года Жиркевич написал в губком партии взволнованное письмо: «Счастлив, что сохранил для великой матери-Родины бесценные художественные сокровища, не соблазнившись в трудные минуты жизни предложениями, неоднократно мне деланными, — продать их в частные руки... обеспечив себе безбедное существование; я всегда был того убеждения, что все, принадлежащее России, должно в ней и остаться... Но умолкаю, так как не могу выразить всего того, что горит в эту минуту в моей растроганной душе. Благодарю за братские любовь и привет, братски же, с любовью отвечаю тем же»⁵³⁹.

За строчками письма: «...не соблазнившись в трудные минуты жизни предложениями, неоднократно мне деланными...» — было вот что. В Симбирске, как и в других городах Поволжья, охваченном тогда голодом, находился персонал американской миссии «АРА», осуществлявшей помощь голодающим. На квартиру к Жир-

кевичу дважды приходили американские господа с предложениями продать им коллекцию художественных произведений и с обещанием «озолотить» и обеспечить продуктами голодавшего коллекционера и его семью. Но Жиркевич не пошел на это, хотя находился в тяжелейших условиях⁵⁴⁰.

Помимо своей коллекции Александр Владимирович преподнес губкому партии в качестве дара более ста книг и рукописей XVI—XVIII веков.

Коллекция Жиркевича, поступившая в Симбирский художественный музей, сразу же в два раза увеличила его собрание.

Все, кто бывал в Ульяновском художественном музее, без сомнения, помнят прекрасный неоконченный портрет Павла Кукольника работы знаменитого Карла Брюллова. Когда-то этот портрет предназначался Жиркевичем для Русского музея, но Репин отговорил друга от пожертвования, и работа Брюллова оказалась в Ульяновске.

Примерно в это же время, в начале 20-х годов, Жиркевич через профессора Московского университета А. И. Яковлева передал Государственному Румянцевскому музею свою коллекцию старинного оружия. О размерах и количестве переданных реликвий можно судить по тому, что вес отправленных вещей составил двадцать девять пудов, или почти полтонны⁵⁴¹.

Находясь в Симбирске и наблюдая ход революции в местных условиях, А. В. Жиркевич писал в своей автобиографии: «...революция еще далеко не кончилась, как наивно думают многие. Она еще продолжается и придет к тому, что ею было провозглашено: к свободе, равенству, братству, к торжеству культуры, любви к Родине и ко всяческой Правде»⁵⁴².

Уехав из Симбирска в 1926 году, Жиркевич передал в Толстовский музей в Москве свой обширный по объему и очень значительный по содержанию и ценности архив, содержащий летопись русской культуры на рубеже двух веков.

В конце 1926 года он выехал в Вильнюс для решения имущественных вопросов своей жены, где и умер в июле 1927 года.

При всей противоречивости своей натуры и мировоззрения Жиркевич оставался горячим патриотом России и твердо верил в революцию.

«ОДИН ИЗ ВСЕХ СПЕЦИАЛИСТОВ...»

Кто из ульяновцев не знает здания Госбанка на углу улиц Гончарова и Дмитрия Ульянова? Изысканная ионическая колоннада, тонкий рисунок декора второго этажа, эркер и ризолит придают ему свой запоминающийся облик.

И здание напротив, где размещается Центр научнотехнической информации, также с эркером и ризолитом, с керамическим бордюром по карнизу... Оно и похоже на первое здание, и в то же время решено по-своему, а оба они составляют своеобразный архитектурный ансамбль, красиво оформляя два угла улицы Дмитрия Ульянова.

Эти здания, а также здания пожарной команды в Пожарном переулке, первой в городе электростанции на улице Минаева, 25-й восьмилетней школы на улице Красноармейской и многие другие построены по проектам Ф. Е. Вольсова. Он же приложил много усилий в борьбе против оползней в районе известных в свое время озера Маришка, переулка Курмышок и всего откоса берега Волги от Смоленского до Тихвинского спусков.

Двадцать четыре года наиболее плодотворного периода своей жизни он отдал Симбирску — Ульяновску. Менее чем за семь лет по проектам Вольсова в Симбирске было построено свыше двух десятков зданий, часть из которых и поныне не утратила своей оригинальности и особенностей архитектурного «почерка», присущего только автору этих творений.

Феофан Евтихеевич Вольсов родился 7 декабря 1879 года в селе Усть-Сылва Пермского уезда. В июле

1904 года он окончил институт гражданских инженеров в Петербурге.

Это был интересный человек разносторонних дарований и большой трудоспособности. Он — не только инженер-строитель, но и архитектор, музыкант, любитель театра, большой знаток истории искусства и литературы, обладатель ценнейшей библиотеки: в ней было более трех тысяч томов специально подобранной литературы. В старом Симбирске продавалось литографированное издание нот собственных музыкальных произведений Вольсова. Это были небольшие пьесы для фортепиано. Среди них — элегия и марш, полька и мазурка, мадригал, музыкальный момент и другие.

Серьезность его увлечения театром была такова, что однажды он даже предпринял специальную поездку в Москву (разумеется, на свои средства), где изучил принципы и режиссерские приемы постановки пьесы МХАТа «Сверчок на печи», а возвратившись в Симбирск, поставил эту пьесу и сам исполнил в ней одну из ролей. В другой раз он с коллективом любителей поставил пьесу Ростана «Сорванец», в которой также принял участие как артист. Недаром в советские годы Вольсов был избран руководителем театральной секции отдела народного образования губисполкома.

Увлечение театром помогло архитектору вначале познакомиться, а потом и подружиться с театральным художником К. П. Цыгвинцевым.

Среди работ, произведенных Вольсовым в Симбирске — Ульяновске, особо стоит первая, и самая сложная, — реставрация Дома-музея В. И. Ленина, проведенная в 1928—1929 годах. Эта работа осуществлялась под руководством Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Реставрировалось не только здание, но и вся усадьба. Анна Ильинична хорошо помнила, например, что в юго-западном углу сада была беседка, но к 1928 году она оказалась утраченной. Где именно находилась беседка? Пришлось зондировать почву, и по обнаруженным в ней остаткам основания определено не только само место, но и длина и ширина беседки.

Именно тогда здание Дома-музея, очищенное от позднейших достроек и наслоений, приобрело тот вид, в каком мы его видим сегодня. Для этого потребовался большой и кропотливый труд. Это были первые в истории города реставрационные работы.

Сохранился фотоснимок, ставший историческим документом, на котором Анна Ильинична Ульянова-Елизарова сфотографирована среди членов реставрационной комиссии Дома-музея. На этом снимке мы видим и Вольсова⁵⁴³. А в семье Вольсовых в Москве до сих пор хранится как семейная реликвия другой фотоснимок Анны Ильиничны, подаренный ею Вольсову в память их сотрудничества во время реставрации Дома-музея⁵⁴⁴.

По проектам и под техническим руководством Вольсова была проведена перестройка интерьера здания бывшего земства (ныне Дом офицеров), восстановлено после пожара здание кинотеатра «Художественный» и произведено много других работ.

Революцию Вольсов встретил сочинением гимна «Возрождение», который был исполнен в городском театре, а когда встал вопрос о сооружении в Ульяновске памятника Борцам революции, Вольсов принял участие в конкурсе проектов и оказался его победителем; непосредственно под его руководством был сооружен в 1927 году этот памятник-обелиск на Новом Венце.

Вольсов не только с одобрением встретил Октябрьскую революцию, но и не поддавался в сентябре 1918 года ни уговорам, ни угрозам со стороны белогвардейцев, требовавших, чтобы он покинул город вместе с ними, что сделали многие из представителей старой интеллигенции.

В протоколе № 25 заседания Ульяновского городского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов от 6 ноября 1932 года о Вольсове говорится: «В момент гражданской войны один из всех специалистов остался на своем посту и принял на себя всю тяжесть технического руководства всем коммунальным, гражданским, дорожным и др. хозяйством, как инженер показал себя примером и спаял вокруг себя крепкое ядро специалистов»⁵⁴⁵. Тогда он был награжден Почетной грамотой городского Совета, именными часами и денежной премией в триста рублей.

Вольсов работал главным архитектором города, начальником коммунального хозяйства и главным инженером коммунального хозяйства города. Он был депутатом городского Совета нескольких созывов.

Среди заслуг Феофана Евтихеевича — его ревностная борьба за сохранение художественных ценностей

города. Время было сложное и, что говорить, лихое. Много создавалось и рождалось вновь, немало и рушилось.

Больших усилий, энергии и настойчивости стоила Вольсову защита от сноса памятника Карамзину, металлических оград дома Шатрова и дома Языковых, где останавливался А. С. Пушкин. Стране был нужен металл, и под этим предлогом отдельные горячие головы считали возможным и необходимым смахнуть весь «буржуазный хлам».

К счастью, здравый ум и культура тогда победили.

Вольсов занимался и педагогической деятельностью. С 1911 по 1916 год он преподавал технологию в школе огнестойкого строительства, а в советское время был преподавателем строительного и дорожного техникумов.

В 1934 году он был отозван в Москву, в распоряжение Всероссийского совета коммунального хозяйства, а затем на протяжении десяти лет вел преподавательскую работу в Московском институте инженеров транспорта.

В декабре 1938 года ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре проектирования и постройки зданий, а в январе 1943 года он защитил диссертацию кандидата технических наук⁵⁴⁶.

В феврале 1945 года на шестьдесят шестом году жизни Феофан Евтихеевич скончался в Москве.

ЧАРОДЕЙ СЦЕНЫ

Бывает, что случай наталкивает на поиск. Так вышло, когда на страницах журнала «Вопросы истории» № 1 за 1969 год к столетнему юбилею Надежды Константиновны Крупской была опубликована статья работников кремлевской Квартир-музея В. И. Ленина Л. И. Куницкой и К. А. Маштаковой. В этой публикации есть любопытная деталь:

«Часто приезжал в Москву художник театра из Симбирска, родного города Владимира Ильича, Калинин. Он приходил к Н. К. Крупской в Наркомпрос, рассказывал о творческих планах, а летом 1922 года прислал пять небольших снимков декораций к новым постановкам театра — «Павел I» и «Юлий Цезарь». Надежда Константиновна показала снимки Владимиру Ильичу.

В. И. Ленин посмотрел фотографии и сказал, что театры все классикой увлекаются, нет современного революционного репертуара, хотя классика, конечно, нужна. Вспомнил Ильич, как подростком ходил в этот театр, а потом заговорил о семье, о детстве и юности. Лицо стало печальным. Надежда Константиновна даже пожалела, что показала ему эти снимки. Но он улыбнулся и прибавил, что как только ему станет лучше, они выберут свободную минутку и обязательно съездят в Симбирск. Непременно съездят...»⁵⁴⁷

Естественно, это сообщение не могло не заинтересовать ульяновцев. Что за художник Калинин? Было известно, что в Симбирском театре именно в этот период, в 1920—1923 годах, работал совсем другой художник.

Пришлось обратиться к документам Госархива. На пожелтевших от времени листах архивных дел Симбирского театра за 1922—1923 годы была найдена фамилия Калинина и его инициалы — И. П. Во всех документах он фигурирует как директор театра; иногда он выезжал в командировки в Москву. Сомнений нет — именно тот Калинин⁵⁴⁸. А вот и имена художника-декоратора — Цыгвинцева Константина Петровича — и его жены Екатерины Васильевны, делопроизводителя театра.

Встречи и беседы со многими старожилыми города подтверждали, что в Симбирском театре в тот период художником-декоратором работал К. П. Цыгвинцев. Об этом же говорилось в брошюре «Ульяновский госдрамтеатр. Сезон 1935—1936 гг.», в которой помещен портрет Цыгвинцева с аннотацией: «...с 1919 г. служит беспрерывно в Ульяновском театре...»⁵⁴⁹.

Выходит, что директор театра И. П. Калинин высылал Надежде Константиновне снимки с декораций Цыгвинцева, оформлявшего все спектакли в нашем театре.

Таким образом, В. И. Ленин увидел работы симбирского театрального художника, которые вызвали у него воспоминания о родине и желание «непременно съездить» в Симбирск, так и не осуществившееся.

Кто же такой Цыгвинцев?

Более пятидесяти лет жизни К. П. Цыгвинцев отдал театру, и из них почти двадцать — театру нашего города. Это был, несомненно, талантливый и необычайно трудоспособный человек. Он много читал. Особенно любил Чехова. Любил музыку Чайковского, Верди, а самым любимым его произведением была «Элегия» Массне в исполнении Ф. И. Шаляпина.

Перед постановкой каждого нового спектакля он пересматривал груды литературы и других материалов, прежде чем решить, в каком «ключе», в какой цветовой гамме, в каком архитектурном строе решить декорации и костюмы спектакля. Он отлично владел техникой декорационной живописи, знал уйму специфических «секретов» и был мастером сценических эффектов, которыми поражал воображение публики. Многие спектакли, оформленные Цыгвинцевым, начинались с бурных и продолжительных оваций публики, очарованной красотой сцены, и только после двух-трех выходов из-за

кулис невысокого и, казалось бы, ничем не примечательного человека артисты могли начать спектакль.

Константин Петрович Цыгвинцев родился в Симбирске 27 декабря 1882 года в семье театрального декоратора, машиниста сцены и бутафора Петра Харитоновича Цыгвинцева. Его мать — Анастасия Семеновна — была театральным реквизитором⁵⁵⁰. Семья Цыгвинцевых много путешествовала в гастрольных разъездах, и, начав свою учебу в Симбирске, Константин Цыгвинцев окончил ее в 1897 году в Перми, где его родители некоторое время работали в одном из горнозаводских театров. По окончании Пермского городского училища он поступил в тот же театр, где трудился его отец, и под руководством последнего работал и учился несколько лет.

В 1900—1904 годах трое Цыгвинцевых работали в театрах ряда поволжских городов, и в том числе в Нижегородском театре Фигнера.

В конце 1904 года Константин Цыгвинцев был уже декоратором в оперной труппе Церетели в Петербурге. Там он познакомился с выдающимися представителями русской интеллигенции, с одним из крупных художников Н. К. Рерихом, со скульптором К. И. Изенбергом и многими другими. Под влиянием Рериха молодой Цыгвинцев стал посещать классы художественного училища Общества поощрения художеств, где повысил свою профессиональную подготовку. В семье Цыгвинцевых как реликвия хранился билет на право занятий в художественном училище, подписанный Н. К. Рерихом.

Летом 1907 года он уже как художник прибыл в Симбирск и работал в местном театре. Но осенью этого же года Цыгвинцев опять в Петербурге, в частной опере Церетели. Там в 1907 году он оформил оперу «Золотой петушок» Римского-Корсакова.

С. Левик в своих «Записках оперного певца» упоминает К. Цыгвинцева рядом с именами таких деятелей русского музыкального искусства, как А. Глазунов, М. Гнесин, Н. Черепнин и другие⁵⁵¹.

Театральный сезон 1908—1909 года Цыгвинцев провел в Берлине с оперной труппой Церетели, следующий сезон — в Харькове, в опере Муссури, а со второй половины 1910 года и по 1919 год он — в оперном театре Народного дома в Петербурге⁵⁵².

В спектаклях, оформленных Цыгвинцевым, пели такие артисты, как Ф. Шаляпин, Л. Собинов, Н. Фигнер, Н. Ростовский, Медея Мей, известная итальянская певица Берленди, знаменитый Титто Руффо и многие другие⁵⁵³.

Цыгвинцев был знаком и с Ф. Шаляпиным. 3 декабря 1911 года знаменитый певец подарил художнику свой фотопортрет с надписью: «Константину Петровичу Цыгвинцеву на добрую память и с пламенными пожеланиями успехов... Ф. Шаляпин»⁵⁵⁴. Другой знаменитый певец, Л. В. Собинов, в 1913 году подарил художнику свою фотокарточку с автографом, а в 1923 году, приехав в Ульяновск и встретившись с Цыгвинцевым у него на квартире, сделал новую приписку к первому автографу⁵⁵⁵.

В конце 1913 года художник оформил первую в России постановку оперы Р. Вагнера «Парсифаль», премьера которой прошла в Эрмитажном театре Петербурга. Тогдашние журналы «Нива» (№ 18 за 1914 г.) и «Искра» (№ 2, 1914 г.) опубликовали фотографии декораций, выполненных Цыгвинцевым к этому спектаклю.

На протяжении нескольких лет Цыгвинцев оформлял оперные спектакли западной классики и шедевры русской оперной музыки. Свою деятельность в театре он постоянно сочетал с напряженной работой по расширению своих познаний и как профессионального художника, и как интеллигента вообще: это непосредственное общение со знаменитыми людьми столицы, посещение библиотек, музеев, выставок.

Работа в театре Народного дома сблизила его со знаменитым певцом Н. Н. Фигнером, который одновременно был и директором этого театра⁵⁵⁶. Н. Н. Фигнер, как известно, — родной брат знаменитой революционерки Веры Фигнер, прошедшей десятилетия в одиночном заключении в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей.

Там же, в Народном доме, Цыгвинцев сотрудничал с крупнейшими дирижерами и режиссерами русской оперы, среди которых были такие, как Глазунов, Купер, Сук и другие. А в 1917—1918 годах, работая там же, он встречался с А. В. Луначарским и сотрудничал с М. Ф. Андреевой — другом М. Горького и известным деятелем русской культуры.

1 мая 1916 года Цыгвинцев был призван в ряды команды артистов запасного батальона гвардии гренадерского полка. Сохранилось удостоверение: «Предъявитель сего есть действительно зап. бат. гв. гренадерского полка гренадер 3 роты Константин Цыгвинцев, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется».

Сохранилась и фотография с изображением «гренадера» в военной форме, в фуражке с кокардой и с аксельбантом на гимнастерке⁵⁵⁷. Но эта служба продолжалась недолго. 13 февраля 1918 года команда артистов, как и весь гренадерский полк, была расформирована, а само пребывание в запасном батальоне несколько не отразилось на работе Цыгвинцева в театре Народного дома. Он продолжал ее, как раньше.

Летом 1919 года Цыгвинцев приехал в Симбирск, где работал до середины 1937 года.

Творческая деятельность Цыгвинцева в нашем театре проходила в сотрудничестве с главными режиссерами А. Горбачевским, Ю. Юреневым, А. Верховским и другими. Она была сопряжена с трудностями тех лет: отсутствием постоянной труппы, острым недостатком средств, материалов и техники для сценического оформления. Требовалась немалая выдержка, сила воли и целеустремленность, требовалась большая любовь к делу и самоотверженность. Цыгвинцев преодолевал все невзгоды и лишения. И не просто работал, а работал отлично.

Пьесы шли разные. Так, в январе 1923 года были поставлены: «Бешеные деньги» Островского, «Анна Каренина» Толстого, «Коварство и любовь» Шиллера, «Ревизор» Гоголя, «Отец Сергей» по Л. Толстому и ряд других⁵⁵⁸. К каждому из спектаклей, разных по сюжетам и эпохам, надо было делать декорации. Надо... но из чего? Этот вопрос более всего занимал декоратора. Большой опыт и мастерство позволяли художнику выходить из, казалось бы, безвыходных положений.

10 марта 1928 года в Ульяновске чествовали Цыгвинцева в связи с тридцатилетним юбилеем его театральной деятельности. За неделю до этого газета «Пролетарский путь» поместила статью о предстоящем юбилее художника⁵⁵⁹, а в день юбилея на сцене театра была поставлена пьеса Е. Чирикова «Лесные тайны» в декорациях юбиляра.

Известный в Ульяновске художник П. Г. Панин спустя почти полвека рассказывал: «...помню его бенефисную постановку «Лесные тайны». На сцене — ночь, озеро, кругом лес, светит луна, сбоку стоит избушка. Все это было сделано так искусно, что нет слов для того, чтобы передать. Это было буквально обворожительно! Публика долго не давала артистам начать спектакль, аплодировали, аплодировали и аплодировали без конца.

В тот вечер перед вторым или третьим актом пьесы наш Кушманский⁵⁶⁰ преподнес Константину Петровичу адрес от нас, художников. Он что-то говорил приветственное и похвальное для юбиляра, а потом в заключение сказал: мал золотник, да дорог (Цыгвинцев был небольшого роста) — и вручил ему адрес.

В зрительном зале творилось что-то невероятное. Публика опять бурно и долго аплодировала, слышны были всякие приветственные возгласы... Это был большой мастер декорационного искусства. До Цыгвинцева и после него я на сцене театра ничего подобного не видел»⁵⁶¹.

Суровый по характеру, волевой, малообщительный, необычайно скромный, поглощенный полностью своим творчеством, Цыгвинцев оставил о себе добрую память. Известный художник Д. И. Архангельский в письме к автору этих строк писал: «Я всегда относился к Цыгвинцеву с большим уважением и был и остаюсь горячим поклонником его таланта».

Да, это был талантливый художник-декоратор старой реалистической школы. Вот лишь один из эпизодов его деятельности.

Летом 1933 года, когда в ульяновском театре готовилась постановка оперы Верди «Аида», главный режиссер приезжей труппы накинулся на Цыгвинцева с упреками:

— Что вы тут повешали? Кому это нужно? (Речь шла об «урях» — элементе декоративного оформления.)

Разговор продолжался на предельно высоких тонах. Знающий себе цену Цыгвинцев доказывал режиссеру, что предлагаемое постановщиком оформление относится совершенно к другой эпохе и не созвучно со временем, в которое развивается сюжет «Аиды». Причем художник ссылаясь на различные династии фараонов, указывал на разновидности архитектурных и декоративных

стилей Древнего Египта, демонстрируя тем самым большую эрудицию. Все это настолько обескуражило главного режиссера, что он, растерявшись, с глубоким уважением извинился перед Цыгвинцевым за свою бестактность.

Надо полагать, что художник не один такой урок преподавал театральным деятелям.

Уехав из Ульяновска летом 1937 года, Цыгвинцев возвратился назад осенью 1945 года в звании заслуженного деятеля искусств Дагестанской АССР.

В первой половине 1946 года на сцене нашего театра им были оформлены «Пигмалион» Бернарда Шоу, «Бедность не порок» А. Н. Островского и «Памятные встречи» А. Утевского. Эти спектакли стали последними постановками Цыгвинцева в Ульяновске.

По совету врачей он был вынужден возвратиться на Северный Кавказ. Работал главным художником Ставропольского краевого театра. Константин Петрович скончался 15 мая 1948 года в Кисловодске, где в то время театр находился на гастролях⁵⁶².

ХУДОЖНИК-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Передо мной бюллетень «Век XX и мир» № 2 за 1969 год — орган Советского комитета защиты мира. Редакционное примечание гласит: «Выходит ежемесячно на русском, английском, французском, испанском и немецком языках».

На второй странице обложки воспроизведен рисунок художника Д. И. Архангельского «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске», а далее опубликована статья «Знакомьтесь: Дмитрий Иванович Архангельский». Статья сопровождается фотопортретом художника и двумя его рисунками, на которых — дом, где прошло раннее детство В. И. Ленина, и здание гимназии, где учился В. И. Ленин. Статья очень теплая и обстоятельная.

Так имя ульяновского художника стало известно далеко за пределами нашей страны. Невольно испытываешь чувство гордости за своего земляка, который первым из советских художников посвятил свое творчество ленинской теме.

Обаятельна личность Дмитрия Ивановича Архангельского. В нем удивительно органично сочетались высокие нравственные качества, дарование художника, гражданственность, ненасытная жажда деятельности, всегдашнее стремление приносить пользу людям и на редкость неиссякаемый оптимизм.

В автобиографии, написанной по просьбе одного из симбирян в 1921 году, он говорил о себе: «Я — коренной русский. Родился 10 февраля 1885 года в Симбирске...».

В 1905 году, будучи еще учеником выпускного класса Симбирской духовной семинарии, он начал преподавать рисование в этой же семинарии. Здесь он встретил Аркадия Александровича Пластова — «человека очень талантливого... прямого и упрямого...» — и стал его первым учителем.

Затем — долгие трудные годы учительства в симбирских, — ульяновских школах. Среди учеников Архангельского были крупный архитектор В. Н. Симбирцев, геолог профессор И. С. Рогозин, известный филолог-топонимист В. А. Никонов, заслуженный артист РСФСР М. Ф. Шарымов и многие другие.

В 1926 году один из ветеранов Ульяновской партийной организации Александр Швер на страницах местной газеты «Пролетарский путь» писал: «Где-то, в конце Шатальной⁵⁶³, в снежных сугробах, спрятался маленький, покосившийся деревянный домик. Едва ли подобный ему найдешь по всей Шатальной улице... В этом домике... живет наш ульяновский, с головы до ног, и сердцем и мыслью, художник Д. И. Архангельский... С трудом отыскал его домик, постучался щеколдой о некрашеную деревянную дверь. Мне отворили. Навстречу сам хозяин, в холщовой рубашке, в стареньких штанах, заправленных в сапоги.

Из темных сеней попадаю прямо в мастерскую (она же, видимо, и спальня). Серые, оклеенные старыми обоями стены, увешанные произведениями художника, старинным фарфором, уставленные шкафами, ящиками, полочками. У печки — простая железная кровать, покрытая серым одеялом — кровать казарменного типа. Окна старательно закрыты листами газеты. В комнате прохладно... Вот обстановка, в которой живет и работает художник. Не ахти как удобно, если не сказать больше, что просто трудно в такой обстановке творить... Но, может быть, это утверждение верно ко всем другим, но не к Архангельскому... Я его помню в годы гражданской войны, в дни голода, когда работники искусств меньше всего думали об искусстве, вот тогда и то Дмитрий Иванович всегда был с карандашом и бумагой, всегда работал...»⁵⁶⁴.

В марте 1960 года в связи с юбилеем художника один из крупных искусствоведов страны Д. Сарабьянов писал об Архангельском: «Когда думаешь о его семидесятипятилетней жизни, о том, что он за это время успел сде-

лать, возникает образ художника-просветителя, воспитателя, энтузиаста-краеоведа, влюбленного в свою родную землю... И сегодня Архангельский работает не только как художник, но и как исследователь родного края. У него собран колоссальный материал, связанный с историей Симбирска, с замечательными людьми, жившими в этом городе... Можно сказать, что старый Симбирск и новый Ульяновск нашли в лице Архангельского своего внимательного и трудолюбивого летописца»⁵⁶⁵.

Архангельский посещает село Ундоры и зарисовывает фрагменты дома, в котором рос декабрист В. П. Ивашев. Художник едет в далекое село Проломиху, где делает зарисовки дома поэта и революционного демократа Н. П. Огарева.

В 1920-е годы художник создал обширную серию акварелей и рисунков, отражающих старый Симбирск. Тогда же в свет вышли его альбомы гравюр «Симбирская старина», «Архитектурный Симбирск», «Волга и приволжская деревня», которые давно стали библиографической редкостью.

Сегодня во многом облик старого Симбирска и его уголков можно себе представить лишь по акварелям, рисункам и гравюрам Архангельского.

Вот оригинал карандашного наброска крестьянского дома и его дворовых построек 70-х годов прошлого века⁵⁶⁶. Дом в три окна с наличниками и ставнями. Рядом — крыльцо с коньком, «глухой» забор, такие же «глухие» ворота, а за ними — соломенные крыши конюшни и сараев. К забору прислонена деревянная борона. Внизу подпись художника с датой: «1925 г., д. Конная, за Свягой». Быстрый, очень живой документальный рисунок. Там, где стоял этот домик, ныне расположены кварталы многоэтажных жилых домов.

А вот акварель с надписью: «Постройка Симбирского моста через Волгу в 1912 г.»⁵⁶⁷. На переднем плане — открытая вода, огромный каменный «бык» с установленной фермой мостового перехода. Левее — подобие огромной баржи с высокими лесами, на которых доставлена ферма. Правее — ледовая гладь; по ней, вдоль будущего моста, — дорога и высокие столбы, а на дороге видны фигурки людей. Вдали — симбирская гора с еле заметной застройкой по склону и у подножия. Где сейчас найдешь такой документ?

Трудно сказать, что было важнее в жизни Д. И. Архангельского: его деятельность как собственно художника или поистине подвижнический труд неустанного краеведа-исследователя и энергичного пропагандиста прекрасного, учителя и воспитателя эстетических чувств у сотен своих питомцев. Примечательно, что в этой проповеди прекрасного Архангельский опирался не только на беломраморные облики мифических Венер и Афродит, а и на живописные уголки родного города, края, на образцы народного творчества.

Он умел находить красоту не только в творениях художников-классиков, но и в окружающей среде, в обыденной жизни — в деревянной резьбе оконного наличника или крестьянской телеги, в узорах русских, чувашских или мордовских вышивок.. Народный художник СССР Аркадий Александрович Пластов так сказал об этом: «Несколько поколений людей, впервые увидевших красоту жизни... не забудут, что это он, Дмитрий Иванович Архангельский, необыкновенной скромности, поразительного трудолюбия и оптимизма человек, научил их любить искусство, понимать его, жить им каждую минуту своего бытия, видеть в нем смысл жизни»⁵⁶⁸.

В 1934 году Народный комиссариат просвещения отозвал Архангельского в одну из своих экспериментальных школ как опытного педагога-методиста. С 1941 года он жил в Подмоскowie, в местечке с поэтическим названием Родники.

Его квартира постоянно была заполнена людьми. Приходили пионеры, журналисты, бывшие ученики и старые знакомые. Подолгу работали с его архивом архитекторы-реставраторы, искусствоведы.

Архив составлял одну из главных ценностей художника. В больших картонных папках хранились материалы, собранные в течение десятилетий. «Симбирские художники», «Симбирский театр», «Пластов» — материалы об ученике. Рисунки, фотографии, репродукции, письма, различные выписки и т. п. Одна из папок — с материалами археологических раскопок в Болгарах на Волге, в которых художник принимал участие в составе экспедиции Академии наук СССР.

Несколько десятков таких папок с ценнейшими сведениями краеведческого и историко-художественного характера и сегодня привлекают к себе исследователей, художников, архитекторов и журналистов.

23 февраля 1975 года отмечалось девяностолетие Дмитрия Ивановича. В тот день в Родники съехалось много гостей. Был Н. А. Пластов с женой и сыном — все трое художники. Приехало много москвичей — кинооператоры, журналисты, бывшие ученики Архангельского. Присутствовали на этом торжестве и ульяновцы.

Юбилей получил множество приветствий, в том числе от Союза художников РСФСР, от Московского отделения Союза художников, от Академии художеств СССР, от бывших учеников, друзей и знакомых, от земляков из Ульяновска.

14 января 1980 года, немного не дожив до девяноста пяти лет, художник скончался, оставив по себе светлую память.

«ШТОРМ» НАЧИНАЛСЯ В СИМБИРСКЕ

Всякому, кто хотел бы себе представить Симбирск в тяжелую пору 1919 года, следует посоветовать прочесть драму, а лучше всего, конечно, посмотреть спектакль «Шторм». Эта пьеса написана с натуры, на симбирском материале, когда ее автор — один из основоположников советской драматургии Владимир Наумович Билль-Белоцерковский — работал в Симбирске сначала секретарем, а затем председателем Симбирского городского комитета партии и был очевидцем и непосредственным участником описанных им событий.

Изведав жизнь, полную трудностей, странствий и приключений, проведя семь лет в Соединенных Штатах Америки и испытав на себе пресловутый американский образ жизни, Билль-Белоцерковский в 1917 году возвратился в Россию и сразу же вошел в водоворот революционных событий. Он стал активным участником октябрьских боев в Москве и тогда же вступил в ряды большевистской партии. В 1919 году по партийной мобилизации он был направлен на Восточный фронт и, прибыв в Симбирск, включился в трудную и тяжелую партийную работу, смысл и содержание которой заключались в каждодневной борьбе за укрепление Советской власти.

Здесь, в Симбирске, в 1919 году вышел первый сборник его рассказов «Смех сквозь слезы», а в январе 1920 года на сцене городского театра была поставлена его пьеса «Бифштекс с кровью», получившая одобрение местной критики.

Ю. Г. Иванов, один из работников Симбирского губ-

исполкома с 1917—1920 годы, вспоминал: «Запомнился мне Владимир Наумович в длинной, серой, простой солдатской шинели. Лицо худое, сам — такой же, походка медленная, спокойная. Взгляд внимательный, испытывающий. И все-таки под этим видимым спокойствием чувствовалась какая-то внутренняя сила, которая каждую минуту могла прорваться в виде острого замечания или даже одного, но значительного слова».

В конце 1920 года Билль-Белоцерковский написал свою вторую пьесу «Этапы», а в начале марта 1921 года он уехал из Симбирска в распоряжение Центрального Комитета партии.

В 1924 году, находясь уже в Москве, он написал пьесу «Шторм», вошедшую в классику советской драматургии. Вот уже более полувека «Шторм» не сходит со сцен советских и зарубежных театров, встречая неизменно теплый прием зрителей.

Об этой своей работе автор говорил: «Когда я писал пьесу, передо мной вставал тогдашний Симбирск с его муками, переживаниями, с его верой и бодростью... Но главное, мне хотелось передать страстное революционное горение, которым были охвачены люди, создававшие новый небывалый строй»⁵⁶⁹.

Как-то в беседе один из ветеранов партии и гражданской войны, непосредственный участник тогдашних событий в Симбирске А. М. Уралцев поделился своими впечатлениями о пьесе «Шторм», поставленной на сцене ульяновского театра еще в 1920-х годах. Он говорил, что все перипетии пьесы, отдельные сюжеты, действующие лица и даже декорации этой постановки воспринимались зрителями в то время как свое кровное, знакомое. В героях драмы узнавались их прототипы, «настоящие живые люди, которых мы знали. Постановка смотрелась с большим интересом и производила огромное впечатление, воскрешая подлинные события».

И действительно, стоит лишь начать перелистывать страницы пьесы, как встречаешь много местных «примет».

Вот на заседании уездного комитета партии идет рассмотрение вопроса о заселении девичьего монастыря прибывшими в город рабочими. Это — тот самый бывший женский монастырь, на месте которого ныне стоит здание Дворца культуры профсоюзов. Он в самом деле был заселен рабочими, после чего получил назва-

ние «Рабочего городка», существовавшее до 1968 года, когда монастырь был снесен.

Или — Уланские казармы, где белогвардейской агентурой готовился мятеж. Это — так называемые «Старые казармы» в Симбирске, где некогда располагался уланский полк, а ныне размещается Высшее военно-техническое училище имени Богдана Хмельницкого.

В пьесе идет речь о пожаре в госпитале на Садовой, раненые из которого являются в уездный комитет партии, требуя оружие для защиты от готовившегося налета белогвардейцев. И это опять точный адрес. Госпиталь на улице Садовой был наскоро построен в Симбирске в конце 1914 — начале 1915 года для раненых первой мировой войны. Деревянные, обветшавшие за шестьдесят лет службы здания снесены в 1975 году. А бывшая Садовая носит ныне название улицы Кирова. Госпиталь находился на правой стороне ее, в самом конце, близ моста через выемку, и являлся южной окраиной города.

Еще один из эпизодов драмы. На заседании партийного комитета рассматривается вопрос о выходе из создавшегося топливного кризиса. Член комитета Попов предлагает разобрать на дрова старые сараи на Конной улице. Опять автор использует факты местной действительности. В старом Симбирске были две Конные улицы — Большая и Малая. Обе спускались к Свияге и были заселены извозчиками-лошадниками. Усадьбы почти каждого домовладения на этих улицах изобиловали конюшнями. Кроме конюшен в усадьбах имелись сараи-каретники, сараи-сенники. Неоднократно проводившиеся мобилизации лошадей на нужды первой мировой и гражданской войн привели к тому, что конюшни и сараи опустели, приходили в ветхое состояние, и не было надежд на их использование по назначению в ближайшие годы. Вот почему член комитета Попов и предлагал их разобрать на дрова. Это было лучше, чем если бы они сгнили на своих местах.

Сама фамилия члена комитета — Попов — также взята из симбирской действительности. Аркадий Васильевич Попов — сормовский рабочий, член партии большевиков с 1904 года. В 1920—1925 годах он работал заведующим агитационно-пропагандистским отделом, а потом — секретарем Симбирского губкома партии⁵⁷⁰.

В пьесе идет речь о Ключевской волости, где кулачье подняло мятеж. В старом Симбирском уезде одна из девятнадцати волостей носила название Ключищенской. Как видим, и здесь название почти не изменено. В Ключищах тогда действительно был кулацкий мятеж.

В одном из эпизодов пьесы председатель уездного комитета рекомендует активистам делать доклады по передовым статьям газет «Правда», «Беднота» и «нашей «Зари». Дело в том, что в городе с мая 1919 и по апрель 1921 года выходила газета «Заря» — орган Симбирского губкома партии. Время издания этой газеты как раз совпадает с периодом пребывания Билль-Белоцерковского в Симбирске.

...В кабинет председателя комитета вбегает комсомолец и просит его подняться наверх: «Там Филиппов агитирует, чтобы все комсомольцы от тринадцати лет завтра же отправились на фронт... Идите, товарищ председатель... Матери плачут...».

Этот эпизод связан с апрелем — началом мая 1919 года, когда в Симбирске проходило формирование 1-й Симбирской рабочей бригады. По решению губкома партии пятьдесят процентов коммунистов были мобилизованы на отпор Колчаку⁵⁷¹, что породило волну энтузиазма. За коммунистами в ряды бригады вступали члены профсоюзов и РКСМ. Третья рота первого полка Симбирской рабочей бригады состояла из комсомольцев, часть которых была в возрасте пятнадцати — шестнадцати лет. Душой одного из взводов этой роты стал, например, пятнадцатилетний Вацлав Варейкис⁵⁷² — брат председателя Симбирского губкома партии И. М. Варейкиса.

Молодежь рвется на фронт, а «матери плачут» — все, как было...

И еще конкретное симбирское. Филиппов, который агитировал комсомольцев, это не кто иной, как в свое время очень известный в Симбирске Филипп Ксенофонов, или «Филя», — один из вожakov местного комсомола⁵⁷³. Этот юноша обладал редким ораторским даром. На его выступления собирались не только молодежь, но и пожилые люди. Один из современников писал: «На трибуне был Ксенофонов, это удивительное дитя Симбирского комсомола. С гривой светло-рыжих волос, словно у попа, ростом он был с десятилет-

него ребенка, хотя шел ему шестнадцатый год; детский ротик, взгляд полководца и голос, в котором гремела гневная правда, возносившаяся над толпой, — таков был Ксенофонт»⁵⁷⁴.

В пьесе выведена обаятельная личность старого коммуниста Раевича, роль которого так блестяще исполнял в спектаклях Академического театра имени Моссовета народный артист СССР Ростислав Плятт. Прототипом Раевича являлся Матвей Семенович Гуревич (1886—1920), член партии с 1902 года. Из-за преследований полиции он был вынужден эмигрировать. Жил в Париже, выполнял ответственные поручения заграничного бюро ЦК партии, был постоянным соратником В. И. Ленина. В 1917 году он возвратился в Россию и принимал участие в работе Московского комитета партии. Затем Гуревич приехал в Симбирск. Надорванное здоровье ограничивало диапазон деятельности его кипучей натуры; он работал заведующим внешкольным подотделом губернского отдела народного образования. Вскоре он заболел и после продолжительной и тяжелой болезни скончался в марте 1920 года и с почетом похоронен на Новом Венце⁵⁷⁵.

В пожилом военкоме пьесы, заболевшем и ушедшем с заседания комитета, легко узнается губернский военный комиссар Иосиф Викентьевич Варейкис (1872—1919) — член партии с 1917 года, «Варейкис-старший», как его называли. Он приходился дядей Иосифу Михайловичу Варейкису — председателю Симбирского губкома партии. Иосиф Викентьевич, спасая во время пожара в госпитале больных красноармейцев, заразился тифом и умер в ноябре 1919 года. Он также с почестями похоронен на Новом Венце.

Можно было бы привести еще немало примеров, свидетельствующих об использовании автором «Шторма» конкретных симбирских прообразов и сюжетов, включении их в ткань этой замечательной драмы, но и то, что уже названо, достаточно ясно говорит о симбирской почве, на которой она рождалась.

Разумеется, главное здесь не только и не столько в топографических и именных моментах, использованных автором пьесы. Главное состоит в том, что из увиденного и пережитого автором в Симбирске сложились картины и образы, типичные для всей революционной России, общие и характерные для своего времени.

Эта общность заключалась в беспощадной, ожесточенной борьбе не на жизнь, а на смерть, борьбе, в которой нужно было победить. Были тиф и голод, разруха и саботаж, были мятежи и убийства, белогвардейские заговоры и непонимание... В этих невероятно трудных условиях требовалось организовать людей на победу.

И коммунисты, пройдя через невероятные трудности и препятствия, победили. Так было и в Поволжье, и на Урале, и в центральных областях — так было везде. «Наша взяла! Наша взяла!» — этими победными возгласами заканчивается пьеса «Шторм».

В свой юбилей в 1965 году в ответ на приветствия ульяновцев Билль-Белоцерковский телеграфировал: «Люди этого города, их дела, их жизнь дали мне материал для пьесы «Шторм». И я никогда не забуду ни этих людей, ни этот город!»⁵⁷⁶.

Сотни тысяч людей на сценах разных театров смотрят спектакль «Шторм», аплодируя и удивляясь стойкости людей, начинавших новую эру. И есть свой глубокий исторический смысл в том, что эта пьеса рождена революционной действительностью родины В. И. Ленина.

Автор приносит глубокую благодарность главному библиографу Ульяновского Дворца книги имени В. И. Ленина, заслуженному работнику культуры РСФСР Нине Ивановне Никитиной, оказавшей помощь в подборе необходимой литературы при подготовке этой книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 659, оп. 1, д. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Пушкирев И. Историческое и географическое описание городов Симбирской губернии. Санкт-Петербург (СПб.), 1837, с. 12.

⁵ Исследование этого вопроса произведено автором книги совместно с ульяновскими старожилами В. А. Завьяловым и И. Н. Бурмистровым в 1968—1974 гг.

⁶ В 1967 г. беседка была перенесена на новое место — севернее Винновки.

⁷ Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА). Ленинград, ф. 1343, оп. 23, д. 3067-а. Эти сведения любезно сообщила И. М. Львова (Москва).

⁸ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1904, с. 56.

⁹ Ныне до этой деревни ходит трамвай, а сама она вот-вот войдет в черту города.

¹⁰ Гриценко Н. П. Очерки истории Симбирска — Ульяновска и Ульяновской области. Ульяновск, 1948, с. 44; Родной город Ильича. Саратов, 1976, с. 16.

¹¹ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы. М., 1973, с. 382.

¹² Именной список дворянам Симбирской губернии (рукопись). Симбирск, 1829. Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина.

¹³ Сообщила Н. И. Никитина — заведующая библиографическим отделом Ульяновского Дворца книги.

¹⁴ Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1968, с. 170—171.

¹⁵ Там же, с. 170.

¹⁶ Снытко Т. Г. Новые материалы об истории общественно-го движения конца XVIII века. — Вопросы истории, 1952, № 9, с. 118.

¹⁷ Краткий философский словарь. М., 1955, с. 84.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 200.

²⁰ Там же, с. 171.

²¹ Снытко Т. Г., с. 114.

²² Там же, с. 115.

В книге «Родной город Ильича» в немногих строчках, посвященных братьям Киндяковым, допущены две неточности. Первая из них: «В 1797—1798 годах они были членами группы «приверженцев вольности», возникшей в Смоленске, в доме Киндяковых» (Родной город Ильича. Саратов, 1976, с. 14). Следует иметь в виду, что Киндяковы в Смоленске не жили, а бывали лишь

короткими наездами у своих друзей и знакомых. Далее в тексте книги: «Павел Киндяков рассказывал впоследствии на допросе о поездках на родину, в Симбирск». Павел Киндяков ни в Смоленске, ни в Смоленской губернии не проживал и рассказывать о поездках оттуда на родину не мог. Наоборот, он оказался в Дорогобуже у брата проездом, «по дороге» из Петербурга в Симбирск, и был спрошен на следствии о причинах задержки его «короткого» визита к брату. Этот визит затянулся на полгода.

²³ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 176.

²⁴ Алабин П. В. История одной табакерки. — Русская старина, 1874, т. X, с. 619.

²⁵ Снытко Т. Г., с. 120.

²⁶ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 57.

²⁷ Снытко Т. Г., с. 122.

²⁸ Безгин И. Г. Симбирская губернская гимназия. СПб., 1888, с. 22.

²⁹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 286.

³⁰ ЦГИА (Ленинград), ф. 1343, оп. 23, д. 3067-а.

В начале XX века дом был перестроен и сохранился до наших дней. Он стоит на Пушкинской улице (бывшая Большая Дмитровка) под номером 4, напротив Дома Союзов (бывшее Благородное собрание). В настоящее время дом представляет собой большое четырехэтажное здание — по шестнадцать окон в каждом этаже по фасаду. Эти сведения любезно сообщила И. М. Львова (Москва).

³¹ Холерная эпидемия осенью 1830 г.

³² Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки, М., 1968, с. 170.

³³ Братья Александр и Николай Раевские и их сестра Мария были правнуками М. В. Ломоносова. Их мать, Софья Алексеевна, урожденная Константинова, приходилась внучкой великому ученому (см.: Литературное наследство. М., 1933, № 9—10, с. 330).

³⁴ Зильберштейн И. С. Акварельная повесть Николая Бестужева. — Смена, 1977, № 11, с. 22.

³⁵ Е. П. Киндякова занималась живописью. В Ульяновском художественном музее хранится акварель, подписанная «Катиш Киндякова», где изображен «Казачок Паша» (инв. номер 1255).

³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 322.

³⁷ Крамер В. В. О литературной деятельности С. Д. Полторацкого в 1830—1840-е годы. — Русская литература, 1974, № 2, с. 156—158.

³⁸ Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968 гг. Л., 1970, с. 67—68.

³⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 323.

⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1958, с. 258.

⁴¹ Письмо А. Л. Киндякову от 8 февраля 1833 г. ГАУО, ф. 659, оп. 1, д. 179.

⁴² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 303.

⁴³ Пушкин и его современники. Л., 1930, с. 219, 222. «Запретной Розой» называли Е. П. Пашкову в своем кругу ее близкие знакомые.

⁴⁴ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, т. 1. Петроград (Пг), 1927, с. 81, 84.

- ⁴⁵ Там же, с. 105.
⁴⁶ Там же, с. 370.
⁴⁷ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964, с. 327, 650.
⁴⁸ ГАУО, ф. 659, оп. 1, д. 175. Оригинал на французском языке. Упомянутая в письме Додо Сушкова — Евдокия Петровна Сушкова, поэтесса, близкая подруга Екатерины Киндяковой и ее дальняя родственница. Впоследствии она стала известной как графиня Ростопчина.
⁴⁹ Русский архив, кн. 2. 1906, с. 241, 526.
⁵⁰ Русский архив, кн. 1, 1906, с. 148; Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки, с. 459.
⁵¹ Русский архив, кн. 1, с. 252. Первоначально оправданный по делу «смоленских вольнодумцев», А. П. Ермолов был арестован вторично, увезен в Петербург, где содержался несколько месяцев в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, и в январе 1799 г. выслан на вечное поселение в Кострому. После смерти Павла I был возвращен в войска. В 1816—1827 гг. занимал пост главнокомандующего на Кавказе; смещен с этого поста Николаем I (см.: Глумов А. На рубеже века. М., 1965, с. 678; Задонский Н. Жизнь Муравьева. М., 1974, с. 102—103).
⁵² Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки, с. 172.
⁵³ Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974, с. 43.
⁵⁴ Там же, с. 111.
⁵⁵ Лермонтов М. Ю. Проза. Избранное. М., 1979, с. 68.
⁵⁶ Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1907, № 5, с. 116.
⁵⁷ Лендер Н. Волжский спутник. СПб., 1892, с. 22.
⁵⁸ ГАУО, ф. 659, оп. 1, д. 12.
⁵⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, с. 97.
⁶⁰ Ныне затоплено Куйбышевским водохранилищем.
⁶¹ Архив братьев Тургеневых, вып. 2. СПб., 1911, с. 93.
⁶² Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 21; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964, с. 30—31.
⁶³ Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 3—4.
⁶⁴ Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 330.
⁶⁵ Ученые записки Ленинградского университета, № 295. Л. 1960, с. 46.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Литературное наследство, т. 60, кн. 1, с. 331.
⁶⁸ Там же, с. 333.
⁶⁹ Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 93.
⁷⁰ Ученые записки Ленинградского университета, № 295, с. 48.
⁷¹ Там же.
⁷² Там же, с. 54.
⁷³ Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 181, 23.
⁷⁴ Там же, с. 16.
⁷⁵ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.—Л. 1964, с. 500—503.
⁷⁶ Там же, с. 480.
⁷⁷ Симбирский сборник. М., 1844, с. 6. Материалы А. И. Тургенева не были тогда опубликованы из-за смерти Д. Валугева

Часть этих материалов (а именно: «Парижская лекция В. Кюхельбекера») увидела свет лишь в советское время. — См.: Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 345—380.

- ⁷⁸ Тургенев А. И. Хроника русского, с. 486.
⁷⁹ Там же, с. 487.
⁸⁰ Там же, с. 490.
⁸¹ Там же, с. 493.
⁸² Герцен А. И. Дневник. Запись 18 ноября 1842 г.
⁸³ Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки, с. 172.
Рекамые — парижская знакомая А. И. Тургенева, хозяйка одного из модных в Париже салонов, посетителями которого были известные литераторы, художники и ученые.
⁸⁴ Тургенев А. И. Хроника русского, с. 500—501.
⁸⁵ Деятели революционного движения в России. М., 1927, стлб. 184.
⁸⁶ Похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез, неподалеку от могил парижских коммунаров (Гессен А. «Во глубине сибирских руд...» М., 1969, с. 312).
⁸⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, с. 96.
⁸⁸ Гордин Я. После восстания. — Звезда, 1975, № 12, с. 94—95.
⁸⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 233.
⁹⁰ Там же, с. 235.
⁹¹ Гриценко Н. П. Очерки истории Симбирска — Ульяновска и Ульяновской области. Ульяновск, 1948, с. 88.
⁹² Шебунин А. Н. И. Тургенев. 1925, с. 106.
⁹³ Тургенев Н. Россия и русские, т. 1. М., 1915, с. 356.
⁹⁴ Шебунин А. Н. И. Тургенев, с. 123.
⁹⁵ Из братьев Тургеневых только Николай был женат. Его женой стала дочь французского генерала-эмигранта Клара Виарис (1814—1891). Старшая из детей декабриста — Александра Николаевна (1835—1890) — была блестяще образованной женщиной, вращалась в научных и литературных кругах Парижа, была знакома с писателями Бернаром, Ренаном, Делилем, занималась журналистикой. Вторым был сын Альберт Николаевич (1843—1892) — художник, гравер и коллекционер. Третий, и последний, — Петр Николаевич (1853—1912), известный скульптор, хранитель огромного родового архива, оставшегося от деда, Ивана Петровича, от отца и дядей. Незадолго до своей смерти он передал в Россию из Парижа весь архив братьев Тургеневых, за что ему было присвоено звание почетного члена Петербургской Академии наук (Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 359—360).
⁹⁶ Из кирпичей тургеневского дома в 1865—1866 гг. выстроено здание пожарной команды на ул. Ленина (Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868, с. 184; материалы личного архива автора этих строк).
⁹⁷ Руммель В. В. и Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 2. СПб., 1887, с. 500.
⁹⁸ Там же, с. 504. Письмо правнучки декабриста Ивашева Е. К. Решко от 27 сентября 1977 г.
⁹⁹ Архив А. П. Языкова. Симбирск, 1904, с. 623.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 109.

- ¹⁰² Руммель В. В. и Голубцов В. В., с. 500.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Буланова О. Роман декабриста. М., 1925, с. 225.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 167.
- ¹⁰⁷ Даты рождения В. П. Ивашева в ряде источников различны. Так, в библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (М., 1927) указано 13 сентября 1794 г. В справочнике «Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР» (М., 1963) также указан 1794 г., между тем как брак родителей Ивашева состоялся лишь в январе 1797 г. В ряде изданий краеведческой литературы фигурирует дата 1798 г. В нашей книге приведена дата рождения, уточненная правнучкой декабриста Е. К. Решко (письмо последней А. Н. Блохинцеву от 27 сентября 1977 г.).
- ¹⁰⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 354.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 337.
- ¹¹⁰ Там же, с. 401.
- ¹¹¹ Восстание декабристов. Материалы, т. XII. М., 1969, с. 260.
- ¹¹² Там же, с. 272.
- ¹¹³ Там же, с. 448.
- ¹¹⁴ Памяти декабристов. Сборник, вып. II. Л., 1926, с. 6.
- ¹¹⁵ Восстание декабристов, т. XII, с. 449.
- ¹¹⁶ Там же, с. 257.
- ¹¹⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 401.
- ¹¹⁸ Восстание декабристов, т. XII, с. 449.
- ¹¹⁹ Памяти декабристов, вып. II, с. 72.
- ¹²⁰ Решко Е. К. Неизвестная элегия В. П. Ивашева «Рыбак». — Литературное наследство, т. 60, кн. 1, с. 587.
- ¹²¹ Там же, с. 589.
- ¹²² Там же, с. 590.
- ¹²³ Беляев А. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 1882, с. 219.
- ¹²⁴ Решко Е. К., с. 587—588.
- ¹²⁵ Гессен А. «Во глубине сибирских руд...» М., 1969, с. 279.
- ¹²⁶ Решко Е. К., с. 593; Буланова О. Роман декабриста, с. 232.
- ¹²⁷ Буланова О. Роман декабриста, с. 232.
- ¹²⁸ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 221.
- ¹²⁹ ГАВО, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 7.
- Андрей Егорович Головинский — внебрачный сын А. В. Толстого, деда декабриста, и сводный брат В. А. Толстой-Ивашевой — воспитывался в семье Ивашевых вместе с декабристом (А. И. Герцен. Соч. в 9-ти тт., т. 4. М., 1956, с. 465—466).
- ¹³⁰ Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.—М., 1925, с. 213.
- ¹³¹ Там же, с. 110.
- ¹³² Там же, с. 286.
- ¹³³ Там же, с. 293.
- ¹³⁴ Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., 1951, с. 226.
- ¹³⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского, т. 1. Л., 1977, с. 8.
- ¹³⁶ Фотокопия плана г. Симбирска 1779 г. в фондах Ульяновского областного краеведческого музея.
- ¹³⁷ Мартынов П. Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 122. Автор ошибочно писал о том, что дом был построен А. В. Толстым.
- ¹³⁸ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., 1976, с. 29.
- ¹³⁹ Фигнер В. Жены декабристов. — «Каторга и ссылка». М., 1925, № 8, с. 229.
- ¹⁴⁰ Буланова О. Роман декабриста, с. 75.
- ¹⁴¹ Там же, с. 76.
- ¹⁴² Гессен А. «Во глубине сибирских руд...», с. 205.
- ¹⁴³ Там же, с. 207.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 208.
- ¹⁴⁵ Герцен А. И. Соч. в 9-ти тт., т. 4. М., 1956, с. 58.
- ¹⁴⁶ Гессен А. «Во глубине сибирских руд...», с. 208—209.
- ¹⁴⁷ Зильберштейн И. С. Акварельная повесть Николая Бестужева, с. 22.
- Лепарский — бывший сослуживец П. Н. Ивашева в войсках А. В. Суворова, участник штурма Измаила.
- ¹⁴⁸ Эта небольшая улица была застроена домиками декабристов, приехавших в Сибирь за своими мужьями.
- ¹⁴⁹ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 624.
- ¹⁵⁰ Буланова О. Роман декабриста, с. 132.
- ¹⁵¹ Там же, с. 178.
- ¹⁵² Там же, с. 202.
- ¹⁵³ Там же, с. 178.
- ¹⁵⁴ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., 1976, с. 9.
- ¹⁵⁵ Движение декабристов. Именной указатель, вып. 1. М., 1975, с. 58.
- ¹⁵⁶ История XIX века, т. 3. М., 1938, с. 161.
- ¹⁵⁷ Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868, с. 187.
- ¹⁵⁸ Один из подлинных оттисков гравюры хранится в Ульяновском краеведческом музее им. И. А. Гончарова.
- ¹⁵⁹ Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1971, с. 8.
- ¹⁶⁰ Литературное наследство, т. 9—10. М., 1933, с. 346.
- ¹⁶¹ Ключевский В. О. Сочинения, т. 5. М., 1958, с. 21.
- ¹⁶² Сборник историч. и статист. материалов о Симбирской губернии, с. 192.
- ¹⁶³ Русские портреты, вып. 3, т. 2. СПб., 1906, л. 88.
- ¹⁶⁴ Там же, л. 87.
- ¹⁶⁵ Там же.
- Д. П. Рунин и М. Л. Магницкий — реакционные государственные деятели царской России, известные как гонители русской культуры и просвещения.
- ¹⁶⁶ История русского искусства, т. VIII, кн. 1. М., 1964, с. 119—120.
- ¹⁶⁷ В настоящее время в этом здании (Набережная Красного флота, 4) располагается Центральный государственный исторический архив СССР.
- ¹⁶⁸ См.: Фигнер В. Жены декабристов.
- ¹⁶⁹ Записки М. Н. Волконской. М., 1977, с. 38.
- ¹⁷⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 432.

¹⁷¹ Никольский А. Архив открывает тайну. — Советская культура, 1979, 6 апреля.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Либцельтерн З. И. Екатерина Трубешкая. — Звезда, 1975, № 12, с. 179—194.

¹⁷⁴ Русские портреты, вып. 3, т. 3. Спб., 1907, л. 149.

¹⁷⁵ Первое краткое сообщение о Ф. М. Башмакове сделано автором этих строк в статье «Декабрист-симбирянин» (Ульяновская правда, 1975, 26 декабря).

¹⁷⁶ Русский биографический словарь (Половцев), т. 2. Спб., 1900, с. 618.

¹⁷⁷ Ныне — д. Китовка Арбузовского сельсовета Цильнинского района; см.: Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 5. Список помещиков.

¹⁷⁸ Русский биографический словарь, с. 618.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Восстание декабристов, т. IX. М., 1950, с. 199.

¹⁸¹ Там же, т. VIII. Л., 1925, с. 276.

¹⁸² Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 57.

¹⁸³ Восстание декабристов, т. IX, с. 238.

¹⁸⁴ До этого, 13 декабря, по доносу был арестован П. И. Пестель — глава Южного общества декабристов.

¹⁸⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 352.

¹⁸⁶ Там же, с. 374.

¹⁸⁷ Восстание декабристов, т. VIII, с. 276.

¹⁸⁸ Там же, с. 11.

¹⁸⁹ Звезда, 1975, № 12, с. 35.

¹⁹⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 381.

¹⁹¹ Восстание декабристов, т. IX, с. 266.

¹⁹² Там же, с. 100.

¹⁹³ Там же, с. 99.

¹⁹⁴ Восстание декабристов, т. VIII, с. 276.

¹⁹⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 413.

¹⁹⁶ Восстание декабристов, т. VIII, с. 276.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 369.

¹⁹⁹ Рошеский П. И. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский. Тюмень, 1954, с. 56.

²⁰⁰ Северная пчела, 1860, № 59.

²⁰¹ Литературный музей в Москве, № 2424/25-А 1226.

²⁰² Сейчас он находится в фондах Государственного исторического музея в Москве.

²⁰³ Краткая история СССР, ч. 1. М.—Л., 1963, с. 305.

²⁰⁴ Деятели революционного движения в России, стлб. 104.

²⁰⁵ Декабристы и их время. М.—Л., 1951, с. 222.

²⁰⁶ Движение декабристов. Именной указатель, вып. 1, с. 73.

²⁰⁷ Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 105.

²⁰⁸ Декабристы и их время, с. 106.

²⁰⁹ Там же, с. 244.

²¹⁰ Движение декабристов. Именной указатель, вып. I, с. 73; Декабристы и их время, с. 230; Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2. М., 1961.

²¹¹ Декабристы и их время, с. 233, 235.

²¹² Там же, с. 245.

²¹³ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 435.

²¹⁴ Деятели революционного движения в России, стлб. 104.

²¹⁵ Там же, стлб. 67.

²¹⁶ Руммель В. В. и Голубцов В. В., т. 2, с. 500.

²¹⁷ Гриценко Н. П. Очерки истории Симбирска — Ульяновска и Ульяновской области, с. 93.

²¹⁸ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 475.

²¹⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2, с. 193.

²²⁰ Движение декабристов. Именной указатель, вып. 1, с. 38.

²²¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 199.

²²² Беляев А., с. 343. Речь идет о сестрах декабриста Екатерины Петровны Хованской и Елизавете Петровны Языковой.

²²³ Буланова О. Роман декабриста, с. 304.

²²⁴ Русские портреты, т. IV, ч. 2. Спб., 1906, л. 47.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Зильберштейн И. С. Художник декабрист Н. Бестужев, М., 1977, с. 59.

²²⁷ Русские портреты, т. IV, ч. 2, л. 43.

²²⁸ Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. Спб., 1913, с. 441.

²²⁹ Там же, с. 442.

²³⁰ Гликсман И. Д. Н. М. Языков. — В книге: Н. М. Языков. Стихотворения, сказки, поэмы, драматические сцены, письма. М.—Л., 1959, с. V.

²³¹ Письма Н. М. Языкова к родным..., с. 124.

²³² Щедрин Сильвестр. Письма из Италии. М.—Л., 1932, с. 233, 382.

²³³ Зильберштейн И. С. Художник декабрист Н. Бестужев, с. 580.

²³⁴ Щедрин Сильвестр. Письма из Италии, с. 385.

²³⁵ Там же, с. 364.

²³⁶ Зильберштейн И. С. Художник декабрист Н. Бестужев, с. 60.

²³⁷ Русские портреты, т. IV, ч. 2, л. 43.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина. Симбирск, 1867, с. 246.

²⁴⁰ История русского искусства, т. VIII, кн. 1. М., 1964, с. 47.

²⁴¹ Там же, с. 357.

²⁴² Буланова О. Роман декабриста, с. 181.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Русская литература, 1963, № 4, с. 157.

²⁴⁵ Буланова О. Роман декабриста, с. 217—218.

К сожалению, в ряде изданий неправильно указываются время и обстоятельства поездки Е. П. Языковой к брату в Туринск. Более того, наблюдается «цепная реакция» ошибок.

Так, в публикации М. Д. Беляева «От ареста до ссылки» (Памяти декабристов. Л., 1926, вып. 2) указано: «...мы разумею тайную поездку Е. П. Языковой к брату в годовщину смерти Веры Александровны. Елизавета Петровна остригла волосы, переоделась мальчиком и вместе с Ф. И. Топорниным и Г. М. Толстым с видами казанских купцов поехала в Туринск к брату» (с. 70).

В книге П. Бейсова «Гончаров и родной край» (Ульяновск, 1951) написано: «Его любимая сестра Елизавета, остриженная и переодетая мальчиком, вместе с Ф. И. Топорниным и Г. М. Тол-

стым, под видом казанских купцов, также посетила брата в Сибирь» (с. 23).

Минуя несколько других, обратимся к книге Э. А. Павлюченко «В добровольном изгнании» (М., 1976): «В том же 1838 г. Ивашевых навестила сестра Василия Петровича — Е. П. Языкова, пробавшись в Сибирь тайно с казанскими купцами». И далее: «Этому эпизоду посвящена статья Г. М. Толстого». Статья Толстого «Поездка в Туринск в 1838 году к декабристу Ивашеву» была опубликована в журнале «Русская старина» № 10 за 1890 год. В своей статье Толстой ни слова не сказал, да и не мог сказать, о том, что с ним ездила Е. П. Языкова. Но через 137 страниц после этой статьи помещено примечание «К рассказу «Поездка в Туринск в 1838 году...», подписанное А. П. Топорниным (племянником того Топорнина, который ездил с Толстым), где написано: «Камердинер, с которым совершена была по тому времени опасная поездка в Сибирь к ссыльному декабристу, была никто другая, как переодетая в мужское платье родная сестра декабриста Василия Петровича Ивашева, Елизавета Петровна, бывшая в замужестве за Петром Михайловичем Языковым...»

На самом деле, Г. М. Толстой ездил в Туринск в декабре 1838 года, что никак не связывается с годовщиной смерти В. А. Ивашевой (умерла в мае 1837 г.). Эта поездка связана со смертью П. Н. Ивашева (умер в ноябре 1838 г.). Вымышленный «камердинер» с переодетием, то есть Е. П. Языкова, в это время находилась в заграничной поездке и, естественно, в Сибирь ехать не могла, да ей и не было в том нужды, так как она побывала у брата полугодом ранее. Действительным камердинером у Г. М. Толстого и его приятеля Ф. И. Топорнина, вернее, провожатым, был ундоровский крестьянин Федор Сидорович Рябиков — мужчина огромного роста и сложения (см. очерк «Крестьянка из Ундор» в этой книге).

²⁴⁶ Буланова О. Роман декабриста, с. 181.

²⁴⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 590.

²⁴⁸ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974, с. 663.

²⁴⁹ Русская литература, 1963, № 4, с. 155—156.

²⁵⁰ Там же, с. 246.

²⁵¹ Там же, с. 156.

²⁵² Там же, с. 159—160.

²⁵³ Русская литература, 1963, № 4, с. 158.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Декабристы и их время, с. 65.

²⁵⁷ Русская литература, 1963, № 4, с. 159.

²⁵⁸ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949, с. 395.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Русская старина, 1890, № 10, с. 327—351.

²⁶¹ Литературное наследство, т. 49—50, с. 387.

²⁶² Там же.

²⁶³ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 127.

²⁶⁴ Там же, с. 131—144.

²⁶⁵ Там же, с. 128.

²⁶⁶ Там же, с. 129—130.

²⁶⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 301.

²⁶⁸ Там же, с. 607.

²⁶⁹ Литературное наследство, т. 49—50, с. 369.

²⁷⁰ Там же, с. 386.

²⁷¹ Там же, с. 395.

²⁷² Толстой не мог не беседовать о Бакуanine с Е. П. Языковой. М. Бакунин преклонялся перед этой женщиной, бывшей его другом и помогавшей ему материально (см.: Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.—М., 1925).

²⁷³ Симбирский сборник. М., 1844, с. 5.

²⁷⁴ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 266.

²⁷⁵ Тургенев А. И. Хроника русского, с. 27—54.

²⁷⁶ Там же, с. 37.

²⁷⁷ Там же, с. 38.

²⁷⁸ Там же, с. 42.

²⁷⁹ Руммель В. В. и Голубцов В. В., т. 2, с. 550.

²⁸⁰ Именной список дворянам Симбирской губернии.

²⁸¹ В справочнике «Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР» (М., 1963, ч. 1) указан 1798 год рождения И. С. Аржевитина, что вызывает большие сомнения и требует уточнения.

²⁸² Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 372.

²⁸³ Там же, с. 411.

²⁸⁴ Свербеев Д. Н. Записки, т. 1. М., 1899, с. 180.

²⁸⁵ Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 391, 411.

²⁸⁶ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, т. 1, с. 122.

²⁸⁷ Там же, с. 179, 225, 300.

²⁸⁸ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 17—18.

²⁸⁹ Свербеев Д. Н. Записки, т. 1, с. 180.

²⁹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1972, с. 436.

²⁹¹ Там же, с. 176.

²⁹² Тургенев А. И. Хроника русского, с. 487.

²⁹³ Москвитин, 1845, № 9, с. 2.

²⁹⁴ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 232.

²⁹⁵ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 153.

²⁹⁶ Вересаев В. Пушкин в жизни, ч. III. М., 1929, с. 69—70.

²⁹⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 158.

²⁹⁸ Там же, с. 17—18.

²⁹⁹ Там же, с. 479—480.

³⁰⁰ Там же, с. 152—153.

³⁰¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. 8. М., 1958, с. 367.

³⁰² Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 53.

³⁰³ Лебедев П. Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам, ч. 1. СПб., 1863, с. 132.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же, с. 125.

³⁰⁶ Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал, с. 113.

³⁰⁷ Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск, 1981, с. 47.

³⁰⁸ Весной 1973 г. проведены специальные исследования, в ре-

зультате которых установлено, что вязы этой аллеи посажены в 1804 г.

- ³⁰⁹ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений, с. 346.
³¹⁰ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 68.
³¹¹ Там же.
³¹² Этот дом, построенный в 1802 г., сохранился до наших дней — ул. Ленина, 59. Исследование М. С. Сударева.
³¹³ См. статью К. Бухмейера «Н. М. Языков» в книге: Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964.
³¹⁴ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений, с. 196.
³¹⁵ Там же, с. 203.
³¹⁶ Там же, с. 212. Впервые напечатано в 1926 г.
³¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 217.
³¹⁸ Там же.
³¹⁹ Там же, с. 574.
³²⁰ Там же, с. 445.
³²¹ Там же, с. 449.
³²² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1. М., 1860, с. 1—34.
³²³ После смерти Н. М. Языкова эта библиотека, в количестве 2325 томов, была передана в симбирскую Карамзинскую библиотеку.
³²⁴ Исторический вестник, 1896, ноябрь, с. 987.
³²⁵ Описание экспозиции музея истории поселка Языково. 1973 г.
³²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 8, с. 335.
³²⁷ Там же, с. 269.
³²⁸ Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 233—241.
³²⁹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 67.
³³⁰ Соймонов А. Д. К истории собрания П. В. Киреевского. — См.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. III. М., 1965, с. 128—129.
³³¹ Там же, с. 132.
³³² Соймонов А. Д. К истории собрания П. В. Киреевского, с. 143.
³³³ Там же.
³³⁴ В мае 1977 г. в издательстве «Наука» вышел первый том книги «Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях» (Ленинград, 1977). Большая часть материала этого тома имеет прямое отношение к истории нашего края.
³³⁵ Соймонов А. Д. К истории собрания П. В. Киреевского, с. 135.
³³⁶ Литературное наследство, т. 79, М., 1968, с. 344—346.
³³⁷ Соймонов А. Д. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского. — Советская этнография, 1960, № 4, с. 149.
³³⁸ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 169.
³³⁹ Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 100.
³⁴⁰ Дело о сочинении проектов памятника знаменитому историографу Карамзину. 1833 г. ЦГИА (Ленинград), ф. 789, оп. 1, ч. II, л. 9.
³⁴¹ Там же, л. 16.
³⁴² Там же, л. 25.
³⁴³ Там же, л. 26.

- ³⁴⁴ Там же, л. 24.
³⁴⁵ История русского искусства, т. VIII, кн. 1, с. 353.
³⁴⁶ Мроз Е. С. И. Гальберг. М.—Л., 1948, с. 23.
³⁴⁷ История русского искусства, т. VIII, кн. 1, с. 353.
³⁴⁸ Гальберг был женат на дочери известного скульптора В. И. Демут-Малиновского, племяннице Сильвестра Щедрина (Щедрин С. Письма из Италии. М.—Л., 1932, с. 295).
³⁴⁹ ЦГИА (Ленинград), ф. 789, оп. 1, ч. II, л. 299.
³⁵⁰ Русский вестник, 1863, № 1, с. 221.
³⁵¹ Объяснительная записка Гальберга. — См.: Дело о сочинении проектов..., л. 45.
³⁵² Записка об открытии памятника Н. М. Карамзину. — В кн.: Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 170—171.
³⁵³ ЦГИА (Ленинград), ф. 789, оп. 1, ч. II, л. 56.
³⁵⁴ Первая строка этого стихотворения принадлежит Г. Р. Державину: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...» (перевод оды Горация. — Гораций, кн. III, ода XXX).
³⁵⁵ Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 247. Всего на 20 мая 1838 г. по подписным листам на сооружение памятника Карамзину было собрано 65 214 рублей 50 коп. (Дело о сочинении проектов..., л. 114).
³⁵⁶ Мартынов П. Симбирск за 250 лет его существования, с. 42.
³⁵⁷ Герцен А. И. Соч. в 9-ти тт., т. 4, с. 56.
³⁵⁸ Русский библиофил, 1913, № 3, с. 7.
³⁵⁹ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 282.
³⁶⁰ Русский библиофил, 1913, № 3, с. 8—9.
³⁶¹ Там же, с. 13—18; История русского искусства, т. VII. М., 1961, с. 89, 126.
³⁶² Корнилов П. Арзамасская школа живописи. М.—Л., 1947, с. 65.
³⁶³ Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 82.
³⁶⁴ Герцен А. И. Соч. в 9-ти тт., т. 4, с. 285, 450.
³⁶⁵ Ныне ул. Ленина. Дом Назарьева находился в глубине двора, примерно на том месте, где ныне размещается западное крыло Дома художников. — См.: Сборник историч. и статист. материалов о Симбирской губернии, с. 226.
³⁶⁶ Архив А. П. Языкова. Симбирск, 1904, с. 625—629.
³⁶⁷ Мартынов П. Симбирск за 250 лет его существования, с. 323.
³⁶⁸ Путинцев В. А. Н. П. Огарев, Жизнь, мировоззрение, творчество. М., 1963, с. 95—96.
³⁶⁹ Литературное наследство, т. 61, ч. 1. М., 1953, с. 824.
³⁷⁰ Вопросы истории, 1947, № 4, с. 149—150.
³⁷¹ Литературное наследство, т. 61, ч. 1, с. 827—828.
³⁷² Краеведческие записки, вып. 1. Ульяновск, 1953, с. 181.
³⁷³ Там же, с. 183.
³⁷⁴ Ныне ул. Гончарова, 40.
³⁷⁵ Краеведческие записки, вып. 1, с. 189.
³⁷⁶ Там же, с. 197.
³⁷⁷ Там же, с. 192.
³⁷⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 529—530.
³⁷⁹ Краеведческие записки, вып. 1, с. 197.

- ³⁸⁰ «Сейчас личность Н. А. Тучковой-Огаревой обрисована в литературе достаточно для того, чтобы бесспорно признать ее резко отрицательную роль в жизни Герцена и Огарева» (Литературное наследство, т. 39—40. М., 1941, с. 369); «Роль эта не была светлой. Обоим Н. А. принесла много страданий...» (Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М.—Л., 1930, с. 8).
- ³⁸¹ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. Спб., 1892, с. 57—58.
- ³⁸² Там же, с. 58.
- ³⁸³ Путинцев В. А. Н. П. Огарев. Жизнь, мировоззрение, творчество, с. 124.
- ³⁸⁴ Там же, с. 99—100.
- ³⁸⁵ Там же, с. 98.
- ³⁸⁶ П. В. Анненков и его друзья, с. 636.
- ³⁸⁷ Там же, с. 640.
- ³⁸⁸ Там же, с. 642.
- ³⁸⁹ Там же, с. 649.
- ³⁹⁰ Там же, с. 652.
- ³⁹¹ ГАУО, ф. 115, оп. 39, ед. хр. 22. В этом деле имеются два автографа Н. П. Огарева, автографы Тучковой-Огаревой и А. А. Тучкова.
- ³⁹² Краеведческие записки, вып. 1, с. 202.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ П. В. Анненков и его друзья, с. 636.
- ³⁹⁶ Там же, с. 637.
- ³⁹⁷ Там же.
- ³⁹⁸ Островская Н. А. Воспоминания. — Русская литература, 1973, № 2, с. 139.
- ³⁹⁹ Там же.
- ⁴⁰⁰ Дом находился на нынешней ул. Гончарова, на месте, где сегодня располагается новое здание издательства «Ульяновская правда».
- ⁴⁰¹ Островская Н. А. Воспоминания, с. 139.
- ⁴⁰² Там же.
- ⁴⁰³ Там же, с. 140.
- ⁴⁰⁴ Ключевский В. О. Соч., т. 5. М., 1958, с. 371.
- ⁴⁰⁵ Ныне Сурский район Ульяновской области.
- ⁴⁰⁶ Герцен А. И. Соч.: в 9-ти тт., т. 6, с. 333, 610.
- ⁴⁰⁷ Литературное наследство, т. 61, ч. I, с. 827—828.
- ⁴⁰⁸ Вайнкопф Ю., Гусин И. Краткий биографический словарь композиторов, вып. I. Л., 1967, с. 81.
- ⁴⁰⁹ Островская Н. А. Воспоминания, с. 139.
- ⁴¹⁰ Литературное наследство, т. 62, ч. 2. М., 1955, с. 149.
- ⁴¹¹ П. В. Анненков и его друзья, с. 649.
- ⁴¹² Литературное наследство, т. 39—40. М., 1941, с. 610.
- ⁴¹³ Театральная энциклопедия, т. II. М., 1963, с. 1194.
- ⁴¹⁴ Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955, с. 302.
- ⁴¹⁵ Там же, с. 315.
- ⁴¹⁶ Театральная энциклопедия, т. II, с. 1194.
- ⁴¹⁷ Звенья, т. 3—4. М., 1934, с. 409.
- ⁴¹⁸ Литературное наследство, т. 39—40, с. 610.
- ⁴¹⁹ Театральная энциклопедия, т. II, с. 610.
- ⁴²⁰ Литературное наследство, т. 63. М., 1956, с. 126.
- ⁴²¹ Литературное наследство, т. 62, ч. 2, с. 156.

- ⁴²² Розанов А. Полина Виардо-Гарсия. Л., 1969, с. 114.
- ⁴²³ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 445.
- ⁴²⁴ Театральная энциклопедия, т. II, с. 1194.
- ⁴²⁵ Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 422.
- ⁴²⁶ Там же.
- ⁴²⁷ Там же, с. 416.
- ⁴²⁸ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 265.
- ⁴²⁹ Вайнкопф Ю., Гусин И. Краткий биографический словарь композиторов, вып. I, с. 82.
- ⁴³⁰ Савич М. Новое о В. Н. Назарьеве. — Ульяновская правда, 1975, 16 февраля.
- ⁴³¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 3. Спб., 1912, с. 316.
- ⁴³² Там же, с. 697. В этом сборнике опубликовано двенадцать писем Назарьева к Стасюлевичу за период с 17 марта 1872 г. по 10 апреля 1887 г.
- ⁴³³ Там же, с. 21.
- ⁴³⁴ Известен всей России. Саратов, 1974, с. 5.
- ⁴³⁵ Ульянова М. И. Отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов. М.—Л., 1931.
- ⁴³⁶ Симбирские губернские ведомости, 1894, № 30, 31, 32 и 33.
- ⁴³⁷ Городской и сельский учитель, 1894, № 3, 4.
- ⁴³⁸ Известен всей России, с. 271—279.
- ⁴³⁹ Там же, с. 7.
- ⁴⁴⁰ Русская старина, 1894, июль, с. 192.
- ⁴⁴¹ Материалы в собрании С. Л. Сытина.
- ⁴⁴² Ленин В. И. Биографическая хроника, т. I. М., 1970, с. 3.
- ⁴⁴³ Ныне территория Цильнинского района Ульяновской области.
- ⁴⁴⁴ Назарьев В. Н. Наша сельская жизнь (Заметки литератора-обывателя). — Отечественные записки, т. 169, кн. 2. 1866, № 12, декабрь.
- ⁴⁴⁵ Мартынов П. Селения Симбирского уезда, с. 319; Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 167.
- ⁴⁴⁶ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, с. 381.
- ⁴⁴⁷ Ульяновский общественник, 1927, № 7, с. 50.
- ⁴⁴⁸ Дом не сохранился.
- ⁴⁴⁹ Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 30.
- В 1931 г. эта коллекция была приобретена Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина. Среди материалов коллекции находилось письмо Краевского и Одоевского к Пушкину (начало августа 1836 г.) с предложением издавать журнал «Современник» вторым (см.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 290).
- Автографы поэта из этой коллекции опубликованы в третьем выпуске «Трудов Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» в 1934 г. В 1938 г. они переданы в Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).
- ⁴⁵⁰ История русского искусства, т. IX, кн. 2. М., 1965, с. 116.
- ⁴⁵¹ Янжул И. И. И. Е. Цветков — основатель Цветковской картинной галереи в Москве. Спб., 1911, с. 15.
- ⁴⁵² Там же, с. 5.
- ⁴⁵³ Яковлев И. Я. Краткий очерк моей жизни. Симбирск, 1920, с. 112. Рукопись в собрании С. Л. Сытина.

- ⁴⁵⁴ Янжул И. И., с. 14.
- ⁴⁵⁵ Бакушинский А. В. Живопись и рисунки XVIII—XIX столетий в Цветковской галерее. М.—Л., 1925, с. 5.
- ⁴⁵⁶ Янжул И. И., с. 14—15. Дом был построен на берегу Москвы-реки недалеко от Кремля, близ храма Христа Спасителя.
- ⁴⁵⁷ Письмо заместителя директора Государственной Третьяковской галереи т. Коваленской А. Блохинецву от 10 декабря 1969 г.
- ⁴⁵⁸ Янжул И. И., с. 15.
- ⁴⁵⁹ Перечень художественных произведений Цветковской галереи. М., 1915.
- ⁴⁶⁰ Художник Я. Д. Минченков (см. его «Воспоминания о передвижниках». Л., 1959) дает шаржированный образ Цветкова. Минченков не смог рассмотреть в собирателе того, что видели И. Е. Репин, академик И. И. Янжул и многие другие.
- ⁴⁶¹ «Смоланками» называли воспитанниц Смольного института.
- ⁴⁶² Янжул И. И., с. 15.
- ⁴⁶³ Русское слово, 1909, № 176.
- ⁴⁶⁴ Отчет о деятельности Симбирской ученой архивной комиссии за 1916 г. Симбирск, 1917, с. 19.
- ⁴⁶⁵ Яковлев И. Я. Краткий очерк моей жизни, с. 119.
- ⁴⁶⁶ Большая Советская энциклопедия, т. 29. М., 1978, с. 395.
- ⁴⁶⁷ Альманах библиофила. М., 1973, с. 238.
- ⁴⁶⁸ Книга. Материалы и исследования, в. XXV. М., 1972, с. 146.
- ⁴⁶⁹ Книжная торговля. М.—Л., 1925, с. 206.
- ⁴⁷⁰ Книга. Материалы и исследования, в. XXIV. М., 1972, с. 166—167.
- ⁴⁷¹ Там же, с. 167. Уехав в Самару, Шибанов продолжал оставаться симбирянином, так как Самара была уездным городом Симбирской губернии.
- ⁴⁷² Книжная торговля, с. 139.
- ⁴⁷³ Книга. Материалы и исследования, в. XXIV, с. 175.
- ⁴⁷⁴ Там же, с. 172.
- ⁴⁷⁵ Книга. Материалы и исследования, в. XXV, с. 151.
- ⁴⁷⁶ Книга. Материалы и исследования, в. XXIV, с. 172.
- ⁴⁷⁷ Книга. Материалы и исследования, в. XXV, с. 151.
- ⁴⁷⁸ Книговедение. М., 1982, с. 599.
- ⁴⁷⁹ Альманах библиофила. М., 1981, с. 206.
- ⁴⁸⁰ Альманах библиофила. М., 1973, с. 234.
- ⁴⁸¹ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- ⁴⁸² ГАУО, ф. 318, оп. 12, ед. хр. 185, л. 17.
- ⁴⁸³ «Я ужасно хохотала, когда читала то место в вашем письме, где вы говорите о том, что вас приняли за богача; это меня ужасно смешило, что такого пролетария, как вы, приняли за богача», — так писала М. А. Моткова в письме к Н. А. Гернету 24 февраля 1868 г. В другом письме она же ему писала: «Господи, господи, да когда же, наконец, это будет, что людей будут считать за разумное и чувствующее существо, а не за пешку, которой можно вертеть так, как только заблагорассудится! Неужели, Николай Александрович, мы с вами так и умрем со злобою на тех, кто так давит жизнь людей порядочных?»
- М. А. Моткова — сестра члена ишутинского кружка Осипа Моткова, арестованного по делу Каракозова. Моткова также была арестована, затем отдана на поруки родителей. В декабре 1869 г.

она вновь была арестована в Петербурге по Нечаевскому делу. Освобождена в январе 1870 г. В 1867—1869 гг. вела переписку с Н. А. Гернетом (см.: Каторга и ссылка, 1938, № 4—5, с. 95, 101, 108).

- ⁴⁸⁴ ГАУО, ф. 318, оп. 12, ед. хр. 185, л. 16.
- ⁴⁸⁵ Там же, ед. хр. 234.
- ⁴⁸⁶ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- ⁴⁸⁷ Гернет М. Н. Автобиография. 1952. — Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- В несколько измененном виде эта работа тогда же была издана под заглавием «Общественные причины преступности — социалистическая школа в науке уголовного права».
- ⁴⁸⁸ Шлемин П. И. К истории крестьянского и земского движения в Симбирской губернии в 1905—1906 гг. (два письма из архива М. Н. Гернета). — Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 33, 1972, с. 265—271.
- ⁴⁸⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 4. М., 1962, с. 169—170.
- ⁴⁹⁰ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- ⁴⁹¹ Там же.
- ⁴⁹² Герцензон А. М. Н. Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874—1953 гг.). — В кн.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. I, с. 7—42.
- ⁴⁹³ Там же.
- ⁴⁹⁴ Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1875 гражданский год. Симбирск, 1876, с. 38.
- ⁴⁹⁵ То же — за 1876 гражданский год. Симбирск, 1878, с. 67.
- Н. Н. Гернет родилась 22 февраля 1853 г. В апреле 1873 г. она вышла замуж и продолжала свою работу учительницы начального училища, уже будучи матерью, что говорит о недостаточной материальной обеспеченности семьи. Ее жалованье составляло 240 рублей в год.
- ⁴⁹⁶ ГАУО, ф. 318, оп. 12, ед. хр. 234.
- ⁴⁹⁷ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- ⁴⁹⁸ Там же; Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974, с. 32. Все математики в Геттингене при защите диссертации получали звание магистра или доктора философии.
- ⁴⁹⁹ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.
- ⁵⁰⁰ Кочина П. Я. Воспоминания, с. 33—34.
- Автор «Воспоминаний» допустила неточность, указав, что Надежда Николаевна родилась в 1877 г. в помещичьей семье... Гернеты формально принадлежали к дворянству, но поместий у них не было. В формулярном списке надворного советника и новоландского уездного судьи Александра Гернета (деда Михаила и Надежды Гернетов) сказано, что ни у него, ни у его жены родовых поместий нет. А «благоприобретенное имение» состояло всего из 36 душ крепостных.
- В своем рапорте от 5 августа 1876 г. Н. А. Гернет писал: «...ввиду некоторых неточностей в формулярном списке моем, со-

ставленном Симбирском губернским акцизным управлением, имею честь объяснить, для должных исправлений:

1) что я принадлежу к числу потомственных дворян Петербургской губернии;

2) что отец мой умер в 1885 г., а потому имения за ним числиться не может, имение же это частично продано, а частью досталось по духовному завещанию матеи моей и моим сестрам...» (ГАУО, ф. 318, оп. 12, ед. хр. 185, л. 28).

Из этого следует, что все пятеро Гернетов, в том числе и Николай Александрович, не унаследовали никаких имений или хотя бы части их. Поэтому слово «помещики» к ним неприменимо.

Другую неточность автор «Воспоминаний» допустила, указав: «В 1876—1877 гг., после освобождения Николая Александровича от надзора, Гернеты жили в Симбирске». Фактически семья Гернетов переехала из Ардатова в Симбирск только в декабре 1886 г. — См.: Гернет М. Н. Краткие воспоминания о моем учении в гимназии (Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске).

Ольга Николаевна — родная сестра Надежды Николаевны — родилась в Симбирске в 1892 г., с золотой медалью окончила Мариинскую гимназию, окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. В замужестве — Зиновьева. Жила в Ленинграде.

⁵⁰¹ Материалы из архива М. Н. Гернета во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Красная летопись. Сборник. Симбирск, 1923, с. 22.

⁵⁰⁴ 1905 год в Симбирске. Сборник. Ульяновск, 1925, с. 7.

⁵⁰⁵ Федоров Г. Н. К истории Симбирской большевистской организации. Саратов, 1964, с. 4.

⁵⁰⁶ Фотография находится в фондах Ульяновского областного краеведческого музея.

⁵⁰⁷ Федоров Г. Н., с. 4.

⁵⁰⁸ Прокламации Симбирской организации РСДРП. Ульяновск, 1951, с. 3.

⁵⁰⁹ Федоров Г. Н., с. 11.

⁵¹⁰ Прокламации Симбирской организации РСДРП, с. 18—19.

⁵¹¹ 1905 год в Симбирске, с. 7.

⁵¹² Красная летопись. Симбирск, 1923, с. 23.

⁵¹³ Письмо Н. А. Никифоровой от 13 июля 1970 г. в личном архиве А. Н. Блохинцева.

⁵¹⁴ Письмо П. А. Балакиришкова к З. Н. Кудасовой от 29 ноября 1970 г. в личном архиве А. Н. Блохинцева.

⁵¹⁵ Балакиришков — издатель газеты «Симбирские вести» (Краеведческие записки, вып. 3. Ульяновск, 1971, с. 120—121).

⁵¹⁶ Краеведческие записки, вып. 3. Ульяновск, 1971, с. 142.

⁵¹⁷ Письмо П. А. Балакиришкова к З. Н. Кудасовой от 29 ноября 1970 г.

⁵¹⁸ Краеведческие записки, вып. 3, с. 142.

⁵¹⁹ Письмо П. А. Балакиришкова к З. Н. Кудасовой от 29 ноября 1970 г.

⁵²⁰ Письмо К. А. Балакиришковой от 26 ноября 1970 г.

⁵²¹ Федоров Г. Н., с. 63.

⁵²² Под «русским театром» автор подразумевал жизнь русских эмигрантов.

⁵²³ Ныне ул. Гагарина, 24.

⁵²⁴ Ул. Гагарина, 22.

⁵²⁵ Федоров Г. Н., с. 41.

⁵²⁶ Там же, с. 43.

⁵²⁷ Это ей В. Орлов писал письма из тюрьмы и давал поручения и через нее же выражал благодарность Балакиришкову (см.: Федоров Г. Н., с. 41, 43).

⁵²⁸ Краеведческие записки, вып. 3, с. 121.

⁵²⁹ Балакиришков А. П. в 1914 г. был мобилизован в армию, а в 1916 г., находясь на Кавказском фронте, на турецкой границе, он был убит.

⁵³⁰ Литературное наследство, т. 37—38. М., 1939, публикация 3. Зайденшнур.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Жиркевич А. В. Автобиография. Ульяновск, 1924, рукопись.

⁵³³ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950.

⁵³⁴ Там же, с. 135.

⁵³⁵ Там же, с. 140.

⁵³⁶ Д. Д. Минаев умер летом 1889 г. и был похоронен на кладбище, находившемся в то время в районе нынешнего речного порта. На могилу была возложена каменная надгробная плита. Позже на могиле установили памятник, а плита осталась брошенной в кустах.

В 1955 г., когда прах поэта и его отца перенесли на городское кладбище (ул. К. Маркса), одновременно были перенесены и памятник, и эта плита, но она снова оказалась брошенной близ могилы. В 1972 году Общество охраны памятников возложило плиту на могилу поэта.

⁵³⁷ Биография осталась в рукописи под названием: «И. Я. Яковлев. Краткий очерк моей жизни».

⁵³⁸ Жиркевич А. В. Автобиография, с. 308.

⁵³⁹ Парта́рхив Ульяновской области, ф. 1, оп. 01, ед. хр. 545.

⁵⁴⁰ Жиркевич А. В. Автобиография, с. 359; письма Т. А. Жиркевич в личном архиве автора этих строк.

⁵⁴¹ Жиркевич А. В. Автобиография, с. 358.

⁵⁴² Там же, с. 390.

⁵⁴³ Фонды Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина в Ульяновске. Фотоснимок воспроизведен в книге «Ленин и Симбирск» (Ульяновск, 1970, с. 354). Ф. Е. Вольсов сидит слева, через одного человека от А. И. Ульяновой-Елизаровой.

⁵⁴⁴ Письмо Вадима Феофановича Вольсова А. Н. Блохинцеву от 6 апреля 1975 г.

⁵⁴⁵ Копия выписки из протокола № 25, полученная от В. Ф. Вольсова.

⁵⁴⁶ Копии выписок из решений о присвоении званий доцента и кандидата технических наук, полученные от В. Ф. Вольсова.

⁵⁴⁷ Куницкая Л. И., Маштакова К. А. Страницы прекрасной жизни. — Вопросы истории, 1969, № 1, с. 120.

⁵⁴⁸ ГАУО, ф. 190, оп. 1, д. 542, л. 126, 137; д. 543, л. 24.

⁵⁴⁹ Ульяновский госдрамтеатр. Сезон 1935—1936 гг. Ульяновск, 1935, с. 12.

⁵⁵⁰ Письмо Е. В. Цыгвинцевой от 24 января 1972 г. автору этих строк.

⁵⁵¹ Левик С. Ю. Записки оперного певца. М., 1962, с. 272.

- ⁵⁵² Е Т-во. Юбилей К. П. Цыгвинцева (к 30-летию театральной деятельности). — Пролетарский путь, 1928, 4 марта.
⁵⁵³ Левик С. Ю. Записки оперного певца, с. 60.
⁵⁵⁴ Советский Союз, 1971, № 3, с. 37.
⁵⁵⁵ Письмо Е. В. Цыгвинцевой от 21 марта 1972 г.
⁵⁵⁶ Левик С. Ю. Записки оперного певца, с. 270.
⁵⁵⁷ Удостоверение и фотография получены от Е. В. Цыгвинцевой и в марте 1975 г. переданы в Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина в Москве.
⁵⁵⁸ ГАУО, ф. 190, оп. 1, д. 542, л. 79.
⁵⁵⁹ Пролетарский путь, 1928, 4 марта.
⁵⁶⁰ Кушманский — один из ульяновских художников.
⁵⁶¹ Запись беседы с П. Г. Паниным в архиве А. Н. Блохинцева.
⁵⁶² Письмо Е. В. Цыгвинцевой от 14 февраля 1972 г. А. Н. Блохинцеву.
⁵⁶³ Ныне ул. Карюкина.
⁵⁶⁴ Пролетарский путь, 1926, 10 января.
⁵⁶⁵ Газета «Московский художник», 1960, № 4 (63).
⁵⁶⁶ Рисунок в архиве А. Н. Блохинцева.
⁵⁶⁷ Там же.
⁵⁶⁸ Век XX и мир, 1969, № 2, с. 15.
⁵⁶⁹ Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Ульяновск, 1969, с. 90.
⁵⁷⁰ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 2. Ульяновск, 1972, с. 512.
⁵⁷¹ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, с. 429.
⁵⁷² Грейсер Г. В. Комсомол на фронте и в тылу. — В сб.: Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Ульяновск, 1958, с. 374—375.
⁵⁷³ Комсомол родины В. И. Ленина. Ульяновск, 1975, с. 299.
⁵⁷⁴ Неверли И. Под фригийской звездой. М., 1953, с. 29.
⁵⁷⁵ Сведения о М. С. Гуревиче сообщил краевед Г. Н. Федоров.
⁵⁷⁶ Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 90.

- Айвазовский И. К. 171, 173, 174
 Аксаков С. Т. 81
 Александр I 25, 28, 107, 109, 113, 115
 Александр II 65, 67, 125
 Андреева М. Ф. 183
 Андреевич Я. М. 58
 Андроников И. 17
 Анненков И. А. 37, 42, 45
 Анненков Н. Н. 27
 Анненков П. В. 79, 80, 119, 120, 121, 122, 123, 127, 128, 129, 131, 133, 136, 138
 Антокольский М. М. 171
 Апухтин А. Н. 171
 Аргамакова М. И. 9, 10, 136
 Аржевитинов И. С. 33, 83—85, 87
 Аржевитинов С. В. 83
 Аржевитинова А. С., см. Тата-ринова А. С.
 Архангельский Д. И. 185, 187—191
 Астраков С. И. 120
 Байков Илья, кучер 113, 114
 Бакунин М. А. 39, 79, 81
 Балакиришников А. П. 161, 164, 165, 168—169
 Балакиришников П. А. 161, 164, 165, 166
 Балакиришкова А. П. 161
 Балакиришкова К. А. 166
 Баратаев М. П. 64, 104
 Баратаева А. Н. 149, 150
 Баратынский Е. А. 15, 86, 94, 120
 Барклай де Толли 69, 70
 Бартенева П. А. 15, 17
 Барятинский А. П. 36
 Басаргин Н. В. 37, 45, 76
 Батеньков Г. С. 76
 Башмаков М. Д. 54
 Башмаков Ф. М. 54—61
 Беклемишев В. А. 146
 Белинский В. Г. 17, 24, 76, 77, 143
 Беляев А. П. 36, 68
 Беляев П. П. 68
 Бенкендорф А. X. 42, 44
 Беретти В. Н. 105
 Берленди Л. 183

- Бестужев (Марлинский) А. А. 68
 Бестужев Г. В. 33, 88
 Бестужев Н. А. 12, 37, 72
 Бестужева П. М. 101
 Бестужев-Рюмин М. П. 37, 59
 Билль-Белоцерковский В. Н. 192, 193, 195, 197
 Блудов Д. Н. 105, 106, 108, 110, 111
 Боголюбов А. П. 174
 Бодянский О. М. 101
 Бомарше П. 114
 Боровиковский В. Л. 115, 144
 Борх (урожд. Лаваль) С. И. 52
 Бредихин Ф. А. 141
 Бруни Ф. А. 143, 173
 Брюллов А. П. 72, 105, 106
 Брюллов К. П. 24, 72, 73, 83, 170, 143, 173, 175
 Буланова О. К. 42, 47
 Булгаков А. Я. 16, 84
 Буслаев Ф. И. 147
 Бухарина (Анненкова) В. И. 11, 17, 26, 27
 Бычков А. Ф. 150
 Вагнер Р. 183
 Валуев Д. А. 25, 94, 101
 Варейкис Вацлав 195
 Варейкис И. В. 196
 Варейкис И. М. 195, 196
 Вармо Сидония 34
 Васильев Ф. А. 146
 Васнецов В. М. 139, 142, 143
 Вендрамини 149
 Венецианов А. Г. 72
 Вергилий 83
 Верди Д. 185
 Верещагин В. В. 171, 174
 Верстовский А. Н. 36
 Верховский А. 184
 Виардо Полина 76, 129
 Винчи Леонардо да 83
 Виньи Альфред 49, 52, 53
 Висковатый П. А. 18
 Витгенштейн П. X. 34, 56
 Вишневский И. В. 141
 Волконская М. Н. 11, 12, 39, 42, 44, 45, 52
 Волнухин С. М. 146
 Вольсов Ф. Е. 112, 176—179

Вольф Ф. Б. 60
 Вяземский П. А. 15, 17, 24,
 27, 28, 41, 53, 84, 95, 112
 Гагарин, князь 148
 Гагарин И. А. 71
 Гальберг С. И. 73, 105, 106,
 107, 108, 109, 110
 Гебль Полина 42, 49
 Гельвеций 8
 Геннади Г. Н. 150
 Гервег Г. 79
 Гернет А. 152
 Гернет М. Н. 152—156, 159
 Гернет Н. А. 152—153, 154, 155,
 157
 Гернет (урожд. Филато-
 ва Н. Н.) 153, 157
 Гернет Н. Н. 156, 157—160
 Гернет О. Н. 159
 Герцен А. И. 13, 24, 26, 39, 42,
 75, 77, 113, 115, 116, 117,
 119, 120, 122, 123, 125, 127,
 129, 143
 Гете И. 24
 Гильберт Д. 157
 Глазунов А. К. 182, 183
 Глинка М. И. 17, 36, 127, 128
 Гнесин М. Ф. 182
 Гоголь Н. В. 24, 26, 81, 103,
 112, 129, 136, 184
 Головинский А. Е. 38
 Головинский В. А. 39, 40
 Гольбах 8
 Гончаров И. А. 6, 18
 Горбачевский А. 184
 Горбунов, симбирский фото-
 граф 165
 Грибовский П. М. 124—125
 Грибоедов А. С. 37, 67
 Григорович Д. В. 34
 Грим, братья 100
 Гуревич М. С. 196
 Гурилев А. Л. 36
 Гюго В. 24

Давид Ж. 174
 Давыдов Д. В. 33, 94, 98, 112
 Даль В. И. 103
 Данокур, гвернер 34
 Данте А. 83
 Даргомыжский А. С. 128
 Дельвиг А. А. 94
 Демидова Н. М. 98
 Демут-Малиновский В. И. 108

Ден З. 128
 Державин Г. Р. 112
 Дехтерев П. С. 7
 Дмитриев И. И. 6
 Дмитриев-Мамонов А. И. 72
 Дубовской Н. Н. 146
 Дюма А. 42

Егоров А. Е. 105, 173
 Екатерина II 50, 89, 90, 150
 Екатерина Павловна, великая
 княгиня 109
 Ермолов А. П. 7, 17, 64, 70
 Ермолов А. Ф. 94
 Ермолова (урожд. Иваше-
 ва) А. П. 34, 38, 75
 Ефремов П. А. 150

Жаркова, домовладелица 137
 Жиркевич А. В. 170—175
 Жуковский В. А. 24, 41, 84, 106,
 107, 112

Завалишин Д. И. 33, 66—68
 Завалишина (урожд. Тол-
 стая) Н. Л. 33, 66
 Загряжская Е. А. 87
 Загряжский А. М. 87, 88
 Зарянка С. К. 174
 Зильберштейн И. С. 72
 Зиновьев В. П. 77
 Зиновьев П. В. 74—77
 Знаменский М. С. 61
 Зубов Платон 150

Иванов А. А. 108, 109
 Иванов Фрис 6
 Ивашев В. П. 31, 33, 34—37,
 42, 43, 45, 46, 47, 48, 56, 66,
 67, 74, 75, 77, 78, 104, 189
 Ивашев П. Н. 32, 33, 34, 36,
 37, 43, 44, 46, 47, 64, 68, 74,
 75, 78, 104
 Ивашева А. П., см. Ермоло-
 ва А. П.
 Ивашева (урожд. Толстая) В. А.
 32, 33, 34, 40, 44, 46, 66, 75,
 78
 Ивашева Е. П., см. Хован-
 ская Е. П.
 Ивашева (урожд. Ледан-
 тю) К. П. 34, 36, 37, 42, 43,
 44, 45, 46, 49, 75, 78
 Ивашева М. П. 38

Изенберг К. И. 182
 Инжеватов И. К. 89

Калам А. 174
 Кишинев И. П. 181
 Канова А. 107
 Капица П. Л. 160
 Каракозов Д. В. 153
 Карамзин Александр 111
 Карамзин Андрей 111
 Карамзин В. М. 88
 Карамзин Н. М. 6, 20, 24, 25,
 33, 85, 88, 104, 106, 108, 109,
 110, 111, 179
 Кассо Л. А. 155
 Каховский А. М. 7, 9
 Кашперов В. Н. 119, 122, 124,
 126—130
 Кашперова А. Н. 128, 130
 Керн А. П. 13
 Керн Е. Ф. 13
 Кетчер Н. Х. 77
 Кикин П. А. 69—73
 Киндяков А. Л. 12, 15, 18, 19
 Киндяков В. А. 6, 7
 Киндяков И. Г. 5
 Киндяков Л. В. 6, 7, 10, 17, 18,
 19
 Киндяков Павел 6, 7, 9, 10, 11,
 55
 Киндяков Петр 6, 7, 8, 9, 10
 11, 55
 Киндякова А. В. 17, 18, 19
 Киндякова Аделаида 17, 18, 19
 Киндякова Ек. П., см. Раев-
 ская Е. П.
 Киндякова Ел. П. см. Пашко-
 ва Е. П.
 Киндякова М. П., см. Полто-
 рацкая М. П.
 Киндякова (Ренкевич) Н. Л.
 18, 19
 Киндякова С. А. 18
 Киндяковы, род 5, 6
 Кипренский О. А. 24, 107
 Киреевский П. В. 40, 94, 96,
 99, 100, 101, 102—103
 Киселев А. А. 146
 Клейн Ф. 157
 Климченко К. М. 108, 109
 Клодт П. К. 109
 Кобеко Д. Ф. 150
 Ковалевская С. В. 157
 Козицкая А. Г., см. Ла-
 валь А. Г.

Козицкая (урожд. Мяснико-
 ва) Е. И. 50, 51, 53
 Козицкий Г. В. 50, 51
 Кольцов А. В. 103
 Комовской В. Д. 105
 Кони А. Ф. 173
 Коринфский А. А. 171
 Короткова К. И. 87
 Корф Н. А. 134
 Корш Е. Ф. 77
 Коссаковская (урожд. Ла-
 валь) А. И. 52, 53
 Костеркина, домовладелица 137
 Кочина П. Я. 158
 Критские, братья 62, 63, 64
 Кролюницкий А. В. 162
 Кролюницкий Ю. А. 161—169
 Крупская Н. К. 117, 180
 Крупский К. И. 117
 Крылов А. Н. 159, 160
 Крылов И. А. 111
 Ксенофонтов Ф. 195—196
 Кузнецов П. В. 174
 Кузьмин А. Д. 58
 Кукольник Павел 175
 Куницкая Л. И. 180
 Купер Э. А. 183
 Кутузов М. И. 70
 Кушманский Н. Ф. 185
 Кувье Ж. 24
 Кюхельбекер В. К. 37, 60, 61
 Кюхельбекеры, семья 77

Лабзин А. Ф. 113—115
 Лаваль (урожд. Козиц-
 кая) А. Г. 51, 52
 Лаваль А. И., см. Коссаков-
 ская А. И.
 Лаваль Е. И., см. Трубец-
 кая Е. И.
 Лаваль Ж. 51, 52
 Лаваль З. И., см. Лебцель-
 терн З. И.
 Лаваль С. И., см. Борх С. И.
 Лавров П. Л. 153
 Лафотер И. 21
 Лебцельтерн, граф 52, 53
 Лебцельтерн (урожд. Ла-
 валь) З. И. 52, 53
 Левик С. Ю. 182
 Левитан И. И. 174
 Левницкий Д. Г. 114
 Ледантю Амели 75
 Ледантю К. П., см. Иваше-
 ва К. П.

Ледантю Мари-Сесиль 34, 37, 42, 43
 Лендер Н. 18
 Ленин (Ульянов) В. И. 52, 112, 133, 135, 137, 177, 180, 181, 187, 196
 Лепарский С. Р. 43, 45
 Лермонтов М. Ю. 17, 18, 26, 119, 129
 Леруа Л. 174
 Лесков Н. С. 171
 Линденер, *генерал* 7, 8, 9
 Литвинова В. Ф. 157—158
 Лихарев В. Н. 68
 Лопатин Г. А. 159
 Лорер Н. И. 68
 Луначарский А. В. 183
 Лушников Н. Ф. 62—65
 Ляпуновы, *братья* 159
 Лясковский Н. Э. 141
 Маковский В. Е. 146
 Маковский К. Е. 139, 146
 Мамонтовы 139
 Маркс К. 79, 80, 81, 159
 Мартос И. П. 107
 Мартыанов П. А. 117, 125
 Маштакова К. А. 180
 Мей Медея 183
 Мейер Х. Ф. 1105
 Мейсонье Э. 174
 Мельников А. И. 105
 Мельников-Печерский П. И. 103
 Мериме П. 24, 100—101
 Минаев Д. Д. 173
 Минаев Д. И. 103
 Мицкевич А. 14
 Морозов, *коллекционер* 139
 Морозов Н. А. 159
 Муравьев А. 58
 Муравьева А. Г. 42
 Муравьев-Апостол М. И. 55, 56, 76
 Муравьев-Апостол С. И. 32, 34, 56—59
 Мюссе А. 24
 Мясников (Пустынников) И. Ф. 50, 89, 90, 91
 Мясникова Е. И. *см. Козицкая Е. И.*
 Назарьев В. Н. 131—138
 Назарьев И. И. 136
 Назарьева (урожд. Гопфгартен) Гертруда 135, 137, 138

Назимов М. А. 68
 Нарышкин М. М. 68
 Нарышкина Е. П. 39
 Нащокин П. В. 96
 Некрасов Н. А. 41, 49, 81
 Нестеров М. В. 174
 Нечкина М. В. 20, 57, 58
 Никитин, *симбирский фотограф*, 164
 Николай I 17, 27, 35, 42, 44, 57, 63, 68, 73, 95, 105, 111, 124
 Никонов В. А. 188
 Новиков Н. И. 20, 114
 Новорусский М. В. 159
 Норов А. С. 15, 47
 Оболенский Е. П. 76
 Огарев Н. П. 116—125, 126, 127, 128, 129, 189
 Одоевский А. И. 68
 Ознобишин Д. П. 94, 103, 111
 Оленин А. А. 37
 Оленин А. Н. 13, 72, 105, 106, 113
 Оленина А. А. 13
 Орас-Вернье 174
 Орлов В. В. 162, 166, 167, 168, 169
 Орловский Б. М. 105
 Островский А. Н. 184, 186
 Островский Н. Н. 122, 123, 124
 Островская Н. А. 124, 126
 Остроухов И. С. 139
 Павел I 10, 22, 32, 51
 Пальмин П. 62
 Панаев В. И. 80
 Панаев И. И. 77, 81
 Панин П. Г. 185
 Панин П. И. 89, 90, 91, 97, 100, 102
 Пашкова (урожд. Книдякова) Е. П. 11, 14, 15
 Перов В. Г. 174
 Пестель П. И. 34, 35, 55
 Петр I 149
 Писемский А. Ф. 103
 Пластов А. А. 188, 190, 191
 Пластов Н. А. 191
 Плетнев П. А. 96, 112
 Плятт Р. 196
 Погодин М. П. 85, 111
 Полевой Н. А. 14
 Полежаев А. И. 63
 Поленов В. Д. 143

Поливанов В. Н. 145
 Полторацкая (урожд. Книдякова) М. П. 11, 12, 13, 14
 Полторацкий С. Д. 12, 13, 14
 Попов А. В. 194
 Попов Л. В. 174
 Попов С. 91
 Потемкин Г. А. 144
 Прокофьев И. П. 115
 Прянишников И. М. 146
 Пугачев Е. И. 86, 88, 89, 90, 97, 100, 102
 Пуссен Н. 174
 Пушкин А. С. 12, 13, 14, 15, 17, 23, 24, 25, 26, 27, 51, 53, 63, 69, 73, 84, 85, 86—91, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 107, 111, 113, 115, 136, 138, 179
 Пушкин Л. С. 87
 Пушкина Н. Н. 73, 87, 96
 Пушин И. И. 37, 45, 76, 77
 Радищев А. Н. 9, 23
 Раевская (Книдякова) Е. П. 11, 12, 14, 15—16
 Раевский А. Н. 11
 Раевский Н. Н. 11
 Рамазанов Н. А. 108, 109—110
 Рамбо А. 49
 Рафаэль 83
 Ренкевич Александра 18, 19
 Ренкевич Наталья 18, 19
 Репин И. Е. 143, 146, 170, 171, 172, 173, 175
 Репин Ю. И. 172
 Рерих Н. К. 182
 Римский-Корсаков Н. А. 182
 Ровинский Д. А. 150
 Rogozin Глеб 168
 Rogozin И. С. 188
 Розен А. Е. 37
 Ростан Э. 177
 Ростовский Н. А. 183
 Ростопчина Е. П. 15
 Руффо Т. 183
 Рылеев К. Ф. 63
 Рябиков В. В. 162, 163, 168
 Рябиконов Ф. С. 44, 46, 47
 Рябикова П. Д. 44, 46—48
 Саврасов А. К. 146
 Садовников Д. Н. 103
 Санд Жорж 24
 Сатин Н. М. 17, 122

Сарабьянов Д. 188
 Свербесва З. С. 52
 Сверчков Н. Е. 174
 Свистунов П. Н. 61
 Серно-Соловьевич Н. А. 117
 Симбирцев В. Н. 188
 Скотт В. 24
 Славянский Ю. Л. 91
 Словацкий Ю. 49
 Собинов Л. В. 183
 Соймонов А. Д. 102
 Соллогуб В. А. 80, 81
 Соловьев З. П. 162
 Сперанский Г. Н. 159
 Ставассер П. А. 108, 109
 Стасюлевич М. М. 131, 132, 133, 136
 Стендаль А. 24
 Суворов А. В. 32, 37, 54
 Сук В. И. 183
 Султанов А. 62
 Суриков В. И. 143
 Сухинин И. И. 58
 Татаринов А. Н. 84, 123—124, 126
 Татаринова (Аржевитинова) А. С. 84
 Твердышева (Мясникова) Т. Б. 50
 Твердышевы 50
 Тимашева Е. А. 15, 16
 Тоблер Г. 21
 Толстой А. В. 32, 40
 Толстой Г. М. 40, 47, 78—81
 Толстой Л. Н. 70, 120, 170, 171, 172, 184
 Тон А. А. 105, 106, 107
 Тон К. А. 105
 Топорнин Ф. И. 47, 78
 Торвальдсен Б. 107
 Третьяков П. М. 139, 144
 Тропинин В. А. 143, 173
 Трубецкая (урожд. Лаваль) Е. И. 42, 49, 50, 52, 53, 89
 Трубецкой С. П. 49, 53, 76
 Трубникова М. В. 47
 Туртчев И. П. 174
 Трутовский К. А. 174
 Тургенев Ал. И. 15, 17, 24—27, 28, 41, 53, 83, 84
 Тургенев Ан. И. 21—24
 Тургенев И. П. 7, 20, 33, 83

Тургенев И. С. 39, 76, 77, 129—130, 133, 136
 Тургенев Н. И. 25, 26, 27—29, 33, 55, 83
 Тургенев С. И. 29
 Тургенева Х. П. 83
 Тучков А. А. 122
 Тучкова-Огарева Н. А. 119, 129
 Тюрин Д. Д. 62
 Тютчев Ф. И. 33, 78
 Тютчева (Толстая) Е. Л. 33

Угрюмов Г. И. 174
 Ульянов А. И. 112, 133, 159
 Ульянов Д. И. 154, 162
 Ульянов И. Н. 131, 132, 133, 134, 135, 137, 157
 Ульянова М. А. 137
 Ульянова М. И. 133
 Ульянова О. И. 112, 137
 Ульянова-Елизарова А. И. 112, 117, 178
 Уральцев А. М. 193

Фет А. А. 171
 Фигнер В. Н. 41, 52, 183
 Фигнер Н. Н. 183
 Филатов В. П. 159
 Фильд 36
 Фонвизин М. А. 55, 77
 Фонвизина Н. Д. 39
 Фофанов К. М. 171, 172
 Франс А. 155

Хватков, симбирский букинист 149
 Хованская (урожд. Ивашева) Е. П. 34, 37, 38, 40, 68, 78
 Хованский Ю. С. 68, 104
 Хомяков А. С. 25, 94, 101
 Хомякова Е. М. 101

Цветков И. Е. 130, 139—145
 Цебриков Н. Р. 68
 Церетели А. А. 182
 Цыгвинцев К. П. 177, 181—186
 Цыгвинцев П. Х. 182
 Цыгвинцева А. С. 182
 Цыгвинцева Е. В. 181

Чаадаев П. Я. 27
 Черепин Н. Н. 182
 Черкасов А. И. 68

Чернецов Г. Г. 72
 Чернецов Н. Г. 72
 Черников В. В. 149, 150
 Чернышевский Н. Г. 117, 143, 159
 Чехов А. П. 171
 Чириков Е. Н. 184
 Чуковский К. И. 80

Шаляпин Ф. И. 181, 183
 Шарымов М. Ф. 188
 Шатров Н. Ф., купец 179
 Швер А. В. 188
 Шестакова Л. И. 127
 Шерваль Аврора 112
 Шибанов П. В. 147—150
 Шибанов П. П. 147, 148, 149, 150—151
 Шилдаев, учитель 134
 Шиллер Ф. 184
 Шишкин И. И. 146, 173
 Шоу Б. 186

Щедрин Сильвестр 107, 108.

Эйдельман Н. Я. 58
 Энгельс Ф. 79, 81, 159

Юренин Ю. 184
 Юрлов А. И. 88
 Юрлов П. И. 88

Языков А. М. 71, 73, 87, 99, 101, 104
 Языков Василий 93, 97
 Языков В. П. 98
 Языков М. П. 93, 94
 Языков Н. М. 15, 26, 69, 71, 73, 84, 87, 93—98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 111
 Языков П. М. 71, 74, 85, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105
 Языкова (урожд. Ермолова) Е. А. 69, 93
 Языкова (урожд. Ивашева) Е. П. 34, 35, 38, 39, 40, 68, 74, 101
 Языкова Н. А. 101
 Яковлев А. И. 175
 Яковлев И. Я. 145, 173
 Яковлева М. Г. 167, 169
 Якушкин И. Д. 37, 60, 76, 77

СОДЕРЖАНИЕ

Приверженцы вольности	5
«И, плети рабства ненавижда...»	20
«С умом на цареубийство»	31
«Я люблю его почти с детства...»	41
Крестьянка из Ундор	46
Бабушка и внуки	49
Девятый по списку	54
Вольность и смерть тирану	62
Арестован в Симбирске	66
Воин и академик	69
«Бесценный Пьер»	74
Знакомый Маркса	78
Из Флоренции в Симбирск	82
Пушкин в Симбирске	86
Прибежище поэзии	92
Сокровище неоценимое	99
Муза в Симбирске	104
Кучер и вице-президент	113
Дом в Проломиех	116
Симбирский приятель Огарева	126
Первый пропагандист	131
Симбирский Третьяков	139
Антиквары Шибановы	147
Гернеты	152
Дом на Новоказанской	161
Дар коллекционера	170
«Один из всех специалистов...»	176
Чародей сцены	180
Художник-просветитель	187
«Шторм» начинался в Симбирске	192
Примечания	198
Именной указатель	217

Александр Николаевич Блохинцев

И жизни след оставили своей...

Редактор Н. Шарыгина

Художник А. В. Снежинский

Художественный редактор В. К. Иванов

Технический редактор Л. И. Борисова

Корректор И. А. Соколова

ИБ 1041

Сдано в набор 11.12.84. Подписано в печать 19.06.85. ЗМ 00898.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 12,163. Тираж 15 000. Заказ 21. Цена 70 коп.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского обл. исполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.